

18+

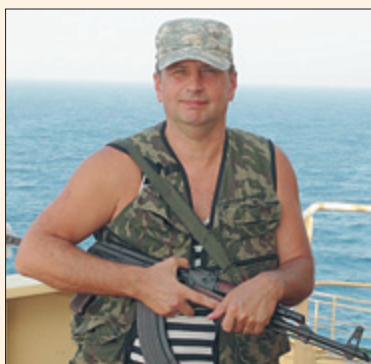
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №21 ГАЗЕТА

Николай Прокудин / **Охота на пиратов XXI века**

ПРОКУДИН Николай Николаевич

Родился 7 августа 1961 году в г. Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской области. В Вооруженных Силах СССР-РФ с 1979 по 1998 годы. Ветеран войны в Афганистане (1985–1987 годы в составе 180 МСП), награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями. Майор запаса. Участник антипиратских операций в Индийском океане с 2011 года и по настоящее время, сопровождал 37 торговых судов, прошел 135 тысяч морских миль. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей.

Лауреат нескольких литературных премий. Прозаик, детский писатель, автор 18 книг прозы для детей и взрослых.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ РОМАН-ГАЗЕТА

ЖУРНАЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА!

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

70782 на полугодие, **71752** на год;

в объединенном каталоге «Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге «Почта России»

П1526 на полугодие

Адрес редакции: Россия, 107078, Москва, Новая Басманная, д. 19

Телефоны редакции: 8 (499) 261-84-61, 8 (499) 261-49-29

Телефон отдела распространения: 8 (499) 261-95-87

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru Сайт: www.roman-gazeta-1927.ru

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белокин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
обложки

использована картина
голландского
художника
Корнелиса Врома

Права
на использование
товарного знака

«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2019
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2019 №21 /1842/ Основана в 1927 г.

Николай Прокудин

Охота на пиратов XXI века

Хроника:

«...26 июня 2012 г. в Дубае открылась Вторая международная конференция по борьбе с пиратством. В двухдневном форуме примут участие представители более 50 стран. В рамках заявленной темы — «Региональный ответ морскому пиратству: углубление общественно-государственного партнерства и усиление глобального взаимодействия» планируется обсудить экономический и гуманитарный ущерб от морского пиратства, а также повышение эффективности борьбы с ним посредством сотрудничества между частными организациями и государственными органами.

По данным организаторов конференции, в общей сложности с 2007 года в плену у пиратов побывали 3,5 тыс. моряков, 62 моряка погибли в результате пиратских атак. Согласно данным Международного морского бюро (IMB), с начала текущего года произошло 43 инцидента с участием морских пиратов, в результате которых захвачено восемь судов и 144 члена экипажа. В настоящее время в заложниках у сомалийских пиратов находится 15 судов с более чем 250 моряками. Из них около 150 человек находятся в плену более года, а 26 моряков — более двух лет. Ежегодные потери глобальной торговли от пиратства оцениваются в 12 миллиардов долларов...»

Уже полтора года в морях...

Алекс дал добро на двенадцатый поход через океан и утвердил предложенный мною экипаж. Художник Юлий Зверлинг уже который месяц мечтал побывать в океане, а морячок Шура Кабыла после первой стажировки с Суворовым стремился закрепиться в коллективе секьюрити.

Договорились встретиться у выхода из метро «Московская» в девять утра. Зверлинг прибыл в точно назначенное время, но одет был, на мой взгляд, забавно: длинная рубаша в вертикальную разноцветную полоску навывпуск и джинсы, обрезанные под шорты. Юлий устало пыхтел, сгибаясь под тяжестью груза: за спиной большой черный рюкзак, а в руке объемистый баул.

- Зачем ты набрал столько барахла?
- Как зачем? Неизвестно, насколько долго уезжаю!
- И что в багаже? Учти, бесплатный багаж до двадцати килограммов.
- Ничего особенного: кисти, краски, мелки, бумага. В рюкзаке компьютер.
- Системный блок и монитор?

Юлий на полном серьезе парировал:

— Зачем столь примитивно? Обошелся ноут-буком...

Я махнул рукой в знак согласия, и мы поспешили на встречу с третьим членом бригады.

Кабыла, наоборот, явился налегке, лишь с небольшой сумкой через плечо и с легкомысленной барсеткой, но оделся не по-летнему тепло: ветровка, светлая плотная рубашка-поло, джинсы.

— Не маловата ли сумочка для дальнего похода? — с сомнением оглядел я багаж морского путешественника. — Куда будешь грузить цейлонский чай?

— Чай? А шо мы его тоннами будем скупать?

— Ты ж хохол.

— За меня не переживай. Чай — не сало! Мне этой сумочки вполне хватит. А понадобится — куплю чемодан... — пропыхтел Шура, то и дело вытирая платком обильный пот с широкого лица и большой бритой головы.

Я взгляделся в лицо товарища и нахмурился.

«Кабыла столь сильно изнывает от жары или очень нервничает? Если нервишки шалют, то с чего бы? Вроде в морских походах не новичок — бывалый настоящий моряк. Да и на борьбу с пиратами летит не впервые».

— Сними ветровку — потом истечешь.

— Жар костей не ломит. А иначе в Дубае, ночью, в аэропорту замерзну — боюсь, продуют кондиционеры, и заболею перед рейсом.

Шура шумно выдохнул, и мясистые губы дрогнули, словно у коня. Фыркнул, вновь обтер щеки и огромный лоб мыслителя.

Я чуть заметно ухмыльнулся:

«А ведь наш Кабыла — вылитый сомалиец! Если эту широкую физиономию хорошенько намазать гуталином — ей-ей был бы типичным нигерийцем: высокий, круглолицый, большеголовый, губастый. И в то же время в нормальной жизни он образец нордической суровости и серьезности: немногословен, суров, задумчив».

Представил компаньонов друг другу.

— Шура! А почему твоя фамилия пишется Кабыла, а не Кобыла? — хитро прищутив левый глаз, поинтересовался художник-юморист.

— Это, скорее всего ошибка старого малограмотного писаря! — пояснил я, опережая резкий ответ товарища, опасаясь, что моряк обидится на неуместную шутку Зверлинга. — Верно говорю, Шурик?

— Оба балбесы! Вы, как и все прочие, мало эрудированные россияне, делаете ошибку, переводя мою фамилию на русский. А это иностранная фамилия, и к лошадям она не имеет никакого отношения. Фамилия Кабыла происходит от другого слова — иностранного.

— Ах, так ты киргиз? — Я слегка ухмыльнулся, вспомнив несколько слов из детства, проведенного в Киргизии: — Кабыл болсун означает: желаю тебе...

Во взгляде Шуры сквозило неприкрытое недовольство и осуждение моего легкомыслия. Приятель покачал головой и тяжело вздохнул:

— Сам ты болсун! Достали твои еврейские шуточки...

— Почему еврейские?

— Нос выдает! Повторюсь, ты же сын стоматолога...

Я непроизвольно потрогал свой шнобель: нос как нос, вполне европейский, даже греческий...

— Не всегда я был сыном стоматолога. Мы потомственные шахтеры! Прежде папа в шахте вкалывал, пока не понял, что надо менять профессию. Хотя, если честно, ему друг так и сказал: евреи плохую профессию не выберут.

— Вот-вот, сын стоматолога — не умничай. А моя фамилия венгерская, — перебил мои воспоминания Шура.

— Так ты европеец! Не хохол? А я-то думал...

Кабыла в последний раз судорожно затянулся сигаретой — подъехал рейсовый автобус.

Я чуть усмехнулся: «Однако Шура и впрямь нервничает». Но, даже волнуясь, морячок был сама педантичность и аккуратность — бросил окурочек не на асфальт, а точно в урну.

Оплатив проезд и вцепившись в вертикальный поручень, я с ехидцей в красках обрисовал свой первый поход на танкере «Натаалья» — перечислил многочисленные тяготы и лишения курящих. Шура чуть задумался и заверил — это последняя сигарета.

— Бросаю курить на две предстоящие недели похода — буду восстанавливать здоровье. Начну лечить печень: пить травы, витамины, таблетки. Жена дала в дорогу целую аптечку: таблетки да травку.

— Иди ты! Марихуану потащишь через таможню? — хохотнул Зверлинг. — Мы ж не в Амстердаме.

— Вы меня сегодня за пять минут уже достали! Какая, блин, марихуана? Ромашка, расторопша, овес!

Зверлинг ухмыльнулся и пожал плечами:

— Да я ничего такого не хотел сказать. Я доволен, что не везешь марихуану. Лично я не пробовал. А ты курил?

— У-у-у... — понемногу начал закипать Шура.

— Юлий, да отстань от человека со своей марихуаной!

— Почему со своей? Разве я наркоша? — невозмутимо пробубнил приятель. — Раз художник — обязательно нюхаю, курю и ширяюсь? Наоборот, я за здоровый образ жизни! Только водку пью и никаких прочих излишеств. Я лишь раз в жизни кокаин нюхал. А курить — вообще здоровью вредить...

— Отстаньте от меня, изверги! — воскликнул морячок. — Дайте спокойно подумать и сосредоточиться! Я же сказал — завяжу на две недели и с куревом, и с выпивкой...

Я замахал руками успокаивающе:

— Думай, думай, настраивайся! Молчу-молчу...

Что ж, действительно, нам со Зверлингом в море, если выпадет идти на танкере, будет гораздо легче — не курим. Лично я жадный — экономлю на спичках! Зачем пускать деньги на ветер?

Долгожданный Коломбо!..

За последний год все здесь стало знакомым и почти «родным»: ланкиец-агент, пограничники, багажный зал, таможня, пункт обмена денег.

С агентом доброжелательно обнялись, с пограничниками любезно поздоровались, обменяли по полтиннику долларов на брата на местные рупии — для мелких расходов.

В машине попытались растолковать парню, что мы хотели бы найти и купить знаменитого развесного цейлонского чая. Ни молодой агент, ни водитель так и не смогли нас понять, чего именно мы от них добиваемся: останавливали микроавтобус возле сетевых магазинов, где продавался лишь обычный чай в пакетиках. Зачем нам этот мусор? Такую дрянь мы и в России купим. Ладно, найдем чай в следующий раз, ведь дольше задерживаться нельзя — судно ждет на рейде!

В Галле в воинской части получил комплект вооружения: три новеньких китайских «калаша», триста шестьдесят патронов, двенадцать магазинов. Я заполнил в нескольких комнатах-офисах кучу бумаг, расписался раз двадцать в ведомостях, тщательно проверил оружие по номерам. Суровый мордатый капрал шоколадного цвета внимательно следил за мной и всюду следовал тенью. В последнем кабинете толстяк майор заверил, что с оружием полный порядок, пожал на прощание руку и пожелал удачи.

Вооружились — и в порт. Пограничный катер стоял «под парами» у стенки в ожидании секьюрити. Подали вещи матросам, ящик с оружием, каждый сделал шаг вперед с поддержкой протянутых рук ланкийских моряков. С нами вновь большой сопровождающий эскорт: стражник с автоматом, таможенник, агент.

Океан радовал полным спокойствием: чуть колыхался, словно большое изумрудное озеро. Значит, с высадкой на борт проблем не будет.

Юлий вновь зашелкал фотоаппаратом — виды удаляющегося острова и морской простор, фото с ланкийцами, нас — попутчиков.

Домчались до цели быстро — за полчаса. И вот над нашим юрким суденышком висится металлическая громадина коричневого цвета, длиной примерно в стадион. Оголившаяся часть борта плавучего гиганта в балласте слегка обросла ракушками. Когда смотришь снизу вверх, то по ощущениям — над тобой небоскреб. И если бы это был не корабль, а дом, то строение потянуло бы примерно на десять этажей. И тоннаж солидный — примерно двести тысяч. Поначалу мне показалось, что я ослышался в названии, ланкийцы что-то попутали — передо мной был

явно старый знакомый «Father». Но нет, все верно, на борту выведено крупными буквами, как и по бурагам для сопровождения — «Cape Mordexai». Дежавю какое-то! А ведь копия — один в один с прежним недавним подопечным!

У самой кромки воды болтался конец шторм трапа, и лениво набегающая волна омывала его концы и нижнюю деревянную ступеньку — балясину. Прикинул на глаз: борт этого судна в балласте выше двадцати метров! Страшновато карабкаться даже мне, а как себя покажет Зверлинг. И что делать?!

С тревогой и сомнением оглядел нашу возрастную штурмовую группу: мордатый Шурик, пузатый Юлик — мои «десантники» выглядели не очень бодро и внушительно. Художник заметно нервничал, то и дело, дергая ус и протирая ладонью лицо. Верхолазы, блин! Да я и сам не особо источал оптимизм и радость по поводу восхождения — уже не столь энергичен, как, например, лет десять назад, ведь как-никак мне давно не тридцать пять и не сорок...

Моряки с пограничного катера взялись за привычное дело — цеплять к брошенному концу вещи и «сейф» с оружием. Размышлять и переживать лишнего времени нет: мысли мыслями, однако дело прежде всего!

Стараясь подбодрить, нервно подмигнул Юлию — не трусь, и первым ухватился за болтающийся шторм-трап. А куда нам деваться с «подводной лодки»?

Схватился за ворсистые боковины (тетиву), сплетенные из пеньковых веревок, поставил ногу на балясину, подтянулся, переместился на следующую, и, тихо раскачиваясь в воздухе, подал тело вверх. Топ-топ-топ. В конце концов, взмокнув от напряжения, жары и влажности, добрался до нижней ступени приспущенного «парадного» трапа, протянул руку, перехватился за поручень, успешно перебрался.

Оглянулся. Следом напряженно пыхтел, штурмуя высоту спецназовец-художник, старательно перехватывая руками (как мы его с Шуриком учили) тетиву и упираясь подбородком о балясины. Подал руку товарищу, помогая перебраться на шаткие металлические сходни. Юлий побагровел, крепко вцепился в меня и решительно сделал ответственный шаг.

— Поднимайся по трапу, я помогу Кабыле. Да не свались ты, будь аккуратнее!

— Не бойся, я же в прошлом десантник!

— Я не за тебя опасаюсь, за себя! Сколько ты прыжков с парашютом совершил?

— Двадцать три!

— Прыжковые навыки тут не помогут! Снесешь меня, и оба загремим вниз — разобьемся о катер!

Зверлинг понимающе кивнул и крепко вцепился в поручни.

Я кинул взгляд вниз — монументальный Кабыла, как опытный моряк, хотя и в далеком прошлом, неспешно, но уверенно взбирался в замыкании вверх. Комок мышц. Обелиск!

Ну, за него я спокоен — точно не свалится!..

«Саре Мордехай»

Ступив на твердую палубу, я внимательно огляделся: действительно — это не «Father». А я-то подумал — может, хохлы переименовали старика. В глаза бросались некоторые конструктивные изменения: длинные пешеходные площадки бортовых кранов, по которой можно было бродить, как и по крыльям — на «Father» эта площадка отсутствовала. А так, на первый взгляд: корабли-близнецы. Действительно, чертовски похожи! Как говорят моряки: систер шип — судно одной серии.

Поспешил на мостик — знакомиться с руководством. Капитан встретил «спецназ» вполне радушно: благожелательно выслушал меня, пообещав разместить с уютом и содействовать всеми имеющимися средствами и возможностями по созданию необходимой обороны. Тотчас была поставлена задача сварщику сварить макеты пулеметов и четыре бойницы: для стрельбы лежа — секторами в сторону кормы, и для стрельбы стоя — на бак.

Мастер Юрий Колеватов оказался нашим с Шурой ровесником. Высокий, худощавый, задумчивый и, увы, постоянно курящий. Пока мы с ним в течение пятнадцати минут общались, он выкурил три сигареты, прикуривая одну за другой. Эх, если мастер курит на мостике, то курят и все помощники — обычно в помещении на вахте не продохнуть и одно спасение — бродить по крыльям и загорать. Я забеспокоился за нашего товарища, а ну как под стол «дурным влиянием» Кабыла нарушит данное нам обещание и вновь закурит?

Разместились действительно с комфортом: каждому досталось по большой отдельной каюте — экипаж на перегон шел в сокращенном составе.

Вскоре после размещения повар пригласил на обед в просторную столовую: борщ, котлеты с макаронами, овощной салат, компот. Мы неспешно наслаждались украинской кухней и явно переели.

Первый день прошел в обычной суете: обжить каюту, осмотреться на судне, как можно лучше познакомиться с экипажем, отправить рапорт боссу...

Договорились с капитаном после ужина выпить по сто граммов за знакомство — заранее прикупленная бутылка как раз удачно годилась для этого дела.

Знакомство прошло душевно. Колеватов одобритительно крякнул при виде литра джина и выставил легкие закуски, в основном фрукты, но и сало присутствовало. А как иначе? Национальный экспортный продукт!

Мы рассказали о себе, я выдал несколько баек из предыдущих морских походов, капитан, как настоящий одессит, в ответ рассказал дюжину анекдотов. После третьего госта мастер подробно поведал о себе и судне: десять лет вместе с боцманом Тихоном Сергеевым трудился в бразильско-израильской компании, стояли на линии Австралия—Китай. От-

пахали на совесть! Прочий экипаж за годы работы состоял из филиппинцев и евреев и постоянно менялся.

— Боцман с некоторыми странностями — поэт! Как подвыпьет, может бесконечно и без усталости читать свои старые и вновь сочиненные вирши.

— Забавно! Неожиданно... — хмыкнул Кабыла, закусывая джин нетипичной закуской — салом. — Человек столь грубой и простой профессии и вдруг с поэтическими наклонностями.

— Вот-вот, я и говорю — чудак! По жизни Тихон слегка заикается, а вот свои стишки вещает без запинки! — оживился мастер. — Хотите послушать? Позвать?

Ох! Слушать слабые любительские стихи — только этого не хватало! Перед самым выходом в море я побывал на двух поэтических вечерах — наслушался.

— Юра! Спасибо — в следующий раз, — поспешил я остановить захмелевшего капитана, разливая остатки джина в стаканы. — Хорошего в меру, еще наговоримся — не один день находиться вместе...

Утро прошло в рекогносцировке: осмотрели палубу судна, машинное отделение, румпельную, надстройку. Пока гуляли с голым торсом — чуток подпалились. После обеда чистка оружия — утром предстояло заступать на вахту.

Близился ужин — разошлись вздремнуть по каютам, отдохнуть от палящей жары. Внезапно в каюту с громким стуком ворвался мастер, с порога гаркнул:

— Где твои бойцы? Сбор по тревоге! Бегом ко мне в каюту!

Что это было? Проверяет нашу боевую готовность? Экстренно вызвал по телефону товарищей, переоделся в камуфляж. Экипированные секьюрити быстро примчались, разобрали свои стволы из сейфа и с громким топотом поспешили к мастеру палубой выше.

Ворвались в капитанский салон примерно через две минуты после объявления тревоги. Я без тактичного стука заскочил первым, а сзади напирали телами вооруженные товарищи. Вломились и... опешили: мы едва не снесли подготовленный к ужину стол.

На диване и на стульях восседал спянный, вернее сказать, споенный, крепкий, дружный коллектив сухогруза: сам мастер Юрий, стармех — коренастый крепыш Борис, второй штурман — тощий Витя, а чуть в стороне высился над холодильником огромный, как горилла, боцман Тихон.

Мастер на минуту обомлел, вытаращившись на наш вооруженный до зубов отряд. Потом после секундной паузы моряки расхохотались — речь вернулась:

— Энергично! Вы шо, хлопцы? Никак уже воевать собрались?

— Извиняюсь, не поняли. Подумали учебная тревога! Крикнул — бегом ко мне в каюту, вот мы и... — пояснил я, чуть смутившись. — Недопоняли...

— Правильно скомандовал — картошечка остывает, да и водка греется — из морозилки достал. Сегодня встречный фуршет — с лучшей частью экипажа надо ведь тоже познакомиться. За столом не спеша обговорим переход пиратской зоны...

Моряки добродушно улыбались, и мы засмеялись своей промашке. Быстро вернулись, сложили оружие в металлическую шкатулку и поспешили обратно к столу. Зверлинг радостно потирал руки — водка!

— Я предвкушал!

Водочку он любил и уважал — начало похода нравилось художнику все больше и больше.

Пока мы отсутствовали, стол заметно пополнился — повар постарался на славу, сервируя его: тарелки с мясной и сырной закусками, широкие блюда с тремя видами салатов, на отдельных тарелках соленые помидоры и огурчики, маринованные грибочки, оливки, селедка с лучком и широкое блюдо с отварной и дымящейся картошкой, обсыпанной укропом. В центре стола в обрамлении банок «пепси» и пакетов с соками высилась литровая бутылка холодной водки со слезой — и верно, только вынули из морозилки.

Бутылка пошла по кругу. Как истинный любитель и ценитель водки, Юлий плеснул себе сразу полстакана, прочие собутельники были скромнее — по четвертинке. Шура пояснил экипажу про лекарства и диету, судорожно сглотнул слюну и налил себе апельсинового сока. Ну, не человек — кремь!

— Да вы если шо, не стесняйтесь, хлопцы! Этого добра у нас целая коробка. Наливайте, не скромничайте!

А я и не скромничал, просто знаю свою норму водки — да и не люблю ее, подлую...

После третьего тоста разговор пошел веселее. Мастер расхваливал старожил-боцмана — уже почти двадцать лет с рудовоза не слезает.

— Когда я стал мастером на «Мордехае» — он тут уже десять лет хозяйничал.

— Верно! А п-почему бы не работать на одном месте? Евреи х-хорошо п-п-платили — в п-полтора раза больше, чем эта жадная хохляцкая компания. Эх, жаль, п-продали п-пароход хохлам-глобам, — посетовал, слегка заикаясь на буквы «п» и «х», боцман Тихон. — Сухогруз стал по европ-пейским стандартам старичком: в Америку, в Европ-пу и на Израиль х-ходить не годится — год выпуска давний, п-по законам срок ему вышел, вот и п-продали его с выгодой одесситам. А я к «Мордехаю» п-прикипел всей душой! Два раза в год брал короткие отпуска по месяцу, дела временно п-передавал матросу — и обратно! Можно сказать, п-половина жизни п-прошла на этом рудовозе...

После пятого тоста мастер перешел от общих тем к политическим.

— Вот который год мы в экономике на месте топчемся: шо Россия, шо Украина. А приходишь в

Китай, допустим, в какой-то новый порт и вокруг ничего — голый берег, пирс, и один мол, уходящий в море. И ни души, ни огонька. Через пару лет снова попадаешь в этот порт и шо видишь?

— И шо? — заинтересовался любознательный и трезвый Кабыла.

— А видишь ты, дорогой мой товарищ Шура, огромный порт, заводы и рядом гигантский город весь в огнях! Вот это динамично развивающаяся экономика!

— Эх, точно! И, как у нас, нигде так не воруют! Например, в Питере который год стадион достроить не могут — кучу денег сперли! Ни одного километра высокоскоростных железных дорог не сделано! — поддержал разговор Зверлинг. — А китайцы возвели больше десяти тысяч километров! Про новую трассу из Питера до Москвы уже двадцать лет болтают и никак не делают.

— Я что себе думаю: китайцы тихо готовятся к большой войне: многие десятки, а то и сотню миллионов тонн железной руды в страну завозится ежегодно! — вновь оживился мастер. — Вот и этот рудовоз тоже ставится на китайскую линию! Половина мира работает на Китай! Руду возят из Австралии, Украины, России, Бразилии, из ЮАР. В десятки портов тысячи судов. Кстати, не всю привозную руду сразу отправляют на выплавку стали: они старые, гигантские, выработанные карьеры заполняют, и над бывшими выработками даже целые холмы возвышаются! И медь, и никель, и уголь — все складировать про запас, словно создают многолетние резервы для большой и длительной войны. А нефть в гигантские емкости заполняют и даже в пещеры заливают. Явно готовятся к нашествию на нас, вернее сказать, на вас, на русских. Боюсь, скоро будем жить на китайско-украинской границе. ...

— Теперь и ваш украинский пароход присоединится к вывозу украинской руды в Китай! — посетовал я. — И вы скоро тоже начнете работать на потенциальных агрессоров.

— Пароход не украинский — мы либерийцы! Разве не бачил, какой флаг висит на корме? О то ж! А шо делать? Гроши нужны, работать надо... — махнул рукой мастер, поправил очки на носу и опрокинул очередную рюмку в широкий белозубый рот. — Хотя я, пожалуй, долго тут не задержусь. Мы с боцманом отгоним судно и сплещемся — вернемся в родную и хлебосольную еврейскую компанию.

— А почему китайцам надо воевать именно с нами? — насутился оптимист художник.

— Ну, а с кем китаезам еще воевать, Юлий? Не с индусами же — тех тоже полтора миллиарда, и не с америкосами — у тех сильнейшая экономика, многочисленная авиация и мощный флот и никакой общей границы, и до них не достать — между странами огромный Тихий океан. А Россия граничит по суше на тысячи километров. Против нас стоит четыре китайских хорошо вооруженных военных округа! —

Я не на шутку разошелся и сел на «любимого конька» о великой китайской угрозе. — Мы сами вооружили китайских товарищей танками, самоходками, бронетехникой, авиацией, артиллерией и ПВО. Теперь у них не только миллионы пехотинцев, но и мощные бронечасты. Говорят, что поставки оружия в Китай спасли наш ВПК. Уж лучше бы он умер, чем мы вооружили и укрепили потенциального противника!

Дед и штурман ухмылялись и помалкивали, в политические споры не вступали — только пили.

Примерно через час застолья, боцмана пробило на стихи — решил блеснуть, зная, что мы с Юлием литераторы. Тихон признался, что тоже пытается издаться в журналах, но пока попытки безуспешны — не удается взобраться на поэтический Парнас.

Я ухмыльнулся: «А как он думал — Пегас крепко лягается!»

Боцман задумчиво, театрально закрыл глаза ладонью, запрокинул голову, чуть встрепенулся, и стихи полились рекой. Теперь нам лишь на считанные минуты удавалось прервать Тихона на короткие тосты, подсовывая «менестрелю» стакан. Мастер кривился, словно от зубной боли, шептал мне на ухо:

— Я скоро все вирши Сергеева наизусть выучу! Правда, иногда что-то новое на ум взбредет, заявится среди ночи: мастер, послушай, что я написал...

— Сейчас мы тихоновского резвого Пегаса на полном скаку остановим! — заверил я капитана. — Тпр-ру-у! Тихон, стоп! Перейдем от стихов к прозе, сделаем, так сказать, наше «алаверды»! Юлий! А почитай нам немного из своей великой книги: «Про бобра»...

Надо сказать, Зверлинг знал наизусть все свои короткие рассказы и миниатюры из двух изданных книг, чем ввел на творческом вечере меня и всех прочих наших друзей-литераторов буквально в шок. Оказалось, Юлий может примерно три часа подряд декламировать свои рассказы!

Стоило дать отмашку — художника понесло... Юлий встал в позу древнеримского оратора — ни дать ни взять Вергилий или Цицерон. Гай Юлий Зверлинг!

Завелся примерно на час. Украинские моряки заслушались, даже перестали пить! Каждая миниатюра завершалась смехом и бурными аплодисментами.

Хорошо подпивший мастер, не переставая восторгаться талантом Зверлинга и наполняя стаканы собутыльников очередной порцией водки, попросил выступить Юлия перед всем экипажем.

— Бесплатно? — усмехнулся хитрюга, покручивая черный ус. — Налъете артисту за бенефис?

— Что за вопрос! Конечно! — Капитан выдохнул с облегчением: гонорары артистам и писателям в судовом бюджете не предусматривались.

Следующим вечером Юлий солировал в каюткомпании уже перед всем русскоязычным экипа-

жем. Увы, но матросы оказались не такими тонкими ценителями прекрасного — лишь несколько жидких аплодисментов сорвал. Но вновь стол ломился от напитков и закусок.

Шура оказался необычайно педантичным попутчиком: очень любил призывать к порядку и дисциплине. И когда я или Зверлинг без стука врывались в каюту, он хмуро одергивал — «сколько раз говорить: стучаться надо!» Вещи в шкафу развесил и разложил аккуратно, в строгом порядке на столе и на тумбочке ничего лишнего, обувь рядком у входа. Зверлинг же не затруднялся морским порядком и порой валялся поверх одеяла, даже не разуваясь.

После завтрака я заступил на первую вахту: разложил на штурманском столе заряженные и готовые к бою автоматы, подсумки снарядил заряженными магазинами, плюс в ящике запас патронов — россыпью, в мешочке.

Некоторое время потренировался с третьим штурманом, а когда тот закурил какую-то вонючую дрянью, отправился принимать солнечные ванны. Ближе к десяти часам, подтянулся сильно опухший Колеватов с трясущимися руками и подрагивающими синими губами.

Мастер Юрий поздоровался, огляделся по сторонам — в океане полный штиль и никакой земли вблизи или встречных судов. То и дело, вытирая потеющий лоб, мастер достал из холодильника литровую пластиковую бутылку с водой и опустошил в несколько глотков.

— Тяжко? — посочувствовал я страждущему.

— Не то слово! Думал, сердце остановится!

— Зачем же так? Надо было притормозить!

Юра лишь с досадой махнул рукой, съел пару таблеток и задымил.

Я сразу метнулся потеть под солнцем на крыло подальше от табачного дыма. Спустя несколько минут с раскаленной палубы, по каким-то своим делам, в рубку буквально вполз взмокший бедолага-боцман. Вид у Тихона был несчастнейший — лицо бледнее стены, руки ходуном ходят.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не передать словами!

— Тяжко?

— Погано! — простонал боцман-поэт. — Башка вот-вот треснет. Думал, почки откажут и печень...

Следом на мостик поднялся старший механик — на малопьющего «деда» Бориса и подавно было жалко смотреть.

— Опохмелиться бы... — пробормотал стармех.

Я покачал головой и вновь посочувствовал несчастным, но помочь было нечем — мой джин выпили в первый вечер.

— Мастер! Будь милосерден! — простонал дед. — Поправить бы здоровье... помоги товарищам...

— Нечем... — тяжело вздохнул Колеватов, просыпав на брюки пепел, и продолжил с нескрываемой досадой и грустью: — Вчера все прикончили. Дорвались до горилки як дурни!

Отчаянию несчастного мастера не было границ.

— Но зачем пить сразу все? — недоумевал я. — Разве нельзя было оставить немного на утро для поправки здоровья?

— И знаю и понимаю, однако поздно «пить боржоми, когда почки отвалились». Не смогли удержаться... Пойду, прилягу... Надеюсь, завтра оживу...

Тяжело вздыхая и шаркая сандалиями, Колеватов обреченно побрел в каюту — продолжать болеть.

Переход через океан был недолгим, но веселым — ожившие мастер, штурман-ревизор и боцман без усталости травили байки. А пираты вблизи так и не появились. В боевой работе жизнь на судне прошла вполне рутинно: пару раз с рудовозом сближались подозрительные лодки, однако ничем себя особо не проявили — возможно, честные рыбаки, возможно, отпугивал высокий борт судна в балласте, а возможно, заметили охрану.

Надо сказать справедливости ради, однажды я попросил мастера для тренировки сыграть учебную тревогу при очередном появлении лодок — чтобы экипаж не расслаблялся. Впрочем, моряки не позволяли расхлябанности — и одесситы, и мьянмарцы искренне опасались за свое здоровье, свободу и жизнь.

Жара изнуряла охрану, особенно мучился непривычный к тропическому зною коренной петербуржец Юлий. Художник обливался потом, буквально таял на глазах и жаловался, что, несмотря на хорошее питание, с каждым днем худеет.

— Штаны спадают — сегодня продырявил новую дырочку в ремне.

Мы с Шурой ему сочувствовали, а что поделать — заранее предупреждал о предстоящих тяготах и лишениях. Однако, несмотря на мучения от жары, художник дело свое знал крепко — каждое утро, плотно позавтракав, сразу спать Зверлинг не мчался, а садился в теньке на лавочку и делал зарисовки, готовил наброски к будущим шедеврам. Я наблюдал за ним сверху с крыла и беззлобно подшучивал.

Нынче Юлий был необычайно угрюм.

— Что случилось? Медали не доделал для премии? Не подготовился к финалу очередного литературного конкурса?

— Даже и не знаю, что делать! Вытачивать ли их теперь.

— Леня обуяла? Ты же обещал спонсорам!

— Младший брат Борис-фантаст умер!

— С чего ты взял? Связи с берегом ведь уже три дня нет.

— А мне не нужны письма и телеграммы. Я ну-троем чувствую. Он вчера ко мне приходил...

Я опешил: что сказать в ответ? Этого-то я и боялся. Утонченная натура, похоже, не выдержала тягот. Тронулся умом? Бредит?

— Кто приходил? Поясни...

Художник вздохнул и принялся пояснять:

— Ко мне часто во сне приходят знакомые: те, кто уже умер или вот-вот умрет. В армии явился отец перед смертью — жизнь мне спас. Я молодым бойцом был, службу едва начал, заболел пневмонией — температура поднялась под сорок, а в санчасть не кладут — бригадный «коновал» заявил, что у спецназовцев температура сама собой проходит. Папа ночью нарисовался у кровати и сказал: сынок, завтра поедешь в отпуск. Я подумал, начался бред предсмертный, однако до утра кое-как дотянул. И действительно, на следующий день пришла телеграмма о скоростижной кончине моего любимого батюшки — еле живой поехал на его похороны. Дома очутился, подлечился — ожил.

Потом, уже после армии, во время командировки, приходил во сне старший брат — и тоже вскоре умер. Впоследствии еще несколько друзей в гости захаживали незадолго перед смертью...

— Прикалываешься?

— Да какое... — в расстройстве чувств махнул рукой художник. — Я тебе на полном серьезе...

На рейде Суэца тепло попрощались с экипажем. Капитан настойчиво зывал в гости в Одессу, а боцман Тихон посвятил нам стихи — и всучил мне распечатку — почитать на досуге...

Нападение на «Полярного короля»

Жаль было прощаться с коллективом капитана Колеватова, была б моя воля — дошли бы с ними до Одессы.

Итак, с легкой грустью на душе мы сошли на раскаленный и душный берег Египта. В Суэце, по указанию босса, агент поселил нас в самом зачуханом отеле «Summer Palace». В эти дни где-то в пустыне бушевала песчаная буря и до города доносились ее отголоски в виде рыжей пыли оседавшей везде и всюду. Жара и пыль. И заняться совсем нечем, даже интернет не «фурычит». Ремонт просторного бассейна никак не завершится. А море... залив грязен и мелок — купаться в этой луже не стоит.

В этой стране по-прежнему неспокойно: исламская революция в разгаре и на улицах вечерами продолжают волнения, митинги и демонстрации — приближаются выборы. Стены домов, каждый столб, деревья обклеены плакатами и лозунгами партий и кандидатов в депутаты и в президенты. Все как один кандидаты бородатые и всюду символика полумесяца и скрещенные сабли — легализовавшиеся братья-мусульмане. По слухам, всюду побеждают радикальные исламисты, поэтому в стране усиливается сухой закон и неприязнь к европейцам.

Два дня провели в полудреме с перерывами на еду, и наконец объявился агент Халид, поднял нас по тревоге — полчаса на сборы. Поспешили в порт. Быстро прошли обычную рутину: полиция, таможня, пограничники, склад с оружием.

Большой деревянный баркас, видимо, нас уже ждался. Только погрузились — сразу поспешили к выходу из канала. Полчаса болтались возле плавучего дока, провожая взглядами огромные контейнеровозы, газовозы и танкеры. Но вот из канала появился наш шустрый небольшой пароходик. Да это же тот самый «Иротан»! Ровно год назад я на нем впервые был старшим группы охраны!

Итак, вновь предстояло десантирование на полном ходу — опять нервотрепка, ведь мои товарищи впервые поднимались на борт в таких экстремальных условиях.

Десантирование прошло успешно — за считанные минуты мы удачно перебрались на приспущенный парадный трап: никто не свалился за борт, не сломал руку или ногу. Хотя несколько довольно неприятных минут мы все же пережили.

Экипаж подопечного судна «Поляркин» оказался «комсомольско-молодежным». Не по годам очень тучный, с обвислым животом тридцатипятилетний капитан Артем, его ровесник, тощий, долговязый стармех — Виктор с лицом землисто-серого цвета («дитя подземелья»), и круглолицый старпом Алексей, лишь двумя годами младше начальников. Третий штурман Вовка и вовсе молодой парнишка двадцати пяти лет: долговязый, тощий, улыбчивый и зачем-то отпускающий плохо растущую, включенную, редкую бороду, выглядел он довольно забавно — вылитый портрет молодого Хо Ши Мина.

Шура подмигнул, подтолкнул в бок — ступай, налаживай контакт с мастером. Да я и без подсказок собирался.

Вошел в рубку — крепко пахло никотином. Поздоровался, представился. Как оказалось, мастер стоит вахту наравне с помощниками — нет второго штурмана, и как раз в это время шла его вахта. Я рассказал о прошлогоднем переходе на «Иротане» через океан — капитан подтвердил, действительно, эти суда «систершипс» построены на одной верфи в Испании, и бороздят моря под флагами разных стран. Теперь их перегоняют в Россию, переводить под наш флаг, под «северный завоз».

Увы, на мое несчастье рубка этого судна была крепко прокурена. Повторюсь в очередной раз, на судах обычно заведено так: если мастер курящий — на мостике дымят все кому не лень. Сплошная антисанитария и ущерб для здоровья некурящего. Ну, да ладно, опять подольше и почаще буду гулять по крыльям мостика — загорать.

— А под каким флагом трудитесь?

— Британский Гондурас! Слышал про такое государство? — усмехнулся капитан.

— Конечно! — Я даже обиделся за сомнения в моих познаниях в географии. — У нас самих фирма зарегистрирована в тех краях. Так что, будьте покойны, защитим территории родимого Британского Гондураса — не допустим на борт пиратов!

— Значит, мы земляки! — ухмыльнулся мастер.

— Типа того... — согласился я. — Значит, мы земляки — пока вас под русский флаг не перерегистрировали. И вероятно, тупые шутки про «не чешите Гондурас и не будет беспокоить» уже порядком надоели?

— Вот здесь они уже! — Артем провел ребром ладони по кадыку.

Понятно. Тогда приступим к следующей фазе прощупывания капитана:

— Мастер, нам крайне неудобно — явились в гости с пустыми руками, но, увы, мы только сошли с рудовоза. С предыдущим капитаном все наше спиртное — прикончили! А нынче в Египте торжествуют исламисты и алкоголь под запретом — не купить...

Я скроил на потном лице скорбную мину.

— И не надо! — в свою очередь напустил суровость на широкую физиономию мастер Артем. — У нас сухой закон! Во время перехода на судне через океан не пьем!

Вот и замечательно! Значит, сможем отдохнуть и восстановить здоровье, подорванное «мордехайцами».

Как и всякий молодой да ранний начальник, мастер Артем часто хмурился, строжился и излишне гонял подчиненных, чтоб не подумали, мол, молодому и неопытному можно на шею сесть. Особенно от него доставалось матросам и повару, но чаще всего шугал именно повара: то недосолено, то пережарено, то просто невкусно. Честно сказать, повар действительно был не на высоте, и в очередной раз оказался прав мой старый приятель капитан Баталов: добросовестный повар — главное условие хорошей работы экипажа.

Капитан на контакт со мной шел с трудом — общих интересов не находилось: я и не курящий, не автомобилист, не охотник, не рыбак...

Ну, да общение и дружба на службе дело десятое — наша задача за пару недель благополучно дойти до Галле. Обойдемся без взаимной приязни...

Трезвенник-то он трезвенник, но, однако, про водку время от времени заикался. Поэтому в компании подчиненных я выразил сомнение по поводу истинной, а не показной трезвости экипажа:

— Капитан с такой ностальгией рассказывает про портовые кабаки Владивостока и прочего мира, что его сухой закон мне кажется искусственным — показным. Например, вчера полчаса бубнил, какая замечательная водка «Парламент», когда настоящая — любимый напиток. Но как ее часто бодяжат в Приморье, и причем во Владивостоке продают левак везде, даже в супермаркете!

Шура лишь пожал плечами, мол, раз не хотят выпить — их дело.

Наш приятель художник каждый день по много раз изображал недовольство и подшучивал:

— Неужели целых две недели будем трезвыми? Я в своей жизни в столь долгой «завязке» никогда не бывал!

— Вот и хорошо, что трезв! Нарисуешь лишний десяток эскизов и сделаешь наброски к картинам за эти трезвые дни или придумаешь и напишешь пару новых веселых рассказиков...

Тем временем судно прошло пятнадцатый градус северной широты, и погода резко испортилась: подул ветер, поднялась волна, небо затянуло пыльной пеленой — приближался Баб-эль-Мандебский пролив. Итак, мы пошли на юг, на прорыв...

По моей просьбе матросы на крыльях сплели из концов двухслойные полутораметровые баррикады, притащили пустые двухсотлитровые бочки, заполнили водой, сколотили из досок щиты, приставили их к бочкам. Сварщик по моему рисунку сварил два макета пулеметов — установили по углам крыльев и направили в сторону кормы. Защита от пиратов получилась что надо!

Мы в свою очередь подняли в рубку боекомплект, снарядили — к бою готовы. Капитан опечатал ящик с оружием и велел без необходимости не доставать!

— Часто случается как в дешевой пьесе: висящее на стене ружье должно выстрелить!

Матросы то и дело шутили: помимо муляжей есть ли у охраны настоящее оружие?

— Поверьте, оружие самое настоящее! — успокаивали мы, как могли, тревожащийся экипаж.

— И даже патроны есть? — подначивал меня неутомимый боцман Василий.

— И патроны! Тоже самые настоящие — боевые!

— А пострелять дашь? — не унимался боцман. — Хотя бы разок! Со службы в армии не стрелял...

— А я и в армии не служил! Дайте стрельнуть! — приставал уже чумазый сварщик.

Другие матросы тоже галдели:

— И я не стрелял!

— И я...

— Отстаньте, впустую — стрелять не дам! Тут вам не стрелковый тир! Да и патроны на счету — в Галле предстоит сдавать на склад ланкийцам.

— А если пираты подойдут? Вы им тоже скажете, что боеприпасы у вас под отчет? Или все же будете отстреливаться?

— Не переживайте, конечно, будем! — отмахивался я от назойливых моряков. — Вот именно, вдруг появятся пираты, а нам не хватит патронов для длительного отражения нападения!

Тощий унылый дед каждую вахту капитана поднимался в рубку и советовался, как быть — машина перегревалась. Причина — водяное охлаждение дви-

гателя забортной водой, а в Красном море — плюс тридцать пять. Холодильники не справляются — механики в панике.

— Мастер, давай сбавим обороты. Чует мое сердце, не дойдем!

— Только сердце? А мозг что говорит?

Стармех оттер руки от мазута и почесал нос:

— Мозг молчит. Но сердце ориентируется на задницу, а вот задом чую — ломаемся...

Капитан задумчиво и глубоко затянулся очередной сигаретой, нагоревший пепел свалился с мундштука под ноги и на брюки. Артем ругнулся и раздул пепел по палубе.

— Тебя хлебом не корми, дозволю только ход сбавить, а с меня начальство шкуру спускает за тихий ход! Мы должны быть в Сингапуре уже неделю назад, но до него топать как минимум две недели, и это при хорошей скорости. А ведь мы еще и в пиратском опасном районе! Верно, я говорю, спецназ? — Мастер явно обращался ко мне за поддержкой.

Мне не хотелось быть крайним в разборках мостика и машины, и я сделал попытку увильнуть и исчезнуть из рубки — подышать воздухом на крыле, однако мастер заметил мой маневр и протестующим широким жестом попросил задержаться.

— Что скажешь про скорость прохождения района? — настойчиво гнул свою линию поддержания высокой скорости Артем.

— По руководящим документам и рекомендациям антипиратского центра — проходить на максимальной скорости, но что двенадцать узлов, что десять — это особой роли не играет: движки «скифов» все равно мощнее и дадут во время атаки двадцать пять—тридцать узлов. Главная гарантия нашей безопасности — оружие. И как говорит народная мудрость: тише едешь, дальше будешь. А вдруг случится в самый неподходящий момент авария и встанем?

Дед искренне обрадовался «доброму» слову:

— Верно, молвит служивый! Лучше хорошо ползти, чем гнать, а потом поломаться и дрейфовать в проливе. Я скоро от нервозности сам загнусь, и, возможно, раньше машины...

Старший механик действительно за эти дни заметно сдал и стал еще более тощим, а серое лицо приобрело землистый оттенок. Дед одобритительно подмигнул мне и придвинулся поближе к капитану.

— Сбрасываем чуток обороты? Ну? Согласен? Мастер, отдай распоряжение...

— Дед, не надо прикрываться капитаном! Пиши докладную записку, обоснуй причину, а уж на основании твоих размышлений я подумаю и решу. И еще, обязательно укажи на необходимость экономить топливо, мол, слишком большой расход...

Честно говоря, я тоже был за снижение скорости! Как гласит старая поговорка моряков заграничавания: больше суток — больше шумток! Мы получаем командировочные от босса посуточно, и чем дольше контракт, тем выгоднее, а количество дней нап्रा-

мую зависит от скорости. Узел в час — сутки плюс! Молодец дед, поддерживаю — пусть сбавляет ход!

Осматривая судно, я обратил внимание на «блямбу», приваренную к надстройке в районе нижней палубы: год, место постройки судна. Точно как на «Иратане»: «Бильбао, 1994 год». Мы даже сфотографировались на фоне этой железяки, на память.

В первую же вахту мастер Артем поведал байку или легенду о том, как строились суда этой серии:

— Мне знающие люди на приемке судна рассказывали, когда мы его выкупали — я его принимал: раньше это была государственная тайна, но теперь это уже не секрет... В свое время Советский Союз активно помогал испанским коммунистам и баскским сепаратистам: морально и материально. Дипломаты чемоданами возили валюту — этим жила и кормилась могучая полуторамиллионная компартия Испании. Долго кормилась! Перестали мы ее подкармливать, и где сейчас компартия? Куда подевалась? Сколько денег впустую потрачено, вместо того чтобы у себя дома заводы строить, дороги, мосты. Каждая мартышка заявляла о строительстве социализма, и мы тут как тут — спешим помогать! Миллиард долларов туда, миллиард сюда... А у моей матери домик в деревне под Владиком — ни воды, ни канализации, ни газа, ни хороших дорог! А на дворе XXI век! Так вот, отвлекся, продолжу. Помощь баскам шла, в том числе, и неофициальным, экстремистским организациям — например, террористам «ЭТА». Даже испанские коммунисты уклонялись от столь опасной авантюры. Как можно более-менее легально доставить деньги в европейскую цивилизованную страну на сомнительные цели? Сделать что-то совместное с буржуями! Обоюдно полезное. И тогда Советский Союз заказал построить семь теплоходов повышенного ледового класса на испанских верфях, точнее в Басконии. Эх, в денежном эквиваленте эти балкеры воистину вышли «золотыми»! Думаю, на эти средства, можно было штук двадцать подобных судов построить на отечественных или иных зарубежных верфях. Создали «товарищи» в середине восьмидесятых годов какое-то совместное предприятие, и потекли денежки ручейками из Внешторгбанка, собираясь в бурные потоки. А потом от той полноводной финансовой реки утекали «ручейки»: отмываться, очищаться и обналичивать. В итоге отщипнули толлику все: коммунисты, националисты, террористы, проходимцы, авантюристы. Строили лет пятнадцать: большущие деньги из страны ушли, а пароходов все нет и нет. Уже после развала СССР кто-то из наших бывших партийных или гэбэшных бонз превратился в капиталиста и остался в этой теме: доплатили сколько-то и наконец начали достраивать балкеры. Медленно, со скрипом, но построили семь штук. Затем десять с лишним лет пароходики работали в Европе, перевоза грузы по Средиземноморью и Северной Атлантике. Наконец в России хвати-

лись — «северный завоз» под угрозой, не на чем осуществлять поставки. И тогда вспомнили о наших «басках», а они трудятся на какого-то чужого «дядю». Несколько лет скандалили, судились, рядились: взятки, откаты. В итоге что-то кому-то выплатили и вернули под юрисдикцию России, и теперь их по очереди перегоняем на Дальний Восток...

«Полярный король» спокойно прошел Красное море и без происшествий миновал Баб-эль-Мандебский пролив. К полудню спустились к началу охраняемого войсками «коридора безопасности». Встречный ветер подул еще сильнее, поднялась хорошая волна, мастер выключил автоматическое управление судном и поставил за штурвал матроса.

Наша боевая группа тоже не расслаблялась и была наготове — я то и дело поднимался на мостик — подышать свежим морским воздухом, понаблюдать за морем, посмотреть, все ли в порядке. После полдничного чая сморило — решил чуток подремать. Как вдруг заработал ревун: тревога! Послышался топот на палубах, экипаж сломя головы побежал в цитадель, а нам предстояло мчаться на мост — занимать оборону. В это время завершалась вахта Зверлинга — может, старику что привиделось?

Вскакиваю со шконки, на ходу одеваюсь, заскакиваю в рубку, хватаю бинокль штурмана, вглядываюсь в горизонт и вижу, что складывается крайне неприятная ситуация: со всех сторон на сближение идут лодки. В ближайших двух от судна отчетливо виднеются силуэты по семь-восемь человек, и все налетчики в одинаковой черной униформе! Хорошо, что погода нам помогает — волна полтора-два метра мешает лодкам быстро сблизиться с нашим «Полярным королем». Пираты? Похоже на то...

Следом за мной на крыло выбежал Кабыла, в глазах немой тревожный вопрос: что делаем?

— Сомалийские пираты? Будем по ним стрелять? — вопрошал Зверлинг, глаза его кровожадно сияли. — Командир, почему молчишь? Ну же...

Я подозвал друзей к ящику с оружием.

— Похоже, что действительно пираты... — шепнул я коллегам. — Сейчас будем вооружаться, и если они сблизятся...

— Стреляем! — радостно закончил мою мысль художник-экспрессионист, Зверлингу явно не хватало адреналина и экстрима в творчестве.

Толстяк-мастер, громко топая, метался вдоль пульта управления, растерянно теребил бейсболку и нервно смолит сигарету за сигаретой. Артем, не докурив наполовину одну, тушил окурки о пепельницу и тут же доставал из пачки следующую, и было заметно, что он морально не готов к такому повороту: моряки надеялись, что спокойно войдем в коридор безопасности, встанем в конвой, а за Сокотрой нам мощные шторма помогут. Прогноз давал сильный шторм на неделю. И вот на тебе! не успели войти в залив, как тут как тут поджидают пираты!

— О чем шепчетесь, спецназы? — устремил Артем взгляд, полный тревоги и тоски.

— Да хрен знает! Возможно, действительно пираты, — попытался я отвечать как можно спокойнее, не создавая паники. — Посмотрим, как лодки поведут себя дальше...

— Будете стрелять?

— Не хотелось бы, чтобы до этого дошло... Но если приблизятся к балкеру на два-три кабельтовых — обязательно будем! Сначала предупредим очередью — в воздух, а потом жажнем в три ствола, по целому магазину, по ближайшим лодкам...

— А если это простые рыбаки?

— Тогда они не ответят... — подмигнул я мастеру, хмыльнувшись.

Поспешил на крыло, присоединяя на ходу магазин к автомату. Зверлинг и Кабыла — следом.

Спецназовец-художник, творческая личность и «ранимая» душа, недоверчиво уточнил:

— И что? Не врешь? Можно просто так стрелять по людям? Без суда и следствия?..

— Можно! — заверил я приятеля.

— И за это нам точно ничего не будет?

— Если пираты судно не захватят — ничего не будет! А уж если судно действительно захватят — быть тебе кастрированным, оттраханным, ошкуреным и повешенным.

— Только не ошкуреным! — торопливо перекрестился художник.

— А оскопленным и прочее можно?

— Ну и шуточки у вас, монсеньор.

— Просто ты меня достал уже своей кровожадностью, художник...

— Никакой кровожадности. Всю жизнь об этом мечтал — пострелять по неграм! Среди моих предков явно были плантаторы из Южных штатов...

Я с сомнением посмотрел в глаза Юлия: а действительно ли он писатель и художник? Какой-то маниакальный расист, маньяк и душегуб!

— Остынь! Лучше обойтись без боя, но если не избежим столкновения, то вести прицельный, меткий огонь! Стреляй в бою расчетливо и экономно. Главное дело, не промахнись, спецназ на пенсии...

Заняли оборону на крыльях возле макетов пулеметов, в сторону кормы: мы с Кобылой по правому борту, Зверлинг — по левому. Замерли, напряженно всматриваясь в океан и готовясь к самому худшему развитию событий. Две лодки, находившиеся наиболее близко к «Полярному королю», прибавили ход, чуть повернули. Пираты? Пассажиры баркасов явно приглядывались, примерялись, как сподручнее перепрыгнуть через леера, опутанные рядами густой колючей проволоки — самые низкие борта, где удобнее всего взобраться на палубу — возле надстройки.

Передние «скифы» имитировали или начали атаку, а остальные лодки пока что держались чуть по-

одаль. Размышляют? Выжидают? Пора действовать, иначе незванные гости окончательно обнаглеют.

— Шура, по моей команде — короткие очереди в воздух!

Поднял ствол вверх и дал короткую очередь, и Кабыла следом пальнул в воздух. Импульсивный художник, заслышав наши выстрелы, тоже дал очередь, да не одну — три.

— Зверлинг! Отставить! — заорал я что есть силы, но разве перекричишь судовой двигатель. Интенсивная стрельба очередями с левого борта продолжалась — пришлось метнуться на другое крыло — вдруг с того фланга пираты подобрались гораздо ближе.

Огляделся. Да нет, дистанция до баркасов противника с этого борта была примерно такой же, но перепуганный Зверлинг палил отнюдь, не в воздух! Ба! А ведь вполне, возможно, он вовсе не перепуган, а, наоборот, воодушевлен безнаказанностью и вседозволенностью?

— Зачем ведешь огонь по лодкам? Велено же было вначале предупредить противника.

— Капитан попросил бить наверняка! Тем более ты сам сказал: стрелять можно, и никаких последствий. Смотри, как подействовало — ближайший баркас резко отвернул.

Действительно, ближайшая к нам лодка резко сменила курс — рванула в сторону Йемена, вторая — застопорила двигатель и болталась далеко за кормой. А те баркасы, что держались чуть поодаль вдоль бортов, рванули врасыпную, стремясь резко увеличить дистанцию и уйти на безопасное расстояние, чтобы затеряться в безбрежном морском просторе.

Заглянул на мостик доложить об отражении атаки. Мастер метался по рубке от борта к борту и был вне себя от ярости:

— Костя, где эти фрегаты и корветы международной коалиции? И это коридор безопасности? Да тут воды залива пиратами кишат! А что же тогда творится за пределами охраняемого сектора?

В ответ я лишь пожал плечами... Уже десять лет идет необъявленная война с мирным международным судоходством — маленькая мятежная африканская страна нахально сражается со всем миром. К сожалению, из-за громадной территории залива военный флот ничего не может поделать с плохо вооруженными и не обученными в военном отношении пиратами — бывшими рыбаками.

Тем временем ближайшие пираты поняли, что с нашим судном им ничего не светит, и отвалили врасыпную. Через полчаса Артем дал отбой тревоги, но наша команда секьюрити оружие не сложила — осталась на мостике: наблюдать за дальнейшим развитием событий. Было тревожно — как поведут себя прочие лодочки, болтающиеся далеко впереди по курсу и не ведающие о наличии охраны на борту «Полярного короля». Через некоторое время все «скифы», словно по команде, развернулись и помчались к следующему в пяти милях за нами суд-

ну. Однако экипажу того танкера повезло — у них на борту тоже была вооруженная охрана, и бойцы с танкера тоже дали дружный отпор. Тогда лодки, словно пираньи в поисках добычи, бросились к следующему судну. Настоящие шакалы — выискивают слабого!..

Мастер греческого балкера, шедшего в замыкании нашей небольшой импровизированной колонны, громко заверещал по связи, требуя помощи со стороны военных — у него был всего один охранник-араб с винтовкой. На его вопли откликнулся военный испанский фрегат — велел держаться: пообещал подойти через полчаса, а пока заверил, что выслал в поддержку вертолет. Нас эта суэта уже не касалась — «Полярный король» входил в центр коридора безопасности...

До утра группа охраны и вахтенные матросы продолжали напрягать зрение, вглядываясь в темноту — радар часто не видит утлые суденышки. Затем в «морду» подул шквальный ветер, полил сильный дождь, и, в конце концов, разыгрался хороший шторм: четырехметровые волны ритмично заливали нижнюю палубу от бака до надстройки, и неустойчивый балкер стало хорошенько болтать.

«Полярный король», поскрипывая, кренился с борта на борт, мощные волны захлестывали палубу, и брызги залетали даже сверху рубки — на пеленгаторную. Бортовая качка ужасно досаждала, и спать было просто невыносимо — тело ритмично катает по койке, и вся ночь проходит как в бреду. Давненько я не попадал в такой сильный шторм, да еще и на маленькой посудине!

Так прошли сутки, вторые, третьи...

Повар перестал готовить первые блюда и компот: посуда бьется, суп из кастрюли выплескивается, еда: хлеб, каша да консервы. Ну да ничего, главное дело — это не пиратская погода! Теперь к судну в шторм никакая лодка не сможет не подойти!

Лишь на подходе к Лаккадивам море чуть стихло, и даже тем, кого сильно мутило в качку, легчало. Как разнообразить монотонные штормовые будни? Шутками! Пошли в ход истории, байки, анекдоты.

Я предложил поощрить группу охраны по-советски, благодарностями: Артем усмехнулся, но идею одобрил. Изготовил грамоты на бланке компании, поставил печати, заламинировал в пленку, и объявил, что в полдень проведем торжественный митинг. Командование выстроилось в рубке в парадных кителях в шеренгу, мы — напротив, с автоматами наперевес. Артем энергично и каждому крепко пожал по очереди руки, потрепал по плечу, крепко обнял и под аплодисменты вручил благодарственные грамоты.

— Служим родимому Белизу! — гаркнул что есть мочи неумолимый шутник Зверлинг. — Не допустим супостатов на русский борт!

Пошутили, посмеялись, вышли на крыло — произвели дружный салют в воздух короткими очередями. Затем, ставшее уже ритуалом, дежурное фото на память с экипажем и с флагом...

Тем же вечером, довольно близко прошли остров Маникой, на котором располагался крупнейший в мире лепрозорий, однако, сколько мы ни вглядывались сквозь бинокли — так и не разглядели, где же проживают эти несчастные. Итак, судно окончательно спряталось за Лаккадивским архипелагом, и шторм пошел на убыль.

Следующим утром я праздно болтал с мастером о том о сем, мысленно находясь уже в пути к дому: вещи собраны, оружие в сейфе и готово к сдаче. В промежутках разговоров загорал на крыле — последние солнечные ванны перед убытием в наши северные дождливые края. На мостик поднялся Кабыла и заговорщически пробормотал:

— Ты знаешь, а ведь завтра день рождения чифа! Надо бы что-то Алексею подарить. У тебя не осталось какой из своих книг?

— Есть детская книжка — могу даже поставить автограф, — ухмыльнулся я и подмигнул приятелю. — Про Лехину днюху знаю — в кройв-листе видел. И если он настоящий моряк — наверняка накроет праздничный стол...

— Вот и я хочу сказать о том же... Чиф мне намекнул — завтра после вахты капитан приглашает нас к себе в каюту.

— Ну, я же говорил — настоящий старпом по случаю дня рождения должен что-то припасти!

И верно, чуть позже мне уже дед намекнул, что чиф задумал нешуточное торжество. Раз такое дело, на ужин мы не пошли — приберегли место в желудке и начали готовить подарки. Зверлинг на ватмане быстро набросал рисунок, затем сделал по памяти портреты моряков, а я подписал книжку — все что могли...

Ровно в восемнадцать ноль-ноль постучались в каюту мастера. Мы знали, что экипаж идет на голодном пайке — экономят провизию до Сингапура, поэтому не обиделись на скромность банкетного стола. Кое-что из разносолов все-таки появилось: овощной салат, вареная картошка, рыбные консервы, нарезка сыра и колбасы, яблоки и лимон. Либо Артем заставил повара перетряхнуть скудные запасы, либо сам обшарил все сусеки провизионки, а возможно, начальники опустошили и свои персональные холодильники в каютах. Зато на фоне продуктовой бедности гордо возвышалась литровая бутылка виски «Jack Daniel's».

Однако! А ведь не поскупился чиф!

Спиртное уничтожили довольно быстро: нас двое (лечащий печень Шура в качестве собутельника в счет не шел) да три начальника — после третьего тоста бутылка опустела. Неужели всего полчаса и день рождения завершен? А мы даже толком и не

разговорились. И Зверлинг не успел почитать свои короткие, полные абсурда, замечательные трэшевые рассказы.

Мастер досадливо крикнул, чуть втянул огромный живот, чтобы протиснуться между столом — полез к судовому сейфу. Поковырялся в замке и извлек литр коньяка: «Martell» пятилетней выдержки! Водрузил на опустевший центр стола и хитро подмигнул. Видимо, это был неприкосновенный запас на «представительские» нужды. Вот это да!

— Ребята, а не слишком ли щедро? Может, не стоит? — поломался я для приличия. — Вы же говорите — сухой закон!

Артем хитро усмехнулся в пышные усы:

— Дорогие мои! Сухой закон был вчера, а сегодня двойной повод: и день рождения чифа, и день прощания с вами! Отметим, как следует! Суровые и монотонные будни вернутся завтра с подъемом...

«Martell» употребляли помедленнее, с веселыми байками и длинными морскими историями. Однако и за разговором капитан не забывал регулярно подливать в стаканы, и к тому времени, как дошла очередь рассказывать рыбацкие истории бывалому моряку Кабыле, лишь несколько капель коньяка плескались на самом доньшке бутылки.

Капитан со стармехом выразительно переглянулись, и дед Виктор, громко крикнув «гм!», сорвался с места и через минуту вернулся с бутылкой текилы, крепко стискиваемой могучей мозолистой рукой за тонкое горлышко.

— Братцы! Вы что творите! — возмущился я. — Неужели нельзя было растянуть на два дня?

— Нельзя! — строго и весомо молвил чуть заплетавшимся языком мастер, и на правах старшего откупорил пробку-сомбреро...

Пошли рыбацкие истории Шурика, а потом вступил в дело Зверлинг: знакомые шутки, заученные мною уже почти наизусть. Художник завершил свой бенефис экспресс-портретами собутыльников в карандаше и мелками, плюс морские зарисовки по памяти. Эти подарки с шутками и прибаутками вручались не только чифу Алексею — всему командному составу.

Литр текилы с лимоном и солью на закуску, под неиссякаемые байки, влился туда же, куда утекло содержимое двух предыдущих бутылок.

У-ф-ф! Ну, наконец-то финиш банкета!

Двадцать три часа тридцать минут — пора на боковую! Ведь среди ночи нам предстояло сходить на рейде Галле по довольно беспокойной воде на юркий пограничный катер.

Но нет! Чиф еле внятно пробубнив: «Один раз живем!» — ринулся к себе в каюту, задевая мебель то широкими плечами, то пузом, то бедрами. Через минуту явился со второй литровой бутылкой все того же «Джек Дениэлс».

Не пивший до сей поры Кабыла явно впал в ступор, переводя взгляд то на захмелевшую и бурно раз-

веселившуюся компанию, то на появившуюся, словно по волшебству, новую бутылку.

Захмелевший художник заулыбался и, хитро прищурив заметно посоловевшие пороссячи глазки, с готовностью дунул в пустой стакан:

— Вот это моряки-дальневосточники! Не чета хохлам сквалыгам...

Заслышав слова, охаивающие хохлов, Кабыла возмутился:

— Слышь, инородец, ты нас, хохлов, не тронь, не то схлопочешь по своей толстой немецкой шее!

Пришло время и мне запротестовать:

— Друзья, моряки, шабаш! Хватит пить!

Чиф с обидой в голосе произнес:

— Я ведь от всей души! Тридцать пять бывает раз в жизни!

— Главное дело, чтоб не последние! — пробурчал Кабыла. — Надо и меру знать...

— Больно уж вы, ребята, нам по душе пришлись! — принялся обнимать нас по очереди Алексей. — Мы рады знакомству с вашим замечательным коллективом!

— Но куда столько-то спиртного! Да вы просто обалдели! Такими темпами возлияния нам не удастся сойти с парохода...

— Ерунда, — махнул рукой капитан. — Если что, пойдете с нами до Сингапура! Или пейте через раз! Пропускайте...

В каюту заглянул третий помощник.

— Володя, как ведет себя океан? Волна не ослабела? — спросил я штурмана, думая о наболевшем. — Сможем сойти?

Третий помощник с нескрываемой завистью оглядел пустые бутылки и ухмыльнулся:

— Ну не знаю, не знаю. Многое и от вас зависит. А насчет океана... пока ветер только усилился, и волнение не стихает...

Досадуя, я грязно ругнулся, выпил на посошок рюмашку, закусил и откланялся — поспешил в каюту, прикорнуть на койке часик, другой. С крепкими в выпивке моряками главное — вовремя уйти, пока не потерял способность соображать. А «флотоводцы» на тот момент дошли до той степени опьянения, что уже не смогли активно сопротивляться моему уходу.

Хотел прихватить с собой и Зверлинга, но, утомленный застольем, художник к этой минуте громко, расслабленно похрапывал в просторном кресле в дальнем углу капитанской каюты. Тащить безвольное тело? Ладно, пусть спокойно поспит в гостях — заберу на подходе к рейду Галле. Хорошо, что «трезвенник» Кабыла тихо, по-английски исчез с банкета примерно час назад — в крайнем случае поможет вывести старика на палубу.

В принципе мы давно готовы: оружие, вещи и документы собраны, по первой команде, буквально в считанные минуты, сможем собраться и сойти на катер. Упал, не раздеваясь, на шконку, закрыл глаза и провалился в спокойный, глубокий сон...

Кабыла за бортом...

Вроде бы глаза прикрыл лишь на минуту, а чьи-то руки уже трясут за плечо — будят, изверги. Прищурился, слегка отмахнулся:

— Отстань! Иди к лешему, чтоб тебя!

Оказалось, это опухший Зверлинг — настойчиво что-то бубнит, склонившись надо мной:

— Начальник — подъем! Галле маячит на горизонте, и катер уже на подходе. Спускайся вниз на палубу, я побегу за хохлом.

Очухался, художник!

На всякий случай, заскочил в туалет — вдруг запаникуешь, и при спуске на катер случится какая-то неожиданная неприятность... Затем поднялся в рубку — проститься. Все начальство было в сборе, и, как ни парадоксально, на ногах и при бодрой памяти — вот это закалка! «Флотоводцы» весело гомонили и дружно учили жизни молодого штурмана.

Крепко обнялись, простились, и не на шутку развеселившиеся флотоводцы пообещали вскоре нагрянуть в гости — навести шухер в граде Петровом!

— Костя, жди меня осенью! Жизнь проходит, а я Эрмитаж не видел! Да и фонтаны Петергофа давно мечтаю посмотреть! А Янтарная комната?! У вас там столько всего интересного...

— Конечно, приезжай, но только трезвым! Достопримечательности надо осматривать в здравом уме...

Дед в ответ лишь хмыкнул, хрюкнул и отвалился на спинку дивана — ушел в нирвану.

Сумку в руки, рюкзак за спину — и на выход. Боцман и молодой матрос уже спустили трап, а в пяти метрах от борта пограничный катерок болтался на крепких волнах: маленькую посудину буквально швыряло и одновременно раскачивало в хаотичной амплитуде вправо и влево, вверх и вниз. Зверлинг тащил глаза — черные усы и остатки волос на голове, после стрижки под ежик, топорщились дыбом. Явно от ужаса.

Художник на свежем воздухе заметно протрезвел и с надеждой смотрел на меня:

— Старшой, а может, ну его, этот Галле! Коллектив на судне хороший, виски и коньяк то и дело появляются, стол словно скатерть-самобранка — пошли-ка до Сингапура. А, шеф?

— До Сингапура — бесплатно! Хочешь идти за свой счет? А вдруг на Шри-Ланке новый контракт подвернется до Египта? И потом, как нас эвакуируют из Сингапура, мы ведь не моряки? У тебя есть морские документы, кроме усов?

Художник досадливо поморщился:

— Откуда...

— И у меня нет! Придется сходить, как сможем...

У самого борта рядом с боцманом безмолвным изваянием замер Шура. Руки в карманах, ноги широко расставлены, задумчиво смотрит на бурную волну. Как опытный и бывалый моряк, Кабыла пре-

жде не раз нас уверял, что для настоящих рыбаков такая волна не волна и этот шторм — не шторм. И сейчас бодрился и храбрился, общаясь с моряками: раскован, спокоен, невозмутим.

— В былые времена, мы в Атлантике и не в такой шторм сходили...

— Волна большая! — с сомнением покачал головой боцман. — Думаете, удастся? Лично я бы не стал рисковать.

— И я бы не стал — мне здоровье дороже! — подержал боцмана матрос.

— У нас нет другого варианта! Катер пришел, он оплачен — больших денег стоит. Кто нас потом из Сингапура будет вывозить?

— Тогда пойдете до Владивостока...

Боцман и сам понимал, что это не вариант. Кем нам идти на судне домой? Пассажирами? Зайцами? Да и по приходу во Владивосток обязательно возникнут десятки вопросов — ведь у нас нет никаких морских документов. Замордуют чекисты да пограничники и нас, и капитана: откуда взялись в океане нелегалы, как оказались на судне, на каком основании нас везли, кем мы работали в Индийском океане? И далее по списку...

Пограничный катерок, нещадно битый крепкой волной, постепенно выравнился — этот «малыш» доверчиво потерялся о борт нашего более мощного по габаритам «Полярного короля». Однако, внезапно получив ощутимый толчок, обиженно отскочил, но настойчиво, вновь сблизился, прижавшись плотнее кранцами. Ах, упрямец!

Боцман пониже отпустил конец, придерживавший на весу нижнюю балясину. Коротко скомандовал десанту — первый пошел!

Мочевой пузырь непроизвольно напрягся. А ведь вроде только что посещал туалет. Вдобавок в животе неприятно похолодело, и где-то глубоко что-то заскрипело. Эх, но ведь кто-то должен подать пример. Кто? Старший группы!..

Обреченно вздохнув, перенес ногу через борт, встал на ступень и сделал несколько шажков по балясинам вниз.

Катерок то резко уходил вниз из-под трапа, то затем вздымался вверх: надо уловить момент — решительно ступить с балясины на палубу и ухватиться за протянутую руку ланкийца. Пора рискнуть! Что я и сделал, и вполне успешно.

— Сэнкью, бразер! — похлопал я по плечу чернокожего матроса, подхватившего меня за руки. Поторопил художника, замершего в нерешительности над пучиной.

— Вперед, мистер Зверлинг, хватит думать...

А как не задуматься? Под ногами глубина — километр!

Взбадриваясь, Зверлинг шлепнул ладонями по щекам, энергично потряс головой, развернулся лицом к трапу и сделал несколько решительных шагов вниз. Бывший спецназ умудрился вполне уверенно

приземлиться на ноги и ухватиться за леер и матроса. Наш восьмидесятикилограммовый крепыш едва не снес тшедушного островитянина за борт в бурные волны. Ну, слава богу, обошлось — самое слабое звено нашей команды на борту!

— А теперь твоя очередь Шурик! — рявкнул, как смог, громко на третьего члена команды. — Вперед, рыбачок! Время не ждет!

Долговязый, крупный, немного нескладный товарищ уже занес было ногу на трап, как вдруг ланкийцы словно очнулись, тощий матрос притащил спасательный жилет и знаками потребовал спустить с балкера свободный конец — подать на борт жилет для Шуры. Странно, зачем Кабыле жилет? Ведь мы и без спасательных средств вполне успешно сошли...

Я еще раз благодарно крепко пожал руку матросу и поспешил на корму принимать вещи — на баке и без меня не протолкнуться. Судорожно цепляясь руками за леера, перебрался и принялся, при помощи слов на трех языках, руководить перегрузкой. Ага, поруководишь ими — ни хрена по-русски не понимают! Ланкийских помню десять слов, а их английский для меня был как мяуканье кошек. Первым с борта спустили ящик с оружием, затем связку сумок и рюкзаков. Доставка груза прошла благополучно!

Склонился над ящиком проверить целостность замков — в этот момент раздалась громкие вопли, и началась какая-то непонятная подозрительная суета на баке.

Что там такое происходит?! Через несколько секунд на корму добрался громко верещащий художник:

— Там...там... там... Кабыла тонет!

— Ик! Какая еще кобыла? — икнул я и пошутил: — Буфетчица за борт свалилась?

— Да нет же, не кобыла, не баба! Наш Кабыла за бортом! — И с этими словами Зверлинг истерично захохотал.

Я действительно, вначале подумал, что мой пьяненький приятель шутит, столь несерьезно он говорил о серьезном происшествии.

— Прикольно — Кабыла за бортом! — хохотнул я. — Шурик стойло потерял?

Однако художник продолжал громко вопить, и я поверил в серьезность его слов. Кинул взгляд на покинутый балкер: «Полярный король» резко взял правое руля, а на левом крыле столпились судоводители, громко кричали, энергично жестикулируя. Пограничный катер резко принял в сторону.

Тщетно мы вглядывались в бурные волны — не видно ни зги. Но вот на балкере догадались включить прожектор, и я заметил, что действительно, в бурлящих пенных волнах, метрах в двадцати-тридцати от нас, что-то крупное болтается в воде. Неужели Зверлинг не пошутил?

— Вот он плывет! Видишь? — уверенно ткнул Зверлинг пальцем в направлении темного бесфор-

менного предмета. — Я же говорю — Кабыла тонет, а ты хохочешь!

— Да ты разве серьезно когда говорил?

— Я всегда серьезен! — парировал Юлий.

— Но как он свалился за борт?! Шура ведь бывалый моряк!

— Это произошло в одно мгновение! Палубой ударило — шмякнуло, словно теннисный мячик о ракетку! — Юлий звучно шлепнул ладонью о ладонь.

Вот влипли! Мы внимательно всматривались в ночную тьму, переживая — жив ли товарищ? Хочется надеяться на лучшее. Да нет, вроде бы Шурик жив. И точно, жив, действительно все-таки шевелится! Главное, что держит голову над поверхностью! Как здорово, что ланкийцы именно ему выделили спасательный жилет! Но тогда почему нам со Зверлингом жилетов не дали? Прошляпили? А если бы меня так же долбануло о катер? Наверняка, без спасательных средств, я сейчас медленно бы опускался на дно морское кормить рыб и крабов.

— Что делать? Что делать! — громко завопил Зверлинг, хватаясь то за сердце, то за голову. Художник внезапно встрепенулся и на полусогнутых, подгибающихся ногах заметался по корме.

— Что делать? Фотографируй! Пока Кабыла не утонул.

Напарник остановил свой суетливый бег по малому кругу и в изумлении вытаращил на меня глаза:

— Зачем?

— А когда ты еще сможешь сфотографировать утопающего? — нервно хохотнул я в ответ. — Хватит метаться — займись делом.

Далее события развивались с калейдоскопической скоростью, и впоследствии Зверлинг все произошедшее интерпретировал по-своему, а я по-своему.

Ко мне подскочил тшедушного телосложения матрос, сунул в руки спасательный круг и жестами показал — кидай. Видимо, ланкиец не надеялся добросить спасательное средство до утопающего.

Круг оказался довольно тяжелым, главное, чтобы средство спасения не стало средством убийства. Попадешь «в цель», и круг утопит бедствующего.

Швырнул что есть силы, но чуть в сторону от барахтающегося в волнах приятеля — чтобы ненароком не зашибить.

Удачно! И не далеко, и не близко: круг упал на большом расстоянии от катера, чуть в стороне от пострадавшего — метрах в пяти-семи. Шура принялся подгребать, однако волны и течение заметно замедляли скорость, ведь мы теперь оказались без защиты широкого борта балкера — наедине с океаном. Вдобавок Кабыле мешали плыть, и спасательный жилет, и сумка с аппаратурой за спиной.

Тем временем «Полярный король», громко и протяжно гудя, медленно уходил в сторону Сингапура — береговая охрана и пограничные власти проходящим судам строго, настрого запрещала стопорить ход без особого разрешения.

Ланкийцы столпились позади меня, активно жестикулировали и что-то громко, наперебой кричали — искренне сопереживали.

Наконец Шура, явно на последнем издыхании, достиг спасательного круга, крепко вцепился в него, а затем натянул круг через голову.

Матросы искренне обрадовались, что русский товарищ сумел закрепиться, загомонили громче и по команде старшего дружно потянули конец. Спустя несколько минут ланкийцы втащили пострадавшего на борт катера, захлестываемый водой.

«Утопленник» распластался на палубе, громко дыша и широко раскрыв рот, словно большущая рыба, вытащенная рыбаками на берег. Тощий ланкиец в форме пограничника стянул с Кабылы спутавшиеся ремнями сумки и спасательный жилет. Наконец Шурик сумел глубоко вздохнуть и продышаться. Зверлинг в последний раз клацнул фотокамерой. Близкая вспышка осветила искаженное страданием лицо бывшего рыбака.

— Батарейка села! — с досадой произнес Юлий и убрал фотоаппарат в сумку. — Извини, брат, кина не будет, экликтричество кончилось...

— Ты хр-хр-хр! З-з-зачем меня хр-хр-хр с-шнимаешь? — шипя, хрипя и заикаясь, пробормотал Кабыла, с усилием шевеля разбитыми губами.

— Старшой велел! Наверное, для полицейского отчета, доказательство, если бы ты утонул, — простодушно ответил художник. — Мне сказали — я выполняю.

Шурик ничего не смог членораздельно на это ответить — зубы стучали «танец с саблями», поэтому лишь скрутил большую дулю и сунул под нос Зверлингу, а потом мне.

Едва последний пассажир под радостные вопли экипажа оказался на борту, как катер резко сорвался с места и двинулся к земле. Время — деньги!

Незнакомый по прежним походам агент средних лет потребовал у нас паспорта и документы на оружие. Кабыла протянул чиновнику мокрый паспорт, с которого обильно стекала морская вода. Ланкиец, вытаращив глаза, брезгливо, двумя пальчиками взял и потряс документ — брызги полетели во все стороны.

Осуждающе покачав головой, он сверил наши фамилии со списком — вернул паспорта. Пограничник тем временем проверил номера автоматов, пересчитал патроны, кивнул в знак удовлетворения и замкнул ящик.

Шурик, хрипя, попросил закурить: кто-то из матросов дал сигаретку, кто-то зажигалку. Кабыла, затаившись и обессиленно привалился к переборке.

— Как ты? — участливо спросил я приятеля. — Башка соображает? Хоть чуток работает?

— Соображает! Но нога очень болит — сильно ступню зашиб, ударившись о борт балкера, да зуб, кажется, вывернул, когда мордой к железу приложился. Жаль, документы намокли — не знаю,

разберут ли теперь пограничники, что в них написано...

Шура оскалил рот — действительно, один зуб торчал наружу из верхней челюсти. Вампир, да и только!

— Страшилище! — хохотнул я и хлопнул товарища по плечу. — Бумажки — ерунда. Главное дело, что живой! Шурик, а ведь повезло, что ланкийцы именно тебе подали спасательный жилет...

Приятель коротко кивнул в знак согласия, сделал очередную глубокую затяжку, и, выдохнув дым, продолжил перечислять ущерб:

— В походе одни убытки! Новый мобильник — подарок сына — кажется, не работает. А второй, старенький, простенький, пока исправен — видишь, даже экран светится! Шарманка под DVD-диски явно отработала свой век — из корпуса вода до сих пор вытекает!

Кабыла принялся распаковывать сумку, продолжая проверять вещи и подсчитывать ущерб, одновременно горестно вздыхая и качая головой:

— Убытки! Одни убытки...

Добрались до берега без новых происшествий, катер лишь немного побросало на волне, что тоже было чревато последствиями — нас с художником сильно мутило. Но, к счастью, сдержались.

В порту первым делом сдали оружие на склад — впервые по приходу на Цейлон автоматы мы не топили, а официально сдавали военным. Значительный прогресс во взаимоотношениях международных охранных компаний и местных властей. Давно бы так, ведь мы занимаемся одним общественно полезным делом!

Далее всё по установленному порядку: пограничники, таможня, полиция. Молоденький служащий агентской компании препроводил нас на пограничный контроль. Неизменная побеленная крохотная хибарка с широким ковром, ярким и шикарным в далеком прошлом, а ныне протертым до дыр — результат посещения многих тысяч транзитных моряков и с большим портретом на стене бессменного президента-диктатора, основательно засиженным назойливыми мухами.

Естественно, диктатора не нашего — у них есть свой бессменный... Мы все разулись, вежливо поздоровались.

— Аюбона.

— Аюбон.

Толстый, лысеющий чиновник улыбнулся и простамповал мои и Зверлинга документы без проволок, а на скрюченный паспорт Кабылы, превратившийся в бумажного осьминога, в изумлении вытаращил глаза.

— Человек упал за борт! — пояснил агент и ткнул пальцем в насквозь промокшего россиянина.

Шура утвердительно кивнул, а в знак подтверждения слов агента громко чихнул.

Пограничный инспектор сочувственно покачал головой, расправил один из листочков и с силой приложился штампом, разрешая въезд на остров. Ну и на том спасибо! Наши бы охранители границы, наверняка, совещались бы полдня, прежде чем принять подобное решение...

«А действительно, как он попадет в Россию с таким паспортом?» — подумал я, но вслух не стал произносить, чтобы преждевременно не расстраивать приятеля.

С таможенной и подавно не было никаких проблем — ни сигарет у нас, ни спиртного, ни наркотиков... А жаль! Бутылка рома или виски сейчас бы совсем не помешала!

Таможня была разочарована — молча расписались, поставили печати на бумажки. Путь на райский остров свободен!..

«Breiv»

Отдых слегка затянулся — почти три недели простоя. Однако полковник Алекс чуть остыл и предложил новый поход — предстоял новый длительный рейс по океану с заходом в несколько портов. Увы, но Зверлинг в рейс пойти не мог — неотложные семейные и творческие дела — надо срочно искать замену. Проблем с кадрами нет: мой старый боевой товарищ по афганской войне сержант запаса Иван Батрэру давно и активно намекал, что не прочь увидеть океан, понюхать морской воздух, да и автомат в руках давно не держал — соскучился по оружию!..

Едва прибыли на старенькой «Тойоте» из аэропорта в Суэц — без чаепитий и обедов поспешили на борт катера — вновь предстояло рискованное десантирование в узком канале.

Старенький тридцатидвухлетний балкер принял нас на полном ходу и сразу проследовал дальше к Красному морю. Судно все той же одесской компании, и груз все тот же — железная руда, однако идем другим маршрутом: Индия — Кувейт.

Разместились. Хмурый низкорослый капитан что-то буркнул и отдал заботы о нас в ведение молодого долговязого старпома, а тот поселил меня на палубе управления — поближе к месту боевой службы.

Вход в уютную, небольшую каюту лоцмана — прямо из рубки, и создавалось ощущение, что живешь в проходном дворе и находишься постоянно на службе. В каюте никаких излишеств: односпальная кровать, неисправный маленький холодильник, письменный стол, стул, потертый и продавленный диванчик, журнальный столик, придвинутый вплотную к нему и прикрученный к палубе, настенные часы. Единственная роскошь — большое зеркало. И все бы хорошо, да в санузле лишь душ и раковина — для прочих надобностей следовало заходить в штурманский галльон на «мостик». Кондер был, но,

увы, работал в режиме обычного вентилятора, гоняющего горячий воздух. Сверху каюты — пеленгаторная палуба, поэтому помещение быстро нагревалось и становилось настоящей душегубкой.

Да и ладно, не до жиру, хорошо хоть, можно спокойно умыться, а ведь могло быть и хуже — главное дело, отдельная каюта, а не одна на троих. Ящик с автоматами засунули под стол.

Ребят поселили тоже по отдельности: Шуру двумя палубами ниже, Ивана на самой нижней — в госпитале. Быт у них был еще более скромный: лишь шконка да галльон.

Суровый капитан пропустить для знакомства по рюмашке наотрез отказался — типа здоровье бережет. Но по мутным глазам и пропитой морде с густой паутиной лопнувших капилляров заметно — еще как употребляет! Очевидно, не доверяет чужакам.

Утром первое общение с экипажем и тщательный осмотр балкера: экипаж довольно большой — тридцать человек. Познакомился коротко со вторым штурманом Севой — тот пожаловался, что это не судно, а какой-то проходной двор. «Breiv» купили всего два месяца назад у греков, перед началом погрузки рудой, и судном управляет уже третий капитан. Первый мастер принял судно, брезгливо поморщил нос, заметно опустошил бар и сошел в порт Южный перед выходом в море, однако, попутно поменял половину матросов и мотористов: кто-то пил, кто-то ничего не умел, кто-то работать не хотел. Следующий мастер довел «Breiv» в порт Саид, но был ни рыба ни мясо: сутками сидел в каюте и убивал время, допивая содержимое бара.

А потом произошла довольно забавная история: стоим на рейде, ждем очереди для входа в канал, и вдруг прибывает катер, а на нем вместе с лоцманом какие-то мужики. Один с ходу представляется: я ваш новый капитан. Именно этот вот — маломерок. А вместе с ним прибыл и третий штурман. Почему сменили предыдущего мастера? Кто знает — может, этот какой-то блатной?

Как впоследствии оказалось, маленького росточка мастер Геннадий Чирко был неразговорчив, нелюдим, хмур и крайне злопамятен. Выслушав с угрюмым выражением лица предложения по организации обороны, поначалу засомневался, надо ли устраивать дополнительную защиту мостика.

— Могу продемонстрировать! — хмыкнул я. — Обычно пули пробивают старый, ржавый металл крыла насквозь.

— И что? Прямо-таки и будешь стрелять в борт?

— Если не возражаете. Только укройтесь вместе со штурманом от рикошетов.

На правом крыле я нарисовал фломастером крестик и обвел кружком, прицелился — выстрелил. Пуля пробила металл насквозь. Ваня и Шурик стрельнули следом, и их пули тоже прошли крыло навывлет. Капитан, к своему огорчению, убедился,

что металл на бортах на мостике старый — проржавевший, прогнувшийся, и сразу дал добро на строительство бойниц, несмотря на протесты толстяка стармеха Валентина.

— А бойницу для макета пулемета из чего сделаем? — попробовал я продолжить усиление обороны. — Концы есть? Или что-то иное для защиты стрелков? Например, мешки с песком?

— О! Чего-чего, а песка у нас навалом! — ухмыльнулся мастер. — Этим добром трюмы парохода под завязку забиты. Правда, это не совсем песок, но ведь железная руда тоже подойдет?

Заступили на боевую службу еще до двадцатой параллели — трусоватый мастер очень опасался падения.

Наш Батрэру дорвался до оружия: сначала разобрал автомат до винтика, залез в каждую щелку, тщательно вычищая и смазывая примерно пару часов, а затем четыре часа несения вахты не выпускал из мускулистых рук свой «АК».

— Иван, да положи его в ящик, зачем таскаешь? — попытался я охладить пыл товарища.

— Не мешай! Дай насладиться! — парировал приятель. — Я двадцать пять лет в руках автомат не держал. Может, еще постреляем?

— Постреляем. Попрошу у мастера разрешения протестировать стволы и наваренное железо на крыльях.

Матросы тем временем, потея, кряхтя и матеясь, натаскали на крыло с десятков тяжелых мешков, создали баррикаду в сторону кормы, а сварщик сварил две ростовых бойницы.

— Эти баррикады точно выдержат пули? — с сомнением в голосе спросил мастер.

— Давайте повторно протестируем!

Наваренный металл выдержал — пуля пробила лишь первый лист и застряла на выходе во втором! Вот наконец-то! Теперь мы во время отражения атаки будем себя чувствовать гораздо увереннее. И пусть от гранатомета и пулемета не спасет, но все же...

Мастер Чирко искренне обрадовался нашей бурной профессиональной деятельности:

— Я готов возводить любые, какие угодно баррикады, лишь бы вернуться домой живым и невредимым! Мой друг-однокашник несколько лет назад попал сомалийским пиратам в плен — сначала почти год промучился в одной тесной каюте вместе со всем экипажем на судне, а потом провел полгода в вонючем зиндане под землей. Переболел практически всем, какую только там можно было заразу подхватить — зацепил. Вернулся после выкупа в Одессу, два года по больницам провалялся и умер! Себе я такого счастья не желаю!..

После разгрузки в Индии прибыли в Персидский залив — на горизонте кувейтский порт Эль-

Шауи. Августовское солнце палило нещадно, а мы день за днем болтались на рейде — ждали своей очереди. Вокруг так же скучали в ожидании груза десятки гигантских судов, в основном танкеры и газовозы. Чтобы чуток развлечься, я разглядывал в бинокли наших соседей, а потом по АИСу смотрел информацию: откуда и куда судно идет, размеры, название. Опять у нас в соседях «слон», только этот «L'Elephant», а не «А» или «D», как его собратья, виденные мной ранее. Размеры впечатляли и шокировали: длина триста тридцать метров, ширина пятьдесят девять, грузоподъемность сто пятьдесят тысяч тонн нефти. Прилично! Но меня таким плавучим мастодонтом особо не удивил, я и сам в прошлом году на почти подобном танкере шел.

Наш «Breiv» был самым маленьким в этом вынужденном плавучем соседстве и сиротливо жался в стороне от нефтяников и газовиков.

Земля маячила перед глазами, и мы грезили надеждами на поход в столицу Кувейта — до него рукой подать, но нам команды всё не давали на заход. Я начал мечтать побывать в незнакомой стране и прогуляться по районам старинного и современного города. Кувейт манил, ведь совсем недавно он был в центре мировых политических событий. Хотелось посмотреть места, где непомерные амбиции иракского тирана, жажда власти и наживы, едва не привели к глобальной военной и экологической катастрофе. Да, история, история. Уже давно нет Советского Союза, нет «холодной войны», в могиле Саддам Хуссейн, но о былых боях напоминают остовы боевых кораблей и затонувших танкеров.

За время перехода экипаж неплохо подзагорел и подпекся на солнышке, особенно один матрос по имени Николай, но все его звали Мыкола.

Это был довольно забавный экземпляр для моряка: приземистый, пузатый, весом примерно сто тридцать килограмм, а по характеру неунывающий весельчак, балагур. Конечно в работе немного медлительный, но это было и неудивительно с его-то весом. Короче говоря, Мыкола был задумчив и флегматичен.

С этим Николаем постоянно происходили забавные истории. Моряком он стал недавно и совершенно случайно, как поговаривал кок Гоша — взяли от ларька. Когда на Украине разразился очередной кризис, Мыкола от безденежья из таксистов подался в моряки. На судне все матросы кроме боцмана Сашки были от ларька: бывшие таксист, дальнбойщик, продавец пива, милиционер...

Однажды я стоял в одиночестве на правом крыле — загорал, осматривая морской простор на предмет внезапного появления пиратов, и тут ко мне, поболтать, присоединился мастер. Видимо, ему стало скучно. Капитан тоже окинул взглядом водную гладь, затем опустил глаза на палубу, и ему,

как назло, попался Мыкола. Голый по пояс толстяк, что-то весело насвистывая и помахивая пустым ведром, шлепал ботинками сорок пятого размера в сторону бака.

Чирко опешил и на какое-то мгновение потерял дар речи, беззвучно шевеля губами. Пришел в себя, сорвался с места и помчался в рубку.

— Боцман! Ко мне! Немедля! — раздался вопль капитана по громкой связи.

Сашко, проходя мимо меня, тихо спросил, что тут произошло.

— На палубе Мыколу заметил.

— И что такого?

Я пожал плечами:

— Разгневался...

Мне стало любопытно, и я поспешил следом за боцманом — люблю быть в курсе событий.

— Это что за толстый матрос прогуливается по палубе? Откуда на судне бегемот? — заорал капитан, брызгая слюной и с каждым выкриком все более распаясь. — Кто нанял такой экзотический экземпляр в экипаж?

— Ну, уж точно не я! — парировал боцман. — Я человек маленький — кого дали, с теми работаю. За время контракта мимо меня уже прошло полтора десятка нанятого за гроши «мусора». А Мыкола не самый плохой среди них. Добросовестный, правда в силу своего телосложения слегка медлителен. Да он в одиночку почти всю палубу зачистил!

— А почему он голый!

— Так жара ведь за сорок...

Коротышка-мастер подскочил вплотную к длинному, словно шпала, боцману, привстал на цыпочки, но и тогда не достал взглядом подчиненному даже до подбородка.

— Да хоть пятьдесят! Меры безопасности никто не отменял! Всем матросам немедленно надеть комбизы! А с этим Мыколой я еще разберусь! Он у меня теперь под особым контролем...

Мастер, что-то сердито бурча себе под нос, покинул мостик, а мы с боцманом в недоумении переглянулись. Третий помощник пробурчал, что приступы беспричинного гнева у капитана каждое утро.

С тех пор мастер начал каждый день доставать беднягу-матроса. Особенно ему доставалось, когда выпадала очередь наводить порядок на мостике. Под злобным взглядом Чирко неуклюжий Мыкола обязательно что-то переворачивал или ронял.

Мастер сердито сопел, демонстративно отворачивался, отходил в сторону и глубокомысленно проносил в пространство:

— И откуда такие недотепы берутся на флоте?

Невероятно, но Мыкола благодаря ежедневным солнечным процедурам всего за месяц приобрел темно-шоколадный цвет кожи, словно он родился сомалийцем или эфиопом. Видимо, не только потомки Александра Сергеевича Пушкина были завезены из Африки...

После долгого безделья настала очередь и нашего судна, и мы встали под погрузку. Рядом загружался серой такой же, как и мы, балкер-сорокатысячник, чуть дальше заполнял контейнерами огромную площадку на причале, освобождаясь от груза контейнеровоз, а далее, у дальнего причала грузился военной техникой, покрашенный в серый цвет автомобиль-паром Ро-Ро «Либерти» — вооруженные силы американской коалиции покидали Ирак.

Свое оружие мы вновь поместили в ящик, сдали в каюту «бонд-стори» и закрыли под замок. Прибывшие чиновники проверили документы, опись, весело погорланили по-арабски — опечатали без проводочек и придинок. На этом наша миссия вновь на целую неделю завершилась — можно отдыхать.

На мою просьбу о походе в город мастер отвел взгляд и пояснил: шурпасы не выписаны — арабы не хотят давать морякам выход в город, поэтому можно перемещаться только по территории порта.

— Порт так порт. Все равно сойдем.

— Хотите поискать сименс-клуб? Агент мне сказал, что в порту нет ничего: ни клуба, ни бара, ни кафе — даже для американцев. В стране сухой закон!

И что? Да хоть просто так побродим по порту! Надоело сидеть взаперти в каюте и не высовывать носа даже на палубу — всюду неприятный и вредный для легких запах серы: команда и портовые рабочие ходят в респираторах, а нам средств защиты не выдавали — мы вне штата.

Шура с утра почему-то был не в духе — на берег не пошел, и мы с Иваном отправились на вылазку вдвоем. А фиг с ними, с арабами, просто прогуляемся — а вдруг найдем что-то интересное. Долго шли вдоль набережной, а над нашими головами по эстакаде ползла лента транспортера, которая доставляла и сгружала серу внутрь чрева «Breiv». Затем, миновав несколько складов и ангаров, дошли до ворот порта — огляделись. В теньке, на стульях, расслабленно прислонившись к стене, сидели два полицейских — спрашивали паспорта и пропуска. А у нас, естественно, никаких документов — кроме, как в известном мультфильме, «усов, лап и хвоста». Мы даже обычные загранпаспорта не захватили с собой.

Я с грустью посмотрел в даль: сразу за воротами широкая асфальтированная дорога через пустыню, а вдаль виднелся огромный современный город Кувейт — столица Кувейта, с небоскребами из стекла, бетона.

«Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...»

Увы, витрины магазинов этого Кувейта нынче не для нас. Вернулись к кирпичным ангарам. Быстро выяснили у проходивших мимо русскоязычных моряков, что в порту действительно ни клуба нет, ни магазина «дьюти-фри» — вообще, не современный порт, а заштатная, провинциальная дыра и ничего интересного. Итак, выходит заняться «туристам» совсем нечем. Тоска...

Ну, хоть что-то интересное должно быть в порту. Что есть любопытного? О! Сиротливо стоят три новеньких российских и вроде бы серийных «КамАЗов» желтоватого, песочного цвета! Или это отставшие участники гонки «Париж—Дакар»? Хотя, где маршруты гонки и где мы! До Дакара много тысяч километров...

— Эх, куда вас, друзья, занесло, земляки! — усмехнулся Батрэру. — Видимо, местные арабы поверили в сказку о высоком качестве многолетних победителей гонок через пустыню. Но ведь в Кувейте нестерпимая жара! Или в этих серийных автомобилях стоят кондиционеры? Не может быть!

Сфотографировались по очереди на память с «земляками» и пожелали «КамАЗам» удачи на дорогах в пустыне. Затем, под навесом, я увидел полицейские джипы с надписью «Sherif». Возомнили себя шерифами, и опять фотосессия. Примерно час прогулки, вот и вся экскурсия. Жаль... Поспешили на «Braiv», а чего впустую бродить по жаре и нюхать всюду витающую ядовитую серу.

Следующим утром встали с головной болью — сказала прогулка по «свежему» воздуху. Да еще и в моей каюте стояла нестерпимая жара — металлические стены и потолок раскалились, а старенький вентилятор лишь впустую гонял воздух. Выпил пару таблеток, принял холодный душ — немного помогло. До обеда мы наблюдали в бинокль погрузку вертолетов и самоходных артиллерийских установок на гигантский лайнер автомобилевоз «Либерти». В наших головах сама собой дружно материализовалась идея: а почему бы не сфотографироваться возле военной техники? И даже Кабыла внезапно преодолел скуку и лень — возжелал тоже прогуляться, ступить ногой на кувейтскую землю.

Вначале «похода» мы быстрым шагом миновали грузовой причал, где, как и накануне, жутко воняло серой, а затем неспешно прошли вдоль мола, глядя на бьющиеся о валуны, медленные волны. Дошли до машин и вновь сфотографировались возле транспорта: «Sherif», «КамАЗов» и повернули к контейнерному терминалу. Почему бы и нет? Никакого забора, или ограждения, или высоких ворот, или хотя бы предупреждающей или запрещающей таблички, охрана отсутствует.

Ускорили шаг. Впереди виднелась колонна самоходок, покрашенных в маскировочный песочный цвет. И вновь запрещающие знаки отсутствовали.

— Ну, что замаялись? Идем? — спросил я товарищей.

— Точно не арестуют? — высказал сомнение осторожный и рассудительный Шурик.

— За что? Мы вроде ничего не нарушаем на кувейтской земле.

— Вот именно, вроде...

Осторожно двинулись вперед, то и дело, оглядываясь по сторонам, словно шпионы в плохом боевике.

— Немецкие! — авторитетно заявил разведчик Ваня.

Я не стал заявлять столь категорично и внимательно осмотрел машину спереди и с бортов.

— Иван! Грузятся ведь американцы! Подумай, значит и техника американская.

Разглядывая надписи на бирках, прикрепленных скотчем к стальным бортам самоходок, прочитал вслух:

— Место дислокации: моторизованная бригада во Франкфурте-на-Майне. Возвращаются к месту службы...

Взобрались на башню, сели на ствол, обнялись с Иваном и скроили улыбки на потных физиономиях — Кабыла вновь буркнул про нашу навязчивую любовь к фотографированию и часто защелкал фотокамерой.

— Может, хватит позировать, киногерои?

Однако сам тут же попросил сделать снимок и для него — ни разу не был рядом с танком.

Внезапно из чрева морского военного транспорта выехал миниатюрный электрокар-погрузчик, которым управлял американский военнослужащий.

Малорослый янки исподлобья посмотрел на нас и с подозрением спросил, зачем мы его сфотографировали.

— Сорри! На память! Давай сфотографируемся на добрую память! Как встреча русских и американцев на Эльбе — конец войне! Встреча в Кувейте — конец холодной войне!

Я думаю, из моей веселой русско-английской тирады янки ничего толком не понял, но позволил себя еще раз сфотографировать. Я назвал себя, представил своих друзей и пояснил: что мы русские, из Питера и Москвы, а америкашка в свою очередь доложил: что он капрал, техник тылового подразделения Уилл Симс, родом из Монтаны.

— О! Монтана — американская провинциальная дыра! Помню, в молодости носил джинсы «Монтана». Уилл, а ты в Ираке воевал?

— Нет. Я служу в тыловом подразделении. В Ираке не довелось побывать, но год служил в Кабуле на авиабазе. А в Афганистане служба тяжелее, чем в Ираке.

— И мы с Иваном в Кабуле служили, возле дворца Амина. И по всему Афганистану воевали!

Американец обрадовался, он знал это место, посещал с экскурсией развалины — уже в третий раз война этот несчастливый дворец разрушила, и никто не хочет восстанавливать живописные руины.

— А вы моряки с «Либерти»? — с запозданием уточнил Джон после фотосессии возле самоходок, уже садясь на электрокар.

— Мы? Нет! Мы — секьюрити с украинского сухогруза. Не террористы! — попытался я успокоить всполошившегося вояку. — Мы — нейтралитет!

Отчего-то после этих моих слов американец заметно расстроился, видимо переживал, что мы не

экипаж РО-РО, имеющий допуск к технике. Однако сдержался, даже угостил нас «колой», жвачками, пожал нам руки на прощанье и поехал на базу.

Итак, план по фотографированию выполнен — можно возвращаться на судно. Беспечно болтая, отправились в обратный путь той же кружной дорогой, какой сюда пришли.

Когда проходили мимо забора, ограждающего контейнерный терминал от грузового, заметили, как на большой скорости по терминалу носится камуфлированный военный «Хаммер».

— Америкосы явно крепко нажрались и пьяные гоняют на машине по порту! — сделал предположение Шурик. — Могут ведь ненароком разбиться о контейнер...

— И хрен с ними, пусть разбиваются! — сердито пробурчал Ваня. — Оккупанты проклятые!

— Иван, ты не прав! — возразил Кабыла. — Кого они оккупировали? Кувейт? Их местные просили освободить страну от Хуссейна.

— Вот-вот! Они убили нашего друга Саддама!

— Ваня, десяток таких друзей, и врагов не надо заводить! Он нам тридцать миллиардов долларов был должен, и отдавать не собирался! Страна в восьмидесятые бедствовала, а мы этого наглого и ненасытного козла содержали! У нашей страны друзья как на подбор жулики: много берут и ни хрена не отдают. А чиновники за взятки да за откаты потом долги многомиллиардные, и не в рублях, прощали. Коррупция...

Назревало открытие острого политического диспута: нас двое «либералов» против затесавшегося в коллектив великорусского шовиниста и одновременно московского молдаванина Батрэру.

Так, громко споря, неспешной походкой мы почти подошли к грузовому причалу, и оставалось всего метров пятьдесят до нашего балкера, как вдруг сзади послышался рев двигателя, раздался скрип тормозов на повороте, и нас осветили фары и прожектор. Посторонились, не ровен час задавит заокеанская пьянь. Однако «Хаммер» резко затормозил рядом. На крыше крутнулась башенка, и в нашу сторону угрожающе повернул хищный ствол пулемета. За крупнокалиберным пулеметом сидел долговязый хмурый солдат в каске и бронежилете и целился прямо в нас.

Дверцы бронированного автомобиля распахнулись, и из него выскочили два военных в форме песочного цвета, в касках, низко надвинутых до самых бровей, с надписью на касках «военная полиция» и повязками «МР». Один длинный с винтовкой, второй коренастый с пистолетом на ремне.

Вот, блин, влипли! Хоть бы не стрельнули сдуру — вояки хреновы!

Американцы внимательно осматривали нашу компанию, пауза слегка затянулась. Тот, что пониже ростом и поближе к нам, держал руку на расстегнутой кобуре с пистолетом, второй — долговязый воя-

ка держал на изготовку «М-16», хотя стволом направленную в землю, но в нашу сторону. Заметно стемнело, поэтому вояки по очереди освещали нас фонариками, ослепляя глаза.

— Сержант Хиксли. Военная полиция! — резким, отрывистым голосом представился коротышка. — Кто вы такие?

Я с трудом смог разобрать его отрывистую речь, и так как понимал английский чуть получше приятелей, да и как старший по должности, взялся вести переговоры — назвал себя и друзей. Сержант потребовал документы, но у нас не было вообще ничего — даже загранпаспорта не взяли, мы ведь не собирались покидать пределы порта.

— Русские?!

Я коротко и утвердительно кивнул.

Америкашки переглянулись, нахмурились и что-то друг другу буркнули.

Сердце мое слегка екнуло, а ну как этот американец заподозрил в нас агентов ФСБ или ГРУ...

— Цель вашего нахождения на погрузке военной техники?

Мы переглянулись и пожали плечами:

— Гуляли... Хотели в Кувейт съездить, но нас не выпустили. А на технике... да фото на память!

— Кто разрешил? Категорически запрещено фотографировать американскую военную технику!

— А мы американскую технику не фотографировали, мы фотографировали немецкую. — Я попытался отшутиться, предчувствуя, что шутки не пройдут. — Там бирка была прикреплена — порт доставки Франкфурт, Германия.

— Не имеет значения. Это техника НАТО, базирующаяся в Европе.

— Но тогда почему на площадке нет запрещающих знаков: не ходить, не фотографировать, не разговаривать?

— Это наше упущение. Исправим... — заверил меня с вполне серьезным видом сержант: — Вы моряки? С какого судна?

— Мы команда секьюрити, судно «Breiv», флаг Либерия. Нейтралитет!

Сержант что-то приказал капралу, тот взял свой «Айфон» и сфотографировал нас по очереди, каждому велел во время съемки называться по имени и фамилии. Ребята тормознули, не сообразили и назвали себя, так как есть, а я соврал и назвался Васей Ивановым.

— Теперь нам визу в Штаты не дадут, — хмыкнул Кабыла.

— Это вам не дадут, и не дадут Васе Иванову, а Косте Волженину — дадут! Думать головой надо! — ухмыльнулся я.

Тем временем, записав наши данные в блокнот, сержант потребовал предъявить фотоаппарат. Пришлось Ивану отдать на проверку аппарат. Я, было, начал переживать, что конфискуют и мобильники, но нет — американцы крысятничать не

стали, лишь стерли все фото и вернули. Без грубости и хамства, но и без радушия, лишь с нахальными и ироничными ухмылками на типичных ирландских физиономиях.

Мы выразили удивление и запротестовали:

— А что такого в фото? — обиделся Ваня.

— Техника не секретная! — Я вспомнил рассказ Суворова о встрече «на Эльбе» в порту Басры. — Наши ребята в Ираке с американскими солдатами возле БТРа и танков фотографировались!

Но Хиксли был непреклонен:

— Нельзя — у меня приказ! Никаких фото!

Сержант спросил, где наш корабль, и выразил желание сопроводить до трапа. У меня мелькнула мысль о готовящейся подставе, и я поделился с коллегами:

— Сука! Видать, решил подать на нас жалобу капитану! Подлый стукачок...

Нас повели к балкеру, словно под конвоем. Солдат сел за руль, а сержант брел рядом со мной, вполне мирно и мило беседуя.

— Сержант! А ты где воевал? Афганистан? Ирак? В какой горячей точке?

— Я до Кувейта служил в Тунисе, в Триполи.

А-а-а! Да с тобой все понятно — тыловая крыса! Выслуживается в теплом местечке, в Кувейте, чтобы не оказаться в горячей точке типа Кандагара, Басры или Багдада...

Американцы сопроводили нас до трапа судна, однако на борт подниматься не стали, мастера не вызвали и жалобу не подали.

— Может, мы с вами сфотографируемся на память? — ухмыльнулся я, желая оставить хоть одно фото для себя, пусть даже на фоне «Хаммера».

Но Хиксли был непреклонен — не положено! Сел в машину, помахал рукой, водила дал газа, и вояки были таковы.

Вахтенный помощник вытаращил на нас глаза и забросал вопросами:

— Что это было? За что вас под конвоем?

— За шпионаж! — хохотнул я немного нервно и похлопал молодого штурмана по плечу. — ЦРУшники разоблачили агентов ФСБ...

Сразу отправился к мастеру на доклад — чтобы узнал из первых уст. Чирко с минуту пробуравил меня злыми глазами, но ругаться не стал, а, наоборот, лишь обматерил янки:

— Совсем оборзели! Что они себе позволяют! Во всем мире нагло себя ведут, словно в Техасе!..

— Освободители Кувейта, они сейчас тут хозяйева...

Почти всю ночь я не спал, ворочался и переживал: что будет дальше, как поведут себя дальше портовые власти: а ну как вызовут в участок и задержат? Подъедет тот самый болотного цвета джип с надписью по борту «Sherif» и увезет на допрос! Кинут в грязный, душный, вонючий зиндан и поми-

най как звали. Кто будет вызволять? Полковник Алекс?

Но как оказалось, острая фаза инцидента на этом была исчерпана, хотя и не без последствий. Возле трапа с раннего утра нарисовался полицейский с пистолетом и дубинкой и выход на берег запретил, даже старпом для замера осадков прорывался на причал с боем.

Полицейское начальство чуть смягчилось, разрешило старпому работать на пирсе, но, кроме чифа, никому более не дозволили ступить на землю Кувейта...

Неделя загрузки, и мы отправились в обратный путь в сторону Суэца. Незадолго перед нашим выходом в море мимо гордо прошествовал РО-РО с интернируемой в Германию боевой техникой. Любопытно, отчитался ли сержант перед начальством об успешной операции по задержанию русских агентов?..

Хроника:

01.09.2012 года, Могадишо 22:52:50

Сомалийские пираты впервые убили заложника из-за задержки с выкупом. Жертвой преступников стал гражданин Сирии, член экипажа грузового судна «Орна», захваченного на Сейшельских островах в декабре 2010 г., передает Associated Press. Другой член экипажа был ранен. Пиратский командир Хассан Абди сообщил, что убийство заложника должно стать сигналом для владельцев корабля.

«Убийство моряка — это послание владельцам корабля, которые ничего не заплатили. Если они продолжат нам лгать, то убийства продолжатся. Мы потеряли терпение и устали ждать. Двух лет вполне достаточно», — сказал Х. Абди.

Отметим, что «Орна» ходит под панамским флагом, но принадлежит одной из компаний в Объединенных Арабских Эмиратах.

«Брянск»

Моей группе в очередной раз повезло — попутный рейс. Босс нашел нам русское судно, идущее на Шри-Ланку — балкер «Брянск» и моя команда высадились на этот балкер как обычно, после обеда, примерно в пятнадцать часов, и, как это уже стало правилом в Суэце — на выходе из канала и на полном ходу.

Я поднялся на мостик — огляделся. Мне было крайне любопытно побывать в рубке управления балкера новейшей постройки, прежде я постоянно ходил на старье. Ощущение — попал на пункт стратегического командования: длинный пульт управления, АИС, помигивало несколько компьютеров и больших экранов с движущимися точечками и с рядами многочисленных цифр.

— Что это? — поинтересовался я у молодого моряка, судя по времени вахты — второго штурмана.

— Это электронная карта.
— В смысле, электронная?
— В прямом! У нас нет карт в привычном виде, на листах — только генеральные. Управление по GPS, по спутнику.

— А если спутник исчезнет?
— А если электричество кончится? — усмехнулся штурман. — Прогресс! Двадцать первый век!

По бокам пульта управления возвышались два кресла, похожие на сиденья пилотов. Эти кресла крепились к полозьям, и сидевший в одном из кресел моряк, чуть оттолкнувшись ногой, проехал по «рельсам» «поколдовать» с навигацией к АИСу.

Забавно, почти как в трамвае!

Мастеру в самые первые минуты встречи было не до меня:

— Хлопцы, вы пока располагайтесь, обедайте, пройдем узкое место и якорные стоянки и потом пообщаемся...

Вечером, по приглашению, зашли в гости к мастеру. Широколицый капитан Николай оказался веселым и восторженным — типичный русский рубаха-парень.

Капитан вышел из каюты — распорядиться о торжественном ужине, а мы с Шурой переглянулись, поделились мнением о мастере. Похоже, Николай в советский период был партийным, профсоюзным или комсомольским деятелем...

Мастер вернулся в каюту, неся на лице добрую, искреннюю, лучезарную, радушную улыбку:

— Увы, нечем в ответ угостить... — с ходу извинился Кабыла, взяв на себя, как старый моряк, этот тонкий момент знакомства и русского общения. А вдруг нарвемся на моралиста и трезвенника?

Капитан вмиг развеял наше сомнение в своем дружелюбии и желании поддержать компанию:

— Ерунда! Зато у меня есть! — похлопал мастер по плечу Шуру. — Мы ведь грузились слябами в Потти. Успели купить канистру вина и коньяка ящик. Коньячок средний, как и все грузинские коньяки, а вино отличное. После ужина — милости прошу к нашему шалашу...

Художник обрадовался возможности дегустировать грузинское вино и прихватил бумагу и мелки — делать зарисовки с натуры во время питья. Компании нашей боевой группе в «шалаше», помимо Николая, составил молодой дед Игорь, прочих членов экипажа не позвали — не по чину.

— Будем здоровы! — поднял бокал мастер. — За знакомство!

Выпили до дна. Николай принялся рассказывать байки, а художник — рисовать.

— Вот помню, был случай в мою бытность еще третьим штурманом, перед самым развалом Союза — в период повального дефицита.

Вернулся наш маленький пароход-лесовоз из плавания во Владивосток — за границу ходили. Кажется, мы тогда из Йокогамы пришли. Наш стармех весь рейс «амуры» крутил-мутил с буфетчицей. Жутко бурный у них роман затеялся. Девка молодая, холостая, а пылкий дед — женатый. Стоянка короткая — всего три дня на погрузку-разгрузку. На свидание, на ночь, к стармеху жену пустили — капитан договорился с портовым начальством. Стармех живо буфетчицу выпроводил из каюты, порядок навел: пепельницу вытряхнул, мусорницу от презервативов очистил, пустые бутылки вынес. Ждет, волнуется! Прибывает любимая: обнимашки, чмоки, радость, суета. Супруга разделась и для начала в душ. Дед в койку — настраивается на страсть после двухнедельной разлуки. Взбил подушку, перевернул — там лежит кружевное женское шикарное белье! Шок!

Что делать? Думает себе, вот стерва буфетчица — развести решила! Супруга должна вот-вот появиться из душа — старпом в панике. Более подлого и явного компромата, как женские трусы и лифчик под подушкой, не придумать. Дед шаст к иллюминатору — открывает и швыряет улики в воду! Нервно закурил — руки ходуном ходят. Успокоился, выдохнул дым, выглянул за борт — вещички не утонули! Две сиреневого цвета синтетические шмотки у самого борта. Досада! Не утонули! Что делать? Дед к шкафу, где всегда валяется инструмент и запчасти, достает горсть болтов и гаек, высыпает. Трусы чуть подтопились, но так окончательно и не утонули. Но все равно, облегчение. Уффф!!!

Тут жена выпорхнула из душа и сразу к шконке. Сунула нос под подушку:

— А где белье, которое ты мне в прошлый раз из Японии привез? Вот тут, под подушкой лежало...

Да уж, трагикомичная история! Не дай бог так попасть впросак любому мужику!..

После того как пятилитровую канистру уполовинили, языки развязались — пошло родство душ, братание. Окончательно подружились и разговорились на разные темы. Действительно, на вопрос о прошлом мастер подтвердил:

— Я ведь не всегда ходил в море, были хорошие времена, когда трудился в руководстве профсоюза пароходства. Работа на берегу тоже приятная штука: спишь дома, а денежки получаешь не меньше, чем в море. А понадобится прикупить машину или шмотки — оформляешь загранкомандировку и плывешь капитаном-наставником. Нет теперь ни парткома, ни комсомола, ни профсоюза. Капитализм!

— Зато вы теперь зарплату достойную получаете, да и не в рублях...

— Это точно, бывает! Не то что раньше — шмекерить не надо, фарцовка моряков ушла в прошлое. Теперь моряки занимаются тем, что называется контрабандой: наркотики, оружие...

— Да ладно... Какое оружие у моряков. Про наркотики слышал, но чтобы оружием баловались...

Мастер многозначительно ухмыльнулся.

— Эта история случилась не со мной, мне друг рассказывал. Он тогда еще старпомом ходил. При погрузке повредилась упаковка ящика, а там матросы нашли пистолеты «Беретта», «Парабеллум» и патроны к ним. Скорее всего, не разбилась — матросы вскрыли, шакалили. Чей груз? Какая-то совместная русско-колумбийская фирма «экспорт-импорт». Капитану принесли образцы «экспорта-импорта — он выпал в «осадок» и сразу запил. Понял: попал в неприятную ситуацию. Довезти до Владика — содержимое разбитого ящика обнаружит таможня, выбросить за борт — что скажет мафия?

Старпом взял командование на себя: ящик разбили, содержимое сложили в госпиталь, а вечерами, пока мастер пил, экипаж после вахт развлекался стрельбой по бутылкам, выброшенным за корму.

Расстреляют патроны — пистолеты за борт. И так каждый вечер.

Старпом велел ни в коем случае не оставлять оружие — вдруг это провокация. И конечно, нашелся один очень мудрый или подлый — подsunул ствол в каюту чифа. Видимо, какой-то гаденыш решил подставить...

Встали к причалу, чиф открывает рабочий стол и находит лежащий практически на виду «Парабеллум» и запасной магазин с патронами к нему. Явно провокация какого-то недоброжелателя!

А таможня, полиция и пограничники уже на борт поднимаются по трапу. Что делать? Открывает иллюминатор и практически у них на глазах вышвыривает за борт железо. У сатрапов дар речи едва не пропал.

— Что выбросили? — спрашивают.

— Магнитофон.

— Почему?

— Сломался...

А один матрос-умник все же попался, при обыске в каюте в сливном бачке нашли «Парабеллум». Протокол, допрос, арест...

Да, очередная грустная история...

Утром по предложенной мною схеме и фотографиям моряки быстро сделали оборонительные рубежи: колючую проволоку по периметру бортов, наварили стальные листы к леерам на мостике — для стрельбы лежа в сторону кормы, и мои любимые макеты пулеметов. Позади рубки управления большая площадка — удобно гулять и вести наблюдение, однако если крылья были прикрыты металлом, то тыловая часть ограждена лишь тремя рядами лееров. Непорядок! С кормы для пиратов мы будем видны как на ладони. Ширина двадцать метров — столько металла нам не дадут. Как быть?

Николай с готовностью отозвался на мою просьбу закрыть тыл.

— Навесим брезент! И пусть он не защитит, но зато вас скроет.

Капитан тотчас велел боцману выделить необходимое количество брезента для занавеса — теперь мы можем хоть спрятаться.

Поход начался хорошо: общение в ходе вахты с добродушным мастером, душевным дедом, веселыми штурманами, а вечером, после вахты, партия в шахматы и вино под задушевные разговоры. Но наше благодушное настроение испортило руководство компании — бизнесмены вмешались в скорость движения.

Утром во время прохода Баб-эль-Мандебского пролива на мостик поднялся крепыш дед Игорь и начал о чем-то шептаться с Николаем.

Мастер на каждую фразу стармеха кивал головой и с тревогой поглядывал в мою сторону.

— Что-то случилось?

Дед извиняющимся тоном начал пояснять ситуацию:

— Оператор и фрахтователь требуют увеличить ход во время прохождения пиратоопасного района. Извини, мы вынуждены поднять скорость с десяти узлов до шестнадцати. Велено строго-настроено: никакой экономии — главное, скорость. Вот сейчас подсчитаю и пойму, хватит ли нам запаса топлива при таком ходе до Сингапура.

— Зачем вам гнать до Сингапура? В тех водах ведь сомалийских пиратов нет...

— Мы не станем гнать весь путь — только до Лакодивов. Не обессудь, Костя, но это приказ руководства! Так что проскочим через океан быстро — много за этот рейс ваша команда не получит.

Я даже опешил. Мы собирались хорошо подзаработать, а теперь что выходит?

— И когда, по вашим расчетам, мы прибудем в Галле?

Мастер прошагал раздвинутыми ножками циркуля по генеральной карте, взял калькулятор, постучал по клавишам.

— Осталось восемь суток. Увы, суток и шмукток у вас будет немного.

Дед поспешил в машинное отделение и сразу прибавил ход. Двигатель заработала бойчее, дым из трубы повалил гуще.

Стараниями механиков мы промчались привычным маршрутом лишь за одиннадцать суток вместо пятнадцати. Даже все вино не успели выпить. Вдвойне обидно...

Внезапно Алекс прислал мэйл и дал команду утилизировать — уничтожить оружие.

Я прочитал письмо и не поверил своим глазам: то нас ругают за потраченные на тестирование оружия патроны, а тут полная утилизация! Позвонил через спутник боссу:

— Алекс! Я все правильно понял про оружие? Ты ничего не напутал? Точно требуешь топить железо?

— Верно!

— Что случилось?

— Не по связи. Встретимся в Галле — объясню — завтра вылетаем с Сергеем в Коломбо.

Как скажете, босс, наше дело подневольное. Но патроны топить не обязательно. Погода ясная, море спокойное — можно пострелять. Судно уже немного сбросило ход, и я пригласил офицеров на стрельбы. И вновь моряки, словно дети малые, играли в войнушку: каждый орал после выпущенной очереди, что это именно он попал в коробку или бочку, бутлыхающуюся и медленно удаляющуюся за кормой.

Постреляли, стволы утопили, сейф подарили, собрали личные вещи. Вечером тепло простились с коллективом, с капитаном. До новых встреч!

На берегу нас поджидал сюрприз: таможня тщательно обыскала имущество — впервые за несколько лет. Изменилось отношение к охране? Пограничник с подозрением несколько минут расспрашивал о нашем оружии.

— Какое оружие? — сделал я, как смог, глупое и наивное выражение лица. — Мы просто русские моряки.

— Моряки? — ухмыльнулся хитрый чиновник. — А где ваши морские документы?

Я сделал попытку отшутиться:

— Утопили... Так бывает! Помните случай пару месяцев назад...

— А в этот раз вы все трое за борт упали? И что вы будете делать без сименс-бук?

— Отдыхать! Теперь мы просто туристы. Можем находиться месяц без виз — имеем право.

Шоколадного цвета мордатый чиновник презрительно поморщился, но паспорта проштамповал и выпустил «туристов» в свою замечательную страну.

Я доложил боссам о выполнении задания и поинтересовался нашими дальнейшими действиями.

— Алекс! Что по дальнейшему плану?

— Два дня отдыха. Сейчас пообедайте, купайтесь, а вечером милости прошу к нашему шикарному шалашу. Торжественный ужин — за мой счет. Угощаю! Прибыть в девятнадцать ноль-ноль. И не опаздывать! Завтра ночью улетаем вместе в Москву. Вчетвером. Серж пока останется тут — решать накопившиеся проблемы с местным руководством.

Агент поселил нас в шикарном отеле на первой линии — в таком мы еще не жили. Каждому просторный отдельный номер с кондиционером, жужжащим вентилятором под потолком. Но даже в столь дорогом и хорошем отеле телевизор, увы, лишь в холле, интернет отсутствует. Нищета!

Перекусили, купались, позагорали, вновь перекусили. Ближе к вечеру показали менеджеру название отеля, куда нас вызвал босс, тот слегка задумался и сказал, что пешком идти долго, тем более солнце уже скрылось и скоро будет совсем темно.

— Ловите тук-тук. Это не дорого — четыре-пять долларов.

Я попытался доказать приятелям, что найдем Алекса и без «моторикши», но Шура поосторожничал, и меня никто не поддержал. С трудом сумели пояснить куда нам надо, рикша подумал, поторговался, и поехали. Пять минут — и мы на месте. Ругая себя последними словами (три бутылки пива в минус), отсчитал водителю тук-тука рупии и обругал Кабылу:

— Говорил же, надо было идти пешком. Завтра ты без пива!

— Не бубни! Пивом сегодня нас босс угостит, — парировал Шура.

Алекс и Серж поджидали нас в хорошем ресторанчике на берегу моря, наблюдая за программой факир-шоу. Боссы были щедры и предложили угощаться, чем хотим. Поели, попили, рассказали о походе, доложил об утилизации стволов, удивился:

— Почему? Что случилось?

Алекс нахмурился:

— Местные быкуют. Смена кураторов, вместо сухопутных теперь оружие будем получать в рейд у военных моряков на судне — они организовали плавающий склад.

— А какая разница?

— Разница в цене вопроса. Стало более законно — оружие находится вне территории страны, но для нас дороже. Но вас это не касается. Пока отдыхайте — встретимся в аэропорту. Я туда подъеду с грузом, кое в чем мне поможет.

Мы дружно переглянулись: интересно в чем?

Ну да ладно, отдых, так отдых...

Чуть свет полковник Алекс позвонил на мобильный:

— Как дела? Все в порядке?

С трудом разомкнул глаза:

— Все нормально, шеф! Спим.

— Ах вы, лежебоки! Восемь утра! Я уже два раза в океан окунулся. Ладно, тунеядцы, вам повезло — радуйтесь! Купайтесь, загорайте, отдыхайте, расслабляйтесь: билеты купил — улетаем все вместе. Примерно в полночь за вами приедет агент — после ужина не болтайте нигде, чтобы не опоздать на рейс. Встречаемся у стойки регистрации — у меня еще дела в Коломбо.

Отдохнули замечательно — до самого заката провели на пляже и почти не вылезали из воды, прервали купание лишь на короткий обед, а с заходом солнца прошвырнулись по лавочкам и магазинчикам: подарки, сувениры.

В аэропорту Алекс нас почему-то не встретил, но мы ведь не маленькие, вполне самостоятельные и, если честно, его компания нам и ни к чему — электронные билеты до Питера у нас есть. Встали в хвост длинной очереди, медленно приближались к стойке регистрации, но внезапно босс позвонил:

— Где вы? Буду через десять минут. Ждать меня, не регистрироваться и багаж не сдавать!

Не сдавать, так не сдавать — хозяин барин!

До вылета меньше часа, а полковник Алекс все не появлялся. Так ведь и опоздаем! Любит Яркин устроить гонки с препятствиями и нервотрепку. Мы пережили и с тревогой поглядывали в даль, в сторону входа в аэровокзал, однако внезапно босс подкатил на каком-то автомобиле с мигалкой к боковому служебному выходу, крепко обнялся на прощанье с двумя мордатými ланкийцами. Один из аборигенов поманил через стекло полицейского, показал какой-то документ, и мелкий служитель закона поспешно отомкнул дверь — бодро отдал честь, приложив ладонь к фуражке, поклонился.

Алекс с самодовольным видом гордо прошествовал в зал ожидания: два большущих черных пакета в руках, третий зажат под мышкой:

— Видали, с каким почетом меня провожают?!

— Кто это были? — любопытствовал я беспечно.

— Кто надо! Главное, что перед ними все двери мгновенно распахиваются. Хватит болтать — опоздаем на рейс. Живее распахивайте пакеты по своим сумкам и сдавайте в багаж.

Алекс подтолкнул ногой объемистые целлофановые пакеты.

Мы с Кабылой в недоумении переглянулись.

— Что это? — поинтересовался Шурик, напрягшись.

— Лечебный чай! Хочу наладить сбыт в Питере. Везу на пробу — замутить новый бизнес.

Кабыла с еще более задумчивым выражением лица начал яростно тереть взмокшую шею.

— Анаша? Кокаинчик? — глуповато и беспечно хмыкнул художник. — Потом вместе нюхнем?

Озвученное предположение Зверлинга мне пришлось совсем не по душе, однако Юлий сказал именно то, о чем мы все невольно подумали. Видимо, именно так в каком-нибудь Таиланде частенько, «втемную» используют разных наивных и беспечных болванов.

— Не болтайте глупостей! Какая, к черту, анаша!

— А почему сам не везешь? — поддержал я сомнения художника.

Яркин разозлился:

— Вы разве видите у меня большую сумку или чемодан? Куда я их положу? Сдамся вместе с пакетами в багаж? Порвут! Мне эти подарки только что вручили.

Я приподнял в руке один из пакетов — примерно шесть килограммов, не меньше. И не дай бог там все же не чай — этот немалый вес потянет на много лет заточения. О подставе со стороны «мудрого и великого руководителя» даже думать не хочется.

Алекс тем временем торопливо и по-хозяйски принялся впихивать Зверлингу и мне в сумки расфасованные брикеты на глазах у ошарашенных сотруд-

ников охраны. Действительно, со стороны все это выглядело как сценка из дешевого криминального детектива.

Кабыле достался самый маленький пакетик — этот хитрюга опять путешествовал с барсеткой и маленькой сумочкой — больше ему не впихнуть. Значит, основные «наркокурьеры» мы с Юлием.

На сердце непроизвольно навалилась какая-то тяжесть, ноги ватные: и без того в аэропорту душно, а тут я и вовсе потом облился. Переглядываясь с приятелями и кляня себя последними словами за мягкотелость и безвольность, на ватных ногах побрел к стойке регистрации — похоже, товарищи испытывали те же чувства. Если что не так, то мы нашего полковника Алекса больше не увидим — отпрется. Кто мы ему и кто он нам?

Взгромоздили сумки на ленту транспортера — перевеса нет, доплачивать за лишний груз не пришлось.

— Дома лечебным чайком угостишь? — попробовал я успокоить себя шуткой. — Хочется попробовать, что мы такое замечательное и экзотическое ведем...

— Обойдетесь! — буркнул Алекс. — Слишком дорогой продукт. Но могу продать один пакетик за пятьсот баксов...

Нет, спасибо — чай я себе уже купил, и гораздо дешевле, да вообще я предпочитаю урвать что-нибудь на халяву. Да, у Алекса не забалуешь — щедрости не дождешься. А еще называет себя моим боевым, фронтовым товарищем...

К счастью, в Коломбо никаких четвероногих ищек на горизонте не было, и нас никто не обнюхал. А что будет в Северной столице? Не примет нас в свои объятия родной Наркоконтроль? Но, авось, наши страхи беспочвенны. Эх, опять это русское авось!

Весь путь с утренней пересадкой в Дохе мы заливали тревогу спиртным: виски, джин, коньяк, текила. К концу перелета в желудке булькал крепчайший коктейль.

Кабыла ежеминутно ругался:

— Ведем себя как дураки! Костя, ты действительно думаешь, Яркин везет обычный чай? Ж...й чую: за гроши суем голову в петлю!

Что я мог ответить? Сам переживал...

А Зверлинг, чтобы лишнего не думать, без перерыва глушил водку пятидесятиграммовыми мерзавчиками один за другим. А что — верно! Правильно, пьяному — море по колено.

Однако Алекс вроде бы не соврал и после получения багажа таможеню мы миновали зеленым коридором и без проблем.

Русский авось и в этот раз победил!..

Хроника:

2008 год. 1 февраля при выходе из Аденского залива у берегов Сомали пиратами был захвачен ледовый буксир «*Свицер Корсаков*», зафрахтованный датской ком-

панией «Свицер», с командой из двух британцев и четырех граждан России. Судно, транспортировавшее нефтяную платформу, совершало рейс из Санкт-Петербурга на Сахалин с заходом в Сингапур. 18 марта буксир и экипаж были освобождены после получения пиратами выкупа в размере 700 тысяч долларов.

26 мая в международных водах Аденского залива у берегов Сомали пиратами захвачено судно «**Амия скэн**», принадлежащее нидерландской компании «Дач рейдер шиппинг». Сухогруз, следовавший под панамским флагом, перевозил разобранную буровую установку из кенийского порта Момбаса в румынский портовый город Констанца. На судне находились девять человек: четыре российских офицера и пятеро матросов с Филиппин. 24 июня корабль был освобожден. За освобождение пиратам заплатили более миллиона долларов.

28 мая в Аденском заливе пиратами был взят на абортдаж сухогруз «**Леман Тимбер**», в экипаже которого было четверо украинцев, эстонец, девять жителей Мьянмы и капитан — гражданин РФ Валентин Барташов. 8 июля пираты освободили корабль после получения выкупа в 700 тыс. долларов.

21 августа сомалийские пираты захватили японский химический танкер и немецкий сухогруз. Экипаж немецкого сухогруза «**BBC Trinidad**» состоял из 13 человек: десяти филиппинцев, словенца и двух россиян. 11 сентября пираты освободили экипаж, в том числе и двух россиян.

25 сентября сомалийскими пиратами было захвачено судно «**Фаина**», следовавшее под флагом Белиза из Николаева (Украина) в Момбасу (Кения). На борту находились 33 танка Т-72, танковые снаряды, гранатометы и стрелковое оружие. На борту захваченного судна находились три россиянина. Командир корабля, гражданин России умер от сердечного приступа в плену. 5 февраля 2009 года судно было освобождено за выкуп 3,2 миллиона долларов.

7 ноября у побережья Сомали пираты захватили сухогруз «**Cec Future**» датской компании Clipper Group во время прохождения через Аденский залив. Экипаж судно состоял из 13 человек, из которых 11 — граждане России. 16 января 2009 года судно было освобождено за выкуп.

2009 год. 25 марта греческий танкер «**Нипайя**» (Niraya), шедший под панамским флагом, был захвачен морскими разбойниками в 380 морских милях от побережья Сомали. Судно, не имевшее груза на борту, направлялось в Персидский залив. На его борту находились 19 человек — гражданин России (капитан) и 18 филиппинцев. 9 мая судно было освобождено.

26 марта близ побережья Сомали пираты захватили норвежское судно «**Боу Эйсир**» (Bow Asir). Судно «Боу Эйсир» водоизмещением 23 тысяч тонн направлялось из Персидского залива в кенийский порт Момбаса. Среди членов экипажа россиянин, старший помощник капитана. 10 апреля судно было освобождено, сумма выкупа около 2,4 млн. долларов.

4 апреля сомалийские пираты захватили немецкий контейнеровоз **Hansa Stavanger** в Индийском океане. На судне находились контейнеры с товарами азиатского производства, оно следовало из Джебель Али (ОАЭ) в Момбасу (Кения) и далее — в Дар-эс-Салам (Танзания). Экипаж корабля состоял из 19 человек, среди которых трое российских граждан, двое граждан Украины и 14 граждан Филиппин. В начале августа 2009 года судно было освобождено. Сообщалось, что пираты получили за освобождение контейнеровоза 2,7 млн. долларов.

6 апреля сомалийские пираты захватили эксплуатируемое одной из итальянских компаний британское грузовое судно — балкер водоизмещением 32 тыс. тонн. Захваченное судно «**Malaspina Castle**» ходило под флагом Панамы. Команду судна составляют 24 человека, среди которых 16 болгарских граждан, граждане Украины, Филиппин, Индии, а также двое граждан России. 9 мая в результате коллективных усилий государств удалось добиться освобождения судна из плена.

29 октября сомалийскими пиратами был захвачен сейнер-тунцелов «**Thai Union-3**», принадлежавший тайландской группе компаний Thai Union. Команда сейнера состояла из 23 россиян (в основном жителей Калининградской области), двух граждан Ганы и двух филиппинцев. 7 марта 2010 года пираты за выкуп освободили захваченное судно.

2010 год. 5 мая в Аденском заливе пиратами был захвачен плавающий под либерийским флагом танкер «**Московский Университет**» с 23 россиянами и 86 тысячами тонн нефти на борту. 6 мая танкер освободили моряки с большого противолодочного корабля «Маршал Шапошников». Десять пиратов были задержаны, один убит. Для проведения разведки до штурма российские моряки использовали вертолет, одновременно с моря к танкеру скрытно подошли лодки с группой антитеррора, которая высадилась на судно. После короткой перестрелки пираты были нейтрализованы.

11 ноября сомалийские пираты захватили шедшее под флагом Панамы судно «**MV Hannibal II**», на борту которого находился 31 член экипажа, в том числе один россиянин. Нападение на танкер, перевозивший растительные масла из малайзийского города Пасир-Гуданг (Pasir Gudang) в египетский город Суэц, произошло в 860 морских милях к востоку от Африканского рога. В марте 2011 года захваченный танкер был освобожден за выкуп в 2 миллиона долларов.

27 декабря в Аденском заливе у побережья Омана сомалийскими пиратами было захвачено грузовое судно «**Ems River**», принадлежащее немецкой судовладельческой компании «GRONA SHIPPING GMBH CO. KG», шедшее из ОАЭ в Грецию под флагом Антигуа и Барбуды. В составе экипажа судна, кроме граждан Филиппин, был гражданин Российской Федерации. 1 марта 2011 года сухогруз был освобожден. Судно было отпущено после уплаты выкупа, сумма которого не сообщалась.

2011 год. 28 февраля в Аравийском море сомалийские пираты захватили судно «**Dover**», оператором и владельцем которого является греческая компания. Экипаж судна состоял из трех румын, россиянина и 19 филиппинцев. 30 сентября после получения выкупа в размере 3,8 миллиона долларов пираты освободили судно.

В конце января было захвачено судно «**Beluga Nomination**» (флаг Антигуа и Барбуда) в 100 километрах от Сейшельских островов. В составе экипажа находились 12 человек: граждане Украины, Филиппин, Польши и России. Один из двоих российских членов экипажа Владимир Исайкин был жителем Петербурга, второй, Дмитрий Гудков — калининградец. Владимир Исайкин погиб в ходе предпринятой в конце января силами береговой охраны Сейшельских островов неудачной попытки освобождения судна.

13 апреля грузовое судно было освобождено из сомалийского плена в результате уплаты выкупа в размере около 5 миллионов долларов.

Капитан Гуйвам

Спустя год я вновь попал на гигантский рудовоз «Father» — опять охранять шоколадного старика «Фазера». Или все же правильнее произносить «Фатера»? Искренне обрадовался: жив курилка — скрипит старым железным корпусом и не разваливается. Вот и славно! И главное дело, чтобы он нас доставил до Галле в целости и сохранности. Зачем нам подвиги по выживанию пассажиров «Титаника»?

В рейс со мной назначили новый состав группы секьюрити. Увы для меня, и на радость Кабыле, Шуру назначили старшим группы на сопровождение небольшого украинского балкера, а в компанию мне и Ване Батрэру на сопровождение этого гигантского рудовоза боссы третьим секьюрити дали — Лосева. Опять. Как я ни отнекивался — приказ есть приказ.

Старик «Фатер» изрядно проржавел, хотя крашен и перекрашен не раз, но морская соленая вода и агрессивная среда берет свое. Практически бесполезный труд, однако если матросов не заставлять зачищать ржавчину, то любое судно сгниет гораздо быстрее.

В первый день националистически настроенный мастер встретил нас крайне неласково:

— Кацапы? З самого Питера и Москвы? Бред! А шо у нас своих боевых украинцев немає?

Наглая, квадратная рожа капитана Семена Гуйвама, как говорится, явно просила кирпича. Мало того, что он был двухметрового роста и кулаки с голову ребенка, так еще и любил вести разговоры на политические темы.

— Мастер, раз прислали нас — значит вашему руководству так надо! — ответил я сердито. — Это ведь не твоя проблема и забота: раз ваши боссы решили брать русских секьюрити, знать, так тому и

быть. Видимо, ваши хлопчики не в состоянии приобрести в Суэце оружие и решить проблему охраны.

— Оружия нет? Да его в Украине сколько угодно! Вернусь в Одессу, обязательно добыюсь, чтобы нас охраняли только одесситы! И оружие не обязательно огнестрельное — можно металлическими шариками пулять, пневматикой.

— Бред! Лично ты сам готов идти с такой охраной? Чтобы твое судно охраняли с рогатками и нунчаками? — дерзко ответил я зарвавшемуся капитану, сующему нос, куда не следует. — Такой герой, что готов идти через пиратскую зону без автоматов?

Двухметровый детина, с сильно побитым в детстве угрями лицом, как говорят в народе про таких — «шилом бритый», в недоумении вытаращил на меня маленькие пороссячьи глазки.

— Такой наглый, да?

— Такой правильный и умный.

— Ладно, поживем — увидим, что вы за спецназ...

Первое время этот капитан с забавной для русскоязычного уха фамилией Гуйвам пытался показать суровый характер и подмять охрану. Мастер был нагл, без повода грубил и дерзил всем, и получил от экипажа кличку, несколько перефразирующую фамилию. Что бы у него моряки ни спрашивали, он поначалу отвечал х... вам! Матросы моментально его соответственно окрестили — Хренвам, точнее, кличку дали совсем уж неприличную — не печатную, поменяв в фамилии г — на х...

Пару дней мы с мастером состязались в остроумии и красноречии — кто кого передерзит, подколет. Злые шутки в основном касались национальных тем, но вскоре Семен Гуйвам успокоился, и мы перешли на деловые ровные отношения. Капитану, видимо, быстро наскучило задирать меня, тем более бессмысленно, я ведь не его подчиненный. Даже появилась некоторая взаимная приязнь, особенно с его стороны — поговорить по душам больше ведь не с кем.

Как только скучные и однообразные подначки кацапов прекратились — мастер переключился на третьего помощника Михаила. Этот штурман в должности третьего помощника оказался случайно: предыдущий капитан по окончании контракта списывался, а третьим помощником был его младший сынок — родственникам требовалось сойти в порту Южный. Быстрой замены не нашлось — кого срочно найти на замену сыночку? Первого попавшегося: почему бы не услужливого матроса Мишу, «рвущегося в бой» и имеющего на руках диплом штурмана-заочника? И пусть с купленными экзаменами и сессиями и полным отсутствием полученных знаний, но диплом в наличии. Не беда, главное, есть подлинные бумажки! Тем более этот матрос старательный, исполнительный и остро нуждается в деньгах — четверо детей мал-мала меньше. Прежний, уходящий мастер вошел в положение, приложил усилия, походатайствовал о добросовестном Миха-

иле перед отделом кадров компании. Капитан конечно же прежде всего заботился о сыночке — не бросать же любимого мальчика «на съедение» хамоватому сменщику. И вот сбылась мечта замученного жизнью и нищетою матроса — он настоящий штурман. Офицер!

Надо сказать, что этот Михаил Джумаев был человеком с довольно сложной судьбой: мама хохлушка, папа азербайджанец — с детства в бегах. Проезжий мблodeц, заделал ребенка молоденькой, глупенькой сельской хохлушке и был таков! В наследство сыночку от азербайджанского папы досталась лишь фамилия, отчество да чернявая внешность, а в остальном настоящий хохол: скуп, жаден, хитер и ни слова не знает по-азербайджански. Сначала трудное детство, затем ранний брак — и оба супруга глубоко подобрались воцерковленные. А потому в их семье в довольно молодом возрасте уже четверо детей. Презервативы и прочие средства предохранения — табу!

Итак, отстав от моей скромной персоны, Гуйвам полностью переключил внимание на битого жизнью Михаила, переживающего за удержание «офицерских погон» и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

— Миша, дорогой мой друг! — с ехидной ухмылкой начал мастер на вахте допрос с пристрастием. — Какая у тебя была в детстве мечта?

— Заработать много денег, — с ходу буркнул штурман, ни секунды не подумав, сказав, что было на уме — думы о деньгах одолевали много лет.

Мастер опешил и с недоумением уставил хмурый взор на штурмана:

— Ты какой-то странный и корыстный! Большой на голову? Обычно мальчишки мечтают стать путешественниками, летчиками, космонавтами, моряками, геологами, летчиками, а ты думал о деньгах. И не мечтал быть летчиком, космонавтом?

— Нет, не мечтал!

— И моряком стать не хотел?

— Нет...

— Странный ты...

Штурман нахмурился, отвернулся в сторону, предполагая какой-то подвох, и втянул голову в плечи. Было заметно, что ему крайне неприятен этот непонятный разговор.

— Миша, объясни, зачем ты ходишь в моря?

— Детей кормить! Мне надо квартиру купить, детей выучить — жена не работает, я один кормилец.

— Выходит, чтобы семейство хорошо и припеваючи жило, тебе необходима зарплата штурмана?

Миша энергично кивнул в знак согласия черной, как смоль, курчавой головой.

— Эге! Деньги тебе позарез нужны, однако как штурман ты полный ноль. А я почему-то должен из-за тебя страдать, переживать, зад свой подставлять проверяющим? Ты же тем временем будешь получать незаслуженную зарплату и свой выводок содер-

жать?! Однако ловко устроился! Зачем было плодиться, коли нечем кучу детей кормить?

— Дети — это святое! Бог нам, людям, велел плодиться и преумножаться...

— Бог людям велел, говоришь. А головой во время процесса думать не велел? Вот ты диплом купил, а ни черта в штурманском деле не смыслишь. А ну, пойдем к карте, показывай точку нашего нахождения.

Миша заметно занервничал: руки затряслись, глаза забегали, лоб моментально взмок, по щекам потекли капли пота. Штурман минут двадцать делал замеры, наконец ткнул карандашом.

Мастер покачал головой:

— Э-э! Так дело не пойдет! Слишком долго определяешься с точкой. Ладно, даю два дня для переподготовки. Приказываю: изучить все руководящие документы. Послезавтра буду принимать экзамены, раз тебя в бурсе ничему не научили!

Два дня в ходе вахты и в свободное время прошли в лихорадочном штудировании кипы книг и изучении бумаг, приставании к чифу. Толстяк-старпом Захар был добряк — помог Михаилу. Экзамен был с трудом сдан.

— Ну, хорошо! — удовлетворился Гуйвам ответом, ухмыляясь хитрыми глазами. — С точкой мы определились, и теперь документы через пень-колоду знаешь, хотя бы приблизительно. Но вот как у нас обстоят дела со спасательными средствами? Ты ведь за них отвечаешь?

— Я ... — ответил уныло с тоской на челе Миша.

— Сколько их в наличии?

— Чего именно?

— Всего! Доложи!

— Я ничего такого не принимал... — обреченно выдал из себя штурман.

— Как так не принимал?! — поразился мастер. — Ты ведь отвечаешь и материально и морально! Друг в случае катастрофы понадобится оставить судно и спасаться, как сможем, а шлюпка неисправна и потонет? Или вдруг по твоей вине спасательных жилетов не хватит на экипаж?..

— Мне надо было быстро отпустить предшественника. Капитан велел принять у сына дела, так как есть — не глядя...

Гуйвам покрутил указательным пальцем у виска.

— Миша, ты полный идиот?! А материальная ответственность? Как я понимаю, капитану и его сыночку требовалось поскорее списаться на берег, но ты уже целый месяц даже не знаешь, за что отвечаешь, и молчишь! Ты хотя бы для самого себя, для собственного спокойствия проверь вверенное имущество! Негодяй!!! Даю сутки на проверку!

Сразу после той вахты, в «адмиральский час», Михаил развил кипучую деятельность: обошел каждую каюту с ведомостью в руках, проверил по учету спасательные гидрокостюмы и жилеты, пересчитал

круги, спасательные плоты и утром прибыл на вахту с полной описью.

Гуйвам просмотрел перечень, бросил ведомость на стол и пристал к третьему штурману с новым вопросом:

— А что у нас со шлюпками? Каково их состояние? Комплектация? Тоже не знаешь? Бардак! Ладно, я все равно сижу на мостике весь день и чай гоняю — поэтому освобождаю тебя от дневной вахты! Ступай и займись шлюпками! Выгрузи из них всё: проверь, укомплектуй, зашпакуй, покрась. Вперед! Марш, марш! Сделаешь — доложишь.

Три дня Михаил был занят работой в шлюпках: заметно осунулся, с головы до пят перепачкался краской и маслом. Наконец к указанному сроку прибыл на мостик сообщить о результатах трудов.

А Гуйвам буквально забавлялся Мишей, как бывалый кот с глупой мышью! Выслушал, одобрительно кивнул и последовал новый вопрос, поставивший штурмана в очередной тупик:

— Михаил! А ты с секстантом знаком?

— Знаком. Он в штурманском столе лежит...

— Да ты что?! И даже знаешь, как он выглядит и где лежит! Чудеса, да и только! Молодец! А сумеешь определить при помощи этого слегка знакомого тебе на вид прибора местоположение судна?

Штурман лишь горестно вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Вот! Я это и подозревал! Ох! Ну, чему вас только, там, в штурманских бурсах обучали! Даю три дня на изучение и жду доклада на утренней вахте...

Теперь каждую вечернюю вахту старпома Миша отвлекал отзывчивого чифа от дел, пытаясь освоить секстант. День за днем проходили в бесплодных попытках освоить сложный прибор — результат отрицательный.

— Миша! Я не собираюсь быть твоим спонсором! — бурчал капитан, прохаживаясь по рубке из угла в угол и нервируя штурмана. — Приличные деньги получать хочешь, с детства о них мечтаешь, а отработывать получку за тебя должен дядя Гуйвам? Я тебе даже не дядя и ты мне не племянничек! Это прежний капитан явно отработывал за сыночка зарплату, а я не хочу. Мы — не родственники! Так дело не пойдет. Сколько тебе еще надо времени на обучение?

— Дайте еще три дня! — взмолился третий помощник. — Я научусь...

— Ну, ладно. Я милейший дядя Гуйвам, хоть обо мне и брешут злые языки на судне, что я зверь и держиморда — на самом деле я добрейшей души человек! Дам тебе еще четыре дня. Согласись, Миша, несправедливая ситуация: ты несколько лет платил большие деньги преподавателям за обучение, давал взятки за фиктивные справки, а капитан Гуйвам должен тебя тут бесплатно на мостике терпеть? Если хочешь, давай я за тебя зарплату штурмана буду получать и вахту стоять, а ты возвращайся к кистям и краске — топай в матросы!

Михаил задрожал, словно осиновый лист на ветке в ненастный осенний день, и с каждой рубленной фразой мастера штурман бледнел, потел и обещал исправиться. Гуйвам вновь делал свирепое лицо, давал новые сроки обучения и гнал штурмана с мостика заниматься делами — красить под палящим солнцем спасательные круги.

Мастер с каждым днем ко мне добрел, и, можно сказать, мы даже сдружились. Пошли разговоры на морские и неморские темы: история, география, политика, искусство и культура. Однажды на вечерней вахте мы затеяли диспут о космосе и устройстве Вселенной, а завершили его дискуссией об эволюционной теории Дарвина.

Миша стоял у пульта управления и сердито сопел. Мне даже показалось, что его маслиновые глаза метали молнии в мою сторону, штурман явно закипал от возмущения. В этот момент на мостик зачем-то забрел Вольдемар — вахта не его: просто посмотреть на звезды, погреть уши возле начальства? Теперь противников теории эволюционного развития стало двое и оба «сектанта» явно были возмущены моими речами.

— Какой Дарвин! Какая эволюция? — не на шутку разозлился мой напарник Лосев. — Бред всякий нес этот ваш Дарвин: человек произошел от обезьяны! Почему современные обезьяны не превращаются в человека? Я разве похож на обезьяну? Что у нас с ней общего?! Дарвинисты — дети антихриста!

Забавно, но именно в этот момент длиннорукый, изможденный, осунувшийся, с глазами, глубоко впавшими в глазницы, он действительно был довольно сильно похож на мартышку. И зачем на службе, в морском походе так истово соблюдать пост? Мы ведь в путешествии — можно воспользоваться послаблением. Но как ему об этом сказать тактичнее, чтобы не обидеть о сходстве с приматом?

— Я помню вашу реакционную теорию: никакой эволюции, лишь божественное начало. Бог сотворил мир за семь дней из ничего? А потом взял и создал из грязи мужика? А бабу из его ребра? Вот это здорово! Никакой генетики, никакого эволюционного развития. Берешь грязь, мнешь, шелкнул пальцами и все готово! Появилось человечество...

Лосев насупился, начал бубнить что-то из библейских стихов о мироздании, и Миша тоже оживился, почувствовав поддержку в лице Вольдемара:

— Константин, я вас настоятельно прошу в моем присутствии темы эволюции и космоса не затрагивать! Вы оскорбляете мои религиозные чувства!

— Хорошо! А ты, Михаил, оскорбляешь мои чувства атеиста! И ты, Олень, тоже меня оскорбляешь своей серостью: Земля не плоская и она не стоит на трех китах и трех слонах! Из космоса планету уже посмотрели и даже сфотографировали! Будем спорить?

Штурман и Лосев насупились.

— Не будем! Не хочу! — буркнул секьюрити.

— Верно, о чем спорить, это не в ваших принципах. Гораздо проще обозвать мыслящего человека еретиком и сжечь на костре!

И без того у нас с Михаилом не было хорошего взаимопонимания, а после этого случая контакт и вовсе пропал.

В рубке в отсутствие мастера воцарялось гробовое молчание, и мы стояли в разных углах просторной рубки. Чем заниматься во время несения службы? Внимательнее наблюдать за океаном! Чай, кофе и разговоры исключительно с Гуйвамом.

Однако во время этих наших диспутов капитану на ум взбрел неизменно какой-нибудь каверзный морской вопрос на эрудицию, который он переадресовывал третьему штурману. Например: сколько метров в морской миле или сколько на планете океанов?

Миша, естественно, с ходу ответить не мог, поэтому нервничал, потел, заикался.

— Ну! Чего молчим, флотоводец? Сколько океанов? — торопил штурмана мастер.

— Э-э... Три, нет — четыре...

— И сможешь перечислить?

— Тихий, Атлантический, Северный Ледовитый...

— Ну? И? Забыл? А по какому океану мы идем?

— Ах, да, Индийский!

— Все? Уверен?

Миша задумался, занервничал, нахмурил брови, сморщил лоб, обреченно выдохнул:

— Уверен...

Мастер взглянул на меня:

— А ты что скажешь — пехота? Верно?

— Нет, не согласен — пять! Южный океан упустил! Начиная с двухтысячного года, Международное Гидрографическое общество приняло решение, именовать все воды севернее шестидесятой параллели именовать Южным океаном. Загляните в Интернет!

Гуйвам поморщился, выражая в свою очередь тоже сомнение:

— Проверить не получится, интернета сейчас у нас нет. Что-то я не слышал про такой океан. Может, это выдумка кацапов?

— Давай посмотрим генеральную карту Антарктиды и увидим! — парировал я очередной националистический пассаж мастера.

— У нас ее нет, увы. Нам карта Антарктики ни к чему, мы туда не ходим...

Я задумался, но тут в голову пришла идея.

— Давай посмотрим атлас карт. Английское Адмиралтейство подтвердит...

Гуйвам хмыкнул, полез в рабочий стол и достал необходимый атлас карт, раскрыл на необходимой странице.

— Надо же, верно! Не врешь! Уел старого морского волка. Учись, Миша, у пехоты...

Я пожалел, что не поспорил с капитаном на что-то существенное, помимо простой похвалы. Но шанс получить материальный выигрыш еще сохранялся.

— А поспорим на упаковку «Кока-колы», что не угадаешь, какая страна Европы самая большая по территории, если не считать Россию.

Гуйвам даже обрадовался.

— Люблю мир без москалей! Шоб вам усим було пусто! Понятное дело, Украина, не Франция же!

— Не угадал — проиграл!

Капитан обиделся.

— Да ладно! Опять происки кацапов. Что, хочешь отдать пальму первенства лягушатникам?

— И опять не угадал!

Мастер вновь не поверил.

— Не говори глупостей, хочешь сказать, объединенная Германия? Ерунда! Украина больше!

— И не Германия...

Гуйвам даже рассмеялся:

— Иных вариантов нет! Заврался, служивый. Ну и какой твой вариант?

— Дания!

Миша с интересом взглянул на меня, а Гуйвам даже расхохотался:

— Эта крошка? Да ее и на карте хрен найдешь без микроскопа.

— Да, крошка! А с Гренландией? С тебя упаковка «Кока-колы»!

Мастер полистал справочник, посчитал площадь этого большого ледяного острова, в восторге хлопнул в ладоши, рассмеялся:

— Опять уел моряка! Сдаюсь! Твоя взяла! Хотя и не совсем честно...

Третий штурман тем временем окончательно потерял покой и сон, стал нервным, осунулся, исхудал, а при каждом появлении на мостике Гуйвама его начинало буквально лихорадить. А коварный мастер не давал ему ни минуты передышки: появлялся ровно в десять утра или в двадцать ноль-ноль на мостике — по нему можно было хронометр сверять, и уходил в каюту по завершении вахты ровно в полдень и в полночь.

Наконец штурман не выдержал и взмолился:

— Константин! Вы можете не разговаривать с капитаном во время моей вахты?

— Как это не разговаривать? Он для этого сюда и приходит, чтобы скрасить «капитанское одиночество» и пообщаться с умным человеком.

— Уходите на крыло и просто несите службу, не разговаривайте с мастером. Вы меня нервируете...

Забавный он, этот Мишаня: почти до сорока лет дожил, а ума... С кем иным Гуйваму общаться? Про термин «капитанское одиночество» мне пояснил еще в пятом походе мастер Бруленко: мол, с кем капитану говорить по душам? Все на судне подчиненные! Чтобы не разводить панибратство, надо дер-

жать дистанцию и появление посторонних, команды секьюрити например, — это радость общения! Главное дело, чтобы капитану с гостем было приятно пообщаться.

Кстати, перестав досаждать мне, Гуйвам пристал к Батрэру:

— Иван! Ты настоящий молдаван?

— Ну...

— Молдавского вина привез?

Ваня вновь и вновь пояснял, что он москвич — какое в Москве домашнее вино?!

— Тогда хоть коньяк «Белый аист» прихватил в море? Нет? Да какой же ты молдаванин после этого!

После вахты Иван отвел меня в сторонку и пожаловался:

— Надо что-то делать с мастером. Достал меня этот Гуйвам! Может, угостим?

У нас было с собой прихвачено две литровых бутылки виски и джина, но так как в самые первые дни прием был хамским, то предлагать мастеру посидеть и познакомиться, чтобы наладить отношения, мы не стали. И вдруг такой откровенный намек...

Я заступил на вахту и прямым текстом объявил Гуйвamu, что у нас кое-какой запас имеется и мы готовы пообщаться и поделиться.

Сема с нескрываемым интересом в глазах посмотрел на меня и нескazanно обрадовался:

— А шо ж вы выпендривались? Шо молчали?

— Это спорный вопрос, кто из нас выеживался! Кацапы ведь с бандерами не пьют! Это ты первое время катил бочку на Россию, да к тому же хвалился, что друг хозяев компании. Мало ли что у тебя на уме! Вдруг нажалуешься, заложишь про бутылку вискаря, пронесенную на ваш «незалежный» борт!

— Конечно, нажалуюсь! Обязательно, шо без коньяка и горилки приихалы. Но раз такое дело — объявляю праздник: День украинского китобоя!

Я с сомнением посмотрел на мастера:

— А такой праздник точно есть?

— Нету. Но можно заменить — на День китобоя. Какая разница, кого скучающему моряку бить. Значит, так: завтра устраиваю после обеда выходной! Жарим барбекю, а к застолью на экипаж выделю три упаковки «колы». Семьдесят банок — думаю, хватит? Кола вместо водки — гораздо полезнее для неокрепших душ моряков. Ну а мы, старые морские волки, имеем право чуток расслабиться и помимо газировки — газанем вашим НЗ!

— А вахта?

— Пусть ваш сектант и трезвенник Лосев стоит вахту вместе с другим «христосиком» Мишей. У них найдутся общие темы: Адам и Ева, Потоп, второе пришествие Христа, Великий пост — многое есть о чем поговорить!

Повар пробубнил что-то насчет долгого приготовления мяса — явно не хотел заморачиваться с

барбекю. Мастер рассвирепел и отстранил лентяя, грубо обругав. Семен взялся с душой за дело сам, подгоняя мьянмарского месс-боя по нарезке мяса и овощей.

К полудню Гуйвам развел огонь в мангале, оборудованном из разрезанной пополам и приваренной друг к другу половинками бочки, врубил в магнитофоне украинскую музыку на полную громкость. Громко подпевая и приплясывая, перекикаявая народные вопли магнитофона, мастер принялся энергично обмахивать картонкой-опахалом шашлык.

Экипаж гудел в курилке — народ был в восторге от решения капитана: выходной день, музыка, мясо, лимонад...

Мясо удалось вполне, и не отведали барбекю лишь трое: оба сектанта (свинья — грязное животное) и повар — в знак протеста.

А Гуйвам несколько дней после фуршета то и дело отзывал меня в сторонку и с придыханием интересовался: шо говорит экипаж? Мясо понравилось? Как оценили шашлык? Удивились широте души капитана? Матросики довольны праздником?..

Я успокаивал его, пересказывал, как матросы восторгались вкуснейшим барбекю, добротой мастера. Как оказалось, Семен Гуйвам, имея рожу типичного громилы, на самом деле был большим ребенком, желающим, чтобы его любили и ценили...

«V. Kerkic»

Мы шли на очередной гигантский рудовоз, водоизмещением двести тысяч тонн. С утра был штиль, но погода переменчива, и к обеду поднялось довольно сильное волнение. Пограничный катерок ритмично и энергично швыряло о корпус огромного судна — капитан нас толком не прикрыл бортом, нам пришлось постараться, чтобы поймать болтающийся над водой трап. Да вдобавок боцман нижние ступеньки штурмтрапа задрал повыше, чтобы катер не сломал балясины — и мы едва не попадали в пенящуюся воду между сошедшимися бортами суднами.

Как обычно, я пошел первым: надел спасательный жилет, поверх повесил сумку с документами и компьютером — тесновато, и дышать тяжело, да и лезть вверх неудобно, зато в случае падения в жилете не утонешь.

Шоколадный матрос-ланкиец одной рукой держался за леер, второй чуть придерживал меня, чтоб я не оступился и не упал за борт. Спасибо, друг!

Катерок чуть подбросило волной вверх в момент начала моего подъема, я судорожно уцепился за трап, подтянулся на руках по тетиве парой балясин выше, задрал вверх ногу высоко, как смог, — ступил, подтянулся, затем второй ногой шагнул на следующую. Вроде получилось вскарабкаться. Внезапно волна вновь крепко швырнула катерок, и металлический округлый обод леера на баке крепко врезал мне для ускорения — словно дал пинка под зад! Ой!!!

Крепко вцепился за толстую тетиву — удержался, и ноги с балясины не соскользнули. Уф-ф!

Испугался и поспешил вверх: перебрал выше руками, подтянулся, балансируя почти в горизонтальном положении пытаюсь найти упор, но на очередной волне катер вновь подкинуло и поручнем по касательной ударило по левой голени.

Ускорился — опять подтянулся. Но упрямые волны в очередной раз сильно высоко подбросили пограничную посудину, и он вновь меня достал — слегка ткнул леером в ступню. Ай!!!

Правая нога соскочила, однако левая — уже твердо стояла на балясине штурмтрапа. Дальше подъем пошел быстрее: следующая часть трапа висела уже резко вертикально — больше не надо было изгибаться и балансировать в почти горизонтальном положении. Перебрался на шаткий парадный металлический трап — парадный, облегченно вздохнул и бодренько зашагал по ступеням вверх, крепко держась за боковые канаты. Выбрался на палубу — с ходу обругал возрастного красномордого боцмана:

— Вы что творите, мля! Почему штурмтрап не висит до воды? Человеку ногу поставить некуда! То го и гляди, свалимся...

— Как я опущу ниже? Видишь, как катер бросает?! Хочешь, чтобы мне трап сломало? Кто будет платить за ущерб? Ты? Я буду платить!

— А ты хочешь, чтобы нас поубивало, ноги переломало? Люди дороже твоих деревяшек? А ну живо опускай ниже!

Боцман поворчал для порядка, но все-таки велел стравливать трап до самой воды. И все равно металлический поручень катера-попрыгунчика слегка приласкал ноги Вольдемару и Ивану.

Наконец и мои товарищи оказались на палубе. Лосев обнял боцмана, называя того старым другом Василием. Даже облобызались. Оказывается, один раз они уже встречались в рейсе, когда Лосев работал, без меня, с другой международной командой секьюрити.

А вот у меня общение с этим боцманом с первых минут не задалось, неприязнь с первого взгляда.

Пару минут мы поговорили на повышенных тонах о подъеме имущества на борт. Я настаивал, чтобы матросы вытягивали ящик с оружием.

— Ваше оружие, вы и поднимайте, — огрызнулся Василий.

Ого, что-то новенькое в нашей работе! Однако...

— Уроним с непривычки — кто будет отвечать? Есть желание пройти Аденский залив безоружными? Нам и пассажирами будет идти неплохо — вахту не стоять...

Боцман чуть подумал, ругнулся и скомандовал мьянмарцам, но настроение мне успел окончательно испортить.

— Я на мостик! — буркнул я товарищам. — Стойте пока тут, и не с места, как узнаю о размещении и о хранении оружия, сразу вернусь за вами.

Поспешил в рубку. Надстройка этого огромного судна была своеобразной: три широких палубы, дальше узкие колонны, которые держат платформу мостика и широкие крылья, а под ними «дыра» сквозь которую обдувается встречным ветром машина с трубой. Внутри одной из колонн многоярусный узкий трап.

Торопливо поднялся наверх, обильно потел и пыхтя — в узком пространстве жарко и душно. Встретился с мастером, обменялись коротким рукопожатием. Мастер староват, далеко за шестьдесят. Близорук, в очках, лицо красное, все в мелких прожилках лопнувших капилляров — явно пьющий. Курящий, погасший окурочек словно приклеен к нижней губе.

Рябоватый капитан назвался Лаврентий Павловичем. Вот так номер! Это насколько же папа и мама у него были своеобразными?

В ответ на мое приветствие и попытку что-то сказать о себе буркнул что-то неласковое и недружелюбное — велел оружие нести в мою каюту и размещаться, а с утра сразу заступать на вахту. Странно. Настолько боится пиратов? С утра, так с утра, хотя обычно через сутки — рядом с Цейлоном сомалийцев нет.

Задачи понятны, цели определены. Спустился на главную палубу, но моих «орлов» и след простыл. Куда делись бойцы, черт их подери?

На мой вопрос боцман пожал плечами:

— Наверх полезли, в рубку...

Я снова поднялся на мостик — нет никого. Мастер посмотрел на меня с удивлением и осуждением:

— Вы чего друг за другом бегаєте и не можете определиться. Я же вам все уже сказал!

Ох, уж этот Олень золотые рога! Надоело ему быть рядовым секьюрити, желает стать старшим и всюду проявляет ненужную инициативу: все-то он знает, все-то умеет, везде-то уже побывал и все повидал.

Отыскал напарников, обругал. Иван пожал плечами:

— Твой Вольдемар, говорит, что все тут знает! И с капитаном знаком, и с боцманом дружит. Потоптался с минуту на палубе и не устоял — потянули сейф на мост, потом спустили снова вниз. А теперь куда прикажешь тащить оружие?

— Он такой же мой, как и твой!

— Нет, твой, — ухмыльнулся Ваня. — Я этого Оленя в первый раз в жизни вижу, и надеюсь, в последний...

Разместили по каютам: мне, как главному, досталась отдельная, в самом верху, вторая каюта двухместная на нижней палубе — подчиненным.

Вольдемар попытался отделиться от Ивана:

— Зачем жить вдвоем, если есть другие помещения? Я все здесь знаю, бывал...

Повел по знакомым местам. Первое помещение было ниже верхней палубы, чуть выше машинного

отделения: темная каюта без иллюминатора и без кондиционера, грязненькая, запущенная, вместо шконок — нары с грязным матрасом. Удобства на палубе в конце коридора, возле раздевалок мотористов.

Иван прямо спросил у Вольдемара:

— Ты сюда жить перейдешь?

— Нет. Это каюта для работающих на разгрузке докеров...

Мы коротко переглянулись, Ваня ухмыльнулся:

— И я в сарае жить не желаю. Веди дальше.

Второе помещение палубой выше, возле камбуза для матросов. Опять темная комната — очередной загашник. Судя по всему — комната отдыха моряков разделялась пополам или что-то типа молельной комнаты: койки и стола нет, шкаф для вещей отсутствует, на полу циновки и груды грязных подушек от диванов — заменитель матраца.

Мы с Батрэру вновь переглянулись. Немая пауза. Эх, обломать бы этому хитрому Оленю рога...

Поделился я шуткой с Батрэру.

— А они у него есть? Кто наставил? — хмыкнул Иван.

— Сейчас явно нет: они с женой два сапога — пара. А раньше, с прежней стервой, кто знает...

Худо-бедно разместились. Пошел поближе познакомиться с мастером, но тот общаться отказался наотрез — сухой закон.

— Я не пью!

Да и не пей. Мне в случае надобности есть с кем употребить: Ваня да старый знакомец двухметровый кок Сашка, который трехлитровую банку ладонью держит будто стакан.

Заступили на боевую вахту, и, как обычно бывало, от скуки, мастер завел политические дебаты: о поганных «дерьмократах», либерал-предателях, о патриотах-коммунистах. Потом Лаврентий Павлович начал восторгаться Жюгановым да Жириновским, и какие власти во главе с нынешним президентом и премьер-министром у нас в России хорошие, и какие украинские плохие. Судя по всему, мастер своими политическими взглядами соответствовал полученному при рождении имени, а вдобавок и отчество соответствовало.

— Я не сторонник красно-коричневых! — резко сказал я как отрезал. — Я не хочу жить в самой северной Северной Корее.

Капитан насутился, побагровел, поиграл желваками на скулах:

— А кто твои кумиры?

— У меня нет кумиров.

— Ну, пусть не кумиры, — ты вообще за кого?

Я усмехнулся, размышляя, кого бы ему из российских политиков назвать, которого украинский капитан может знать. Зачем ему наши дела? Вот я, например, далек от политических баталий соседней державы и знаю лишь трех-четырех украинских по-

литиканов, в основном это бессменные кандидаты в президенты.

— Я сторонник демократических процессов, без вождизма — за либеральные идеи! А из политиков: Явлинский, Каспаров, Немцов... Я с ними даже знаком!

Лаврентия едва кондрашка нехватила, он побагровел, судорожно хватил ртом воздух, и мне показалось, что он вот-вот взорвется. Несколько секунд мастер посопел и вдруг громко заорал:

— Это предатели родины! Гайдары, Чубайсы, Ельцины! Либерасты! Они нашу страну разорили и ограбили!

— Какую? Украину ограбили?

— При чем тут Украина? Россию!

— Ты же вроде там живешь, в Одессе. По-твоему Гайдар не только нас ограбил, но и вас тоже? Или у вас все-таки свои были грабители и мародеры?

— Я за Россию душой болею! Постоянно телевизор смотрю, радио слушаю, да и сестра в Самаре живет — знаю все реалии из первых уст.

— Болей спокойнее. Не рви себе и мне душу. Молча. Или возвращайся в Россию...

Я развернулся и ушел на край крыла, а Лаврентий Павлович, громко ругаясь, нервно закурил. Не спеша сделал круг по мостику, наблюдая за морем — вернулся под навес — в тень. Мастер докурил вонючую сигарету и ринулся ко мне, вновь доказывать ошибочность либеральных взглядов. Визг стоял минут пять. Выслушал его бред, слегка поспорил и вновь пошел по кругу — бдить! Пиратов никто не отменял. Так я и ходил с крыла на крыло по кругу, а мастер перекурит, догонит и бубнит о судьбах России, о наших проблемах.

— Так в чем дело, страдалец за Родину? Переезжай в свою родную Самару...

— А квартира в центре Одессы? А домики в пригороде, а гараж и участок земли? А еще...

— Все продай и к нам, к любимому президенту Путину...

— Продать за гроши? Какой умный выискался. А работа? В речном пароходстве на Волге за копейки? Дурака нашел!

Мастер сделал затяжку и вновь начал ругать, но в этот раз всю российскую оппозицию — враги народа, американские наймиты!

— Чудак человек, какие враги народа и наймиты? Лично я со многими знаком: и с Каспаровым, и с Салье, и с Рыбаковым, да и со многими прочими...

Лаврентий Палыч от злости даже подпрыгнул на месте, что-то проорал о предателях, разваливших великую державу, и умчался в рубку. Прошло минут тридцать, и я о нем уже почти забыл, а капитан перекипел, перекурил, выпил кофе и вернулся на крыло — договорить. Вплотную подошел, вытаращил глаза и сердито пробубнил:

— Ты мой идеологический враххх!!!

Ого! Приплыли! Называется, подискутировали...

— И на здоровье! Враг, так враг...

Я вновь развернулся и ушел на дальний край крыла — любоваться красотами океана.

На этом наше общение с мастером практически закончилось, Лаврентию Палычу стало не до меня — началось острое противоборство мостика с машиной. И даже не борьба, а настоящая холодная война!

Старший механик Семен, был довольно молод для должности деда — нет и сорока, и полная противоположность капитана: невысокий, круглолицый, полноватый, веселый. Во взаимоотношениях с мастером оказался не по годам дерзок, горяч и независим, благодаря близости к руководству компании.

И команда механиков, за исключением электро-механика Вячеслава Ивановича, как на подбор тоже юные — возрастом тридцать—тридцать пять лет, а «электрон» (электромеханик) выпадал из коллектива — стукнуло шестьдесят три, в «комсомольско-молодежную» банду не вписывался. Тинэйджеры над «стариком» постоянно подтрунивали, посмеивались, да он и сам частенько давал повод шуткам машинерам.

Как-то дед Семен указал электромеханику на необходимость чаще читать руководство — «Мануал», для повышения знаний, на что Вячеслав Иванович, недопоняв, ответил на полном серьезе, мол, чего читать — я кино видел.

— Какое кино? — не врубился сходу дед.

— Ну, про эту Эммануэль. Смотрел, ничего интересного — слабенькая эротика, по нашему времени даже не порнуха...

Механики не сразу вникли в ответ, а когда до молодежи дошло, так они буквально рухнули на стулья и диваны и принялись громко ржать:

— Эммануэль! Мануал! Эротика, порнография!

С этим веселым, задорным коллективом угрюмый и возрастной капитан не сошелся характерами. Война вспыхнула не сразу, долго вызревала, но началась с пустяка: капитан в связи с высоким расходом воды велел перейти на режим экономии и отключить стиральные машины — стираться лишь три раза в неделю. Но разве на стирке экономят?! Основной перерасход воды от протечек в трубопроводах!

Дед возмутился — механикам и мотористам необходимо стирать робы каждые сутки, народ после вахты грязный — настоящие кочегары! Семен написал официальный рапорт, но мастер был неумолим — велел боцману машинки немедленно отключить. Дед написал второй рапорт на имя мастера и зарегистрировал его, а также накатал «телегу» в компанию. Отправил письмо, ожидая поддержки, однако пришел ответ, ругательный для обоих начальников.

После письма от руководства на мостике состоялся нелицеприятный разговор на повышенных тонах, и старший механик, годящийся мастеру в сыновья, состязание в трехэтажных матах проиграл.

Стороны конфликта разошлись по «углам ринга»: дед в машину, мастер в офис и стали выжидать развития событий. Обиженный и возмущенный дед Семен на обеде в кают-компании принарядно пообещал этого редкостного хамства так не оставить и доложить в подробностях о нездоровой обстановке всему руководству, благо такой шанс ему вскоре предоставлялся: в порту Южном списывался на берег, вместе с двумя механиками, а капитан в управление в ближайшее время не попадал, он шел еще на один круг — на Китай.

Боцман «погрел уши», услышал угрозу деда и вечером довел до сведения «хозяина» во время дружеского застолья — старый гнусный стукач!

За дружеским распитием горилки было решено бунт подавить любыми средствами. Легко сказать, а как? Расстрелами? Старинным наказанием — килеванием? Публичной поркой розгами?

Лаврентий Павлович довел до сведения штурманов решение жестко бороться с «машиной».

Сказать-то сказал, а как претворить обещание в жизнь? Капитан крепко задумался, идти на попятную не желал — «теряется лицо»! Выжидая, временно затаился.

И тут Господь Бог услышал его молитвы — старый двигатель слегка перегрелся, и сработала сигнализация — это неприятное происшествие случилось на подходе к коридору безопасности, в районе вотчины пиратов, вблизи острова Сокотра.

В результате поломки «Kerkic» встал намертво на пару часов — судно начало дрейфовать.

Лаврентий Павлович велел сыграть тревогу для группы охраны, а мы с Вольдемаром и Иваном заняли свои боевые посты на крыльях на весь период ремонта: мало ли что и кто появится рядом, ведь рудовоз недвижим — своеобразный приз пиратам «на блюдечке с голубой каемочкой»!

Отремонтировались, потихоньку двинулись дальше. Мастер вызвал стармеха на мостик: отчитал, велел написать самому объяснительные и собрать подобные рапорта с механиков и мотористов. Дед ругнулся и отправился в машину выполнять распоряжение капитана. Через час Семен принес рапорта — швырнул веером на стол. А Лаврентий Павлович, словно бывалый следователь НКВД, аккуратно сложил их в папочку и спрятал в сейфе — какой-никакой, но аргумент в борьбе с механиками.

Прошли Сокотру — обстановка тревожная: накануне из антипиратского центра поступила информация о нападении на танкер-стотысячник, однако охрана южноафриканцев отбилась от пиратов.

Мастер запаниковал еще сильнее и усилил ночные вахты: два матроса встали на крыльях наблюдать за морем, а секьюрити у радара — следить за появлением неприятеля и осуществлять общее руководство. И вдруг на подходе к Адену, в так называемом «коридоре безопасности», в машине вновь срабатывает аварийная сигнализация, двигатель стопорится

и глохнет. Капитан явно злорадствовал и потирал от удовольствия руки. Вот же дурила, нашел чему радоваться, тем более в таком гиблом и опасном месте!

Вновь аврал! Механики и мотористы два часа ремонтировали систему охлаждения, а мы усиленным нарядом, все трое (я, Иван и Вольдемар) патрулировали с крыла на крыло.

Обошлось — пираты не напали! Завелись — तो ропливо поехали. Лаврентий Павлович светился счастьем, вновь вызвал деда «на ковер»: топал ногами, орал, брызгал слюной, велел писать рапорта. Механики и мотористы тихо ругались, написали, сдали бумажки. Капитан потирал радостно руки, сложил листки во все ту же папочку — пригрозил оргвыводами дома.

Входим в Баб-эль-Мандебский пролив, и в самом узком месте, вблизи йеменского берега, машина вновь забарахлила. Вот невезуха! Во всех помещениях аварийный пронзительный сигнал, двигатель вновь отключился. Дальнейшие события происходят на моих глазах: Лаврентий Павлович, радостно повизгивая и напевая, вскочил с места, заварил кофе, закурил сигаретку. По вызову появился боцман, приятели, тихо посмеиваясь, радостно шушукались.

К счастью для международного судоходства, мы завелись довольно быстро, а не то бы перегородили этакой дрейфующей трехсоттридцатиметровой машиной почти весь проход в проливе.

Вновь сбор объяснительных с «мазутных», которые легли в заветную папочку в сейф. На деда больно смотреть: еще неделю назад цветущий самоуверенный мужчина, авторитетный механик, дерзкий капитану, а сегодня угрюмый и мрачный, Семен ходил по судну, словно побитый пес.

Но и на этом злоключения и несчастья машинеров не завершились: в середине Красного моря, примерно на двадцать втором градусе случился «блэк аут» — полная остановка с обесточиванием судна и выключением даже аварийного питания. На этот раз дрейфовали сутки — хорошо, не в Аденском заливе, не в пиратском районе, а в спокойных водах. И вновь разнос, нагоняй, «разбор полетов», рапорта...

Мастер с собутыльником-боцманом были на «седьмом небе» от счастья, пили почти в открытую, ничего и никого не боясь, — враг полностью разгромлен и повержен! Безоговорочная капитуляция противника!

Однажды я подошел за помощью к чифу Виктору по какому-то несущественному вопросу. Старпом небрежно и недовольно отмахнулся:

— Иди ты... к боцману, он решит и, если захочет, поможет.

— Почему к боцману? Ты ведь старпом — второй человек на судне!

— Разве не замечаешь, что на нашем судне все вопросы решаются через боцмана?

— Вижу. Но почему так заведено? Непорядок!

— Мастер с этим прохиндеем Васькой на каком-то корыте в молодости несколько лет работали — спелись, спились, сдружились. Как видишь, они теперь вновь встретились: вместе пьют и вместе решают вопросы. Я устал с ними бороться, да и к чему мне эти проблемы на старости? Круг завершу и спишусь — хватит нервов! Да у меня сейчас и без тебя большие неприятности: жена позвонила — одесский танкер «река-море» утонул у берегов Турции в Черном море. А на нем шел сын моего друга третьим штурманом...

— Что произошло?

— Штормило, они пытались к берегу прижаться, найти бухту, однако судно разбило о камни. Парнишка сразу ушел ко дну — не выплыл. Но несколько моряков спаслись на шлюпке и высадились на берег, сидели сутки на голой скале. Турки попытались их спасти — послали буксир-спасатель, и четверо спасателей тоже погибли. И теперь семья друга считает меня убийцей — устроил мальчика на утонувшее судно. Но кто знал, что они утонут?! Перед выходом в этот рейс приятель слезно умолял помочь — устроить на контракт. Меня жена пилит, зачем помогал? А затем! Просят — помогаю, если могу. И вот думал, сделал доброе дело, а вышло...

Опять я соприкоснулся с трагедией — каждый год в мире терпят катастрофы сто и более судов, и при этом гибнут тысячи моряков. Да! Воистину сурова, тяжела и опасная профессия моряка, это не только романтика, воспетая в поэзии и прозе. Сколько же опасностей таит Мировой океан даже в наше время...

Хроника:

В 2012 году масштабы пиратства сократились до пятилетнего минимума. Всего в 2012 году было атаковано 297 судов, тогда как в 2011 году — 439, сообщается в опубликованном 16 февраля в Лондоне отчете Международного морского бюро Международной торговой палаты (IMB ICC) по глобальному пиратству.

По данным Международного морского бюро, в прошлом году пиратам удалось подняться на борт 174 судов и захватить 28 из них. 28 судов подверглись обстрелу. Также зафиксировано 67 попыток нападений. Количество людей, взятых на борту в заложники, в прошлом году сократилось — 585 человек (против 802 человек в 2011 году). Еще 26 человек были похищены для выкупа в Нигерии. Шесть членов экипажей были убиты, 32 получили ранения. По состоянию на 31 декабря 2012-го в заложниках у сомалийских пиратов оставалось 104 человека на борту восьми судов плюс еще 23 человека удерживались на берегу.

При этом в IMB отмечают существенное снижение числа нападений в Сомали. В прошлом году в водах Сомали и Аденском заливе было зафиксировано 75 нападений против 237 в 2011 году. Сомалийские пираты захватили вдвое меньше судов, чем в 2011 году, —

14 против 28. Пиратские суда видели в Оманском заливе и южной части Красного моря, суда подвергались нападению вблизи Ормузского пролива и маршрутов перевозки нефти из Персидского залива.

Международное морское бюро осуществляет мониторинг пиратства по всему миру с 1991 года...

Троцкист и Троцкий

После нервного похода короткий отдых. В новый поход босс отправлял меня в сопровождение под Новый год. Быстро собрал походную сумку, купил страховки на команду, подготовил документы. Лосев тербил, названивал по несколько раз в день и тербил звонками:

— Не сорвется поход? Когда же наконец выход? Точно всё в порядке?

Эх, бедолага. И как можно жить постоянно без денег? Очень уж они с женой неграмотно вели хозяйство и не вылезали из долгов.

Я перезвонил шефу — уточнить:

— А кто с нами идет третьим?

— Троцкий! — хохотнул в ответ Алекс.

— Троцкий?

— Не нравится?

— Ничего не имею против Троцкого. Но все же, кроме шуток?

— Я же сказал — Троцкий! Парень в Коломбо прилетит из Сингапура.

— Он что, русский?

— Вроде бы нет. На месте разберешься, почему этот боец называется Троцким...

Я с сомнением покачал головой, услышав имя подчиненного, и до самой встречи пребывал в полном недоумении. Надо же — Троцкий! Невольно вспомнилась давняя история, связанная с моей молодостью в военном училище.

...В те далекие годы страна семимильными шагами приближалась к глобальной войне: престарелым руководителям явно наскучила нудная «холодная война» и маленькие локальные войны стали неинтересны, им грезилась победоносная глобальная — настоящая! Технологически в гонке вооружений Советский Союз явно уступал, хотя и сильно пыжился, поэтому маршалы стремились взять не качеством, а количеством: наштамповали почти сотню тысяч танков и самоходок, сотни миллионов автоматов, больше трех сотен подводных лодок, тысячи ракет и десятки тысяч ядерных боезарядов, миллионы солдат. Этому милитаризованному монстру требовались десятки тысяч командиров и поэтому сотня с гаком военных училищ ежегодно штамповали не один десяток тысяч молодых лейтенантов. Политическому руководству хотелось переломить ситуацию в сторону победы, однако старцы не знали, как сделать экономическим путем, а военным путем не спешили — было немного боязно, они еще помнили, что такое настоящая война. Вероятный противник в

свою очередь обозвал нас «империей зла» и тоже застыл в боевой стойке, ошетилившись авианосцами, самолетами, ракетами и ПТУРами, но тоже нападать не торопился.

Четыре года военной «бурсы» подошли к финишу, все зачеты и дипломная работа позади, новенькая офицерская форма уже пошита: неделя — и я офицер! И только какое-то из ряда вон выходящее событие могло предотвратить неотвратимое — двадцать пять лет ношение сапог и портупей, неделями пропадания на танкодромах и полигонах, жизнь в удаленных военных городках. Случалось, что курсант не оканчивал военное училище, но это бывало крайне редко, обычно если выпускник попадал в какую-то крайне неприятную передрыгу: пьяный дебош и привод в милицию и когда это задержание неотвратимо приводило к уголовной ответственности. Исключали и за воровство.

Сдача государственных экзаменов — самая горячая пора для выпускника: недельная зубрежка того, чего не выучил за четыре года. Два экзамена были уже сланы, оставался последний и самый легкий для меня — история КПСС. Это та дисциплина, которая со школы давалась легче всего, любимый предмет. На предыдущих экзаменах по тактике и партийно-политической работе я, на удивление, получил пятерки, поэтому с другом Олежкой по прозвищу Мошкой оттягивались в лесочке пивом вместо зубрежки. Я не готовился благодаря и своим знаниям, и самоуверенности, а Мошка не учил, потому что зубрить ему было впустую, все равно ничего не знал и вместо этого написал шпаргалки.

Вечером, взяв увольнительную, мы отправились погулять по городу, познакомиться с кем-нибудь из девушек, особо не обремененных строгой моралью. Куда нас только не занесло в тот раз, но все зря, вечер прошел впустую. Поначалу закусили в пельменной за бутылкой водки, потом посидели в ресторанчике — прокутили три червонца, попытались «снять» кого-нибудь из компании сидевших за соседним столиком подвыпивших озорных училок. Тетки были явно постарше нас годами, всем за тридцать, и активно флиртовали: строили нам глазки, кидали томные взгляды, в танце тесно прижимались всеми выдающимися формами. Однако на выходе из кабака лишь помахали нам руками и посмеялись над «мальчиками». Впустую возвращаться в училище? И как назло, потерялись ключи от съемной квартиры, пришлось возвращаться последним троллейбусом в казарму.

Мы тряслись на задней площадке троллейбуса с довольно хмурыми лицами, слегка переругиваясь, и вдруг я заметил веселую компанию, бредущую по тротуару: один парнишки и четыре девицы.

— А морда у сопляка не треснет? — возмутился я. — Мы весь день ноги топтали в поисках партнерш, а у этого гражданского шпака целый малинник!

— Что предлагаешь? — спросил Олег.

— Удача нам сама идет в руки. Надо выйти и отбить девчат, при сопротивлении набить гражданскому морду!

Сказано — сделано.

Вышли на ближайшей остановке и поспешили обратно. Алкоголь шумел в голове и придавал храбрости для общения с девушками. Сошлись, завязали разговор, слово за слово, прицепились — не прогнать. Парень тихо испарился со своей пассивей, и вот мы уже оказались в уютном гнездышке сестер: старшую звали Ольга, младшую Таня, третья — зашедшая на огонек подружка Лена. Квартира в полном нашем распоряжении: родители на даче — все складывалось вполне удачно.

Вскоре младшая из сестер принялась бурчать, пытаюсь выставить гостей, но старшая цыкнула и отравила малолетку спать. В дипломате Олега была припасена бутылка вина, у хозяйки в холодильнике стыло шампанское. Вечер постепенно перешел в ночь и обещал закончиться интересно!

Разобрались на пары: Ольга выбрала Мошку, мне досталась та, что осталась — Ленка. В принципе и подружка тоже была вполне неплоха: грудастая, с пухлыми сочными губами, глазки вполне симпатичные. Жаль, немного полновата и тяжеловата, но мне не на руках ее носить, надеюсь!

Вскоре пошли поцелуйчики и выпивка на брудершафт, а затем наши пары переместились в разные комнаты... Веселье продолжилось до самого утра.

На рассвете поспешили в казарму, отметить о прибытии на самоподготовку. Вместо занятий, сидя в тени березок, под разливное пиво, похвастались товарищам о ночных победах и вечером в квартиру нагрязнули уже впятером. И полку девчат тоже прибавилось — набегали свободные подружки. Бурная выпивка завершилась дикой оргией. Утром голову было не поднять, мутило от выпитого накануне.

Проблевавшись в туалете, я принял душ, долго умывал лицо холодной водой. Тяжелой поступью мы пошли к остановке — с утра предстояла сдача последнего госэкзамена!

В троллейбусе укачало, и выпитое накануне взболталось внутри и попросилось наружу. В последние секунды успел добежать до туалета учебного корпуса. Полегчало, но ненадолго: как говорится, еле-еле душа в теле.

— Ты чего такой зеленый? — ухмыльнулся командир отделения. — Пьянствовал?

— Отравился чем-то, кажется пельменями, — жалобно простонал я. — Я ведь не пью...

— Ну-ну, — недоверчиво пробормотал в ответ сержант — практически уже такой же, как и я, лейтенант. — Мы жребий вытянули — тебе идти шестым.

— Угу, без разницы, — буркнул я, соглашаясь со жребием, и вновь поспешил к заветному унитазу.

Первыми отвечали несколько троечников со своими скудными знаниями, и поэтому очередь дошла

крайне быстро, ожить и прийти в чувство я толком не успел. Что поделаться, очередь есть очередь.

Вошел в аудиторию, доложил. Во главе комиссии восседал председатель — генерал-лейтенант из Москвы, заместитель — полковник, училищный профессор и начальник кафедры, и старший преподаватель — подполковник. Седовласый и мордатый генерал благосклонно кивнул и предложил взять билет.

Взял, ознакомился. Все три вопроса в целом понятны. Первый о разгромах внутрипартийных оппозиций — самый легкий, второй о Сталинградской битве — тоже неплохо, а вот третий нудный — XXIII съезд КПСС. Нестрашно, вполне можно на четверочку ответить, а чуть постараться и напрямч затуменный алкоголем мозг, можно и на пять баллов.

Внезапно к горлу подкатила тошнота — еле сдержался. Главное, куда? Сапога под рукой нет. Только этого не хватало — блевануть на пол аудитории. Сдержался, а не то сразу выгонят с экзамена!

Но самочувствие оставалось по-прежнему плохим. Надо было что-то предпринять.

— Разрешите выйти?

— Отвечать? — не понял полковник.

— В туалет...

— Нервы шалят? Кишечник подводит? Что ж, бывает. Могу лишь разрешить отвечать без очереди...

Пришлось идти к экзаменаторам, почти не готовясь. Встав, почувствовал себя значительно лучше, и, хотя первые слова дались нелегко, увлекшись ответом, даже забыл о позывах тошноты.

— Троцкистско-зиновьевская группировка состояла из...

Правый уклон состоял из следующих деятелей...

Левый уклон планировал... Рабочая оппозиция требовала...

Я бойко перечислял фамилии участников, партийные и государственные должности на момент создания группировки, их бывшие должности, политические взгляды, расхождения с генеральной линией партии, дальнейшую судьбу оппозиционеров. Чаще это был расстрел. Увлёкся, и даже слишком увлекся, слегка хвастаясь своими хорошими знаниями темы.

Полковник Сгробов щурился и с неподдельным интересом смотрел на меня и даже нацепил на нос очки, чтобы лучше рассмотреть отвечающего курсанта. Но чем больше я говорил, тем больше профессор мрачнел и хмурил брови. Несколько раз полковник посмотрел в сторону генерала, а тот явно был не в теме и с интересом узнавал о перипетиях внутрипартийной борьбы двадцатых и тридцатых годов.

— Может быть, уже, наконец, это прекратим? — спросил полковник у генерала осторожно и с недовольством в голосе.

— Да-да! — согласился председательствующий. — Хорошо, очень хорошо, вижу, что вы владеете темой. Давайте дальше по второму вопросу.

Я начал было говорить о соотношении сил и средств при сражении под Сталинградом, перечислять фамилии военачальников воюющих сторон, но примерно на второй минуте меня вновь остановил генерал:

— Переходите к третьему вопросу...

Вот тут «студент» как раз и мог «заплыть» и утонуть, ведь точных знаний в памяти было лишь на дату и краткую повестку съезда, а что они там переливали — пустопорожнее на этом бессмысленном мероприятии, хоть убей — не помнил. Но утонуть не дал седой генерал — «кинул спасательный круг»:

— Спасибо, хватит! Можете быть свободны!

Генерал-лейтенант даже ободряюще улыбнулся.

— Я же не все рассказал, — испугался я, что генерал и профессор поставят тройку за ответ.

— Спасибо, вы и так сказали слишком много! Того, что мы услышали, вполне достаточно, — проскрипел полковник Сгробов.

Я вытянулся по швам, четко развернулся и строевым шагом вышел из аудитории. Едва закрыл за собой дверь, сразу попал под шквал вопросов ожидающих своей очереди.

— Ну как? — спросил его суровый заместитель командира взвода, который еще с утра сразу заметил мое болезненное состояние.

— Вроде нормально...

— Дополнительные вопросы задавали? — уточнил взводный.

— Нет, ни одного...

Я энергично протиснулся сквозь кольцо одноклассников и из последних сил, еле сдерживаясь, добежал до туалета...

Медленно тянувшиеся долгие три часа, пока не ответил последний курсант, я переживал за положительную оценку. Однако за это время заметно ожил — отпился водой, тошнота, тяжесть в желудке прошла. Наконец генерал вышел к курсантам, поздравил со сдачей последнего экзамена и покинул учебный корпус. Внизу его ожидала черная «Волга», он спешил на очередной загородный банкет с руководством военного училища.

Командир взвода зачитал оценки: назвал примерно десять пятерок, столько же четверок и примерно такое же количество троек. Он перечислял фамилии, но своей среди отличников и хорошистов я так и не услышал. Назвав последнего троечника, взводный свернул листок с оценками в трубочку.

«Двойка? Неужели двойка вкатили? — похолодело в груди, мысли тревожные носились в прояснившейся голове. — Заметили что с бодуна? Унюхали?»

— Вопросы есть? — спросил взводный.

— Есть! — тихо ответил я. — Мою фамилию не назвали. Оценку не сказали...

— А с тобой отдельный разговор, — прищурился близорукий старший лейтенант и растерянно и не-

доуменно пожал плечами. — Зайди в кабинет на беседу к полковнику...

Строй курсантов притих — ни шепотка. Вошел в аудиторию и плотно прикрыл дверь за собой дверь. Профессор монументальной глыбой сурово восседал за большим столом. Без промедления накинусь.

— Товарищ курсант, вы троцкист? — Полковник пробурчал меня строгим, суровым взглядом. Это был самый неожиданный вопрос: я готовился к разному за нарушение дисциплины, за пьянство (тем более это был бы уже второй залет), за аморальное поведение. И вдруг — троцкист!

Ну, троцкист! Да — троцкист! И что дальше? Да, я считаю верными идеи «перманентной революции», а сталинистов — ревизионистами, захватившими учение Ленина и извратившими в своих интересах. Действительно, ночи напролет я изучал труды Маркса, Энгельса и Ленина, конспектировал, и как только крыша не поехала. Давно убедился, что классиками написано одно, а на деле построено совсем иное государство. Но разве можно преподавателям сканать такое вслух?!

— С чего вы взяли, товарищ полковник? — выразил я на лице искреннее удивление.

— Из вашего ответа на экзамене. Вы откуда все это знаете?

— Почерпнул из полного собрания сочинений Владимира Ильича! Там в сносках и в конце каждого тома дается информация о деятелях партии.

— А зачем вы это читали и запоминали?

— Затем, товарищ полковник, что я изучал все из первоисточников, а не переписывал чужие конспекты!

— А зачем вам это было надо?

— Как зачем? Мы ведь марксисты?! Вот я и изучал марксизм!

— Но зачем вам это? Все прекрасно знают, как учатся наши курсанты — списывают! Зачем вам было изучать тему оппозиций, запоминать оппозиционеров, да еще и восхвалять их на экзамене?

— Я не восхвалял... — потеранным голосом еле слышно ответил я, чувствуя надвигающуюся катастрофу. Вот ведь сволочь, вычислил в последние дни учебы. Это крах военной карьеры!

— Фактически все верно, но в вашем выступлении мы не услышали идеологической оценки и осуждения их враждебной для партии, вредоносной и подрывной деятельности!

— Я не успел их оценить, меня прервали...

С каждой минутой бурчания полковника внутри у меня холодело все больше. Четыре года болтология сходила с рук, и надо же — по пьянке, в последний день прокололся — все выболтал!

Полковник, протестуя, всплеснул руками:

— Прекратите болтать! Демагогия! Вот что я вам скажу, товарищ курсант! Вы закоренелый троцкист! Кого-кого, а меня не проведешь, я сразу чувствую ваш внутренний оппортунизм! Будь моя воля, я бы

вам не то что двойку — кол бы не поставил! И даже взводным к солдатам бы не допустил! Но председатель комиссии, начальник политуправления ракетных войск и артиллерии генерал-лейтенант Новиков, поставил вам пять баллов и назвал ваш ответ лучшим на курсе. Я не могу пойти против оценки ваших знаний генералом. Но меня вы не разубедите! Мое классовое и научное чутье меня никогда не подводило! Идите... пока...

На подгибающихся, непослушных ногах я вышел, но уже у выхода обернулся и нерешительно спросил:

— Товарищ полковник. А какая оценка-то?

— Я же сказал: лучший ответ на курсе — «отлично». Вам пятерку лично в зачетку вписал генерал-лейтенант. Можете забрать...

Полковник брезгливо толкнул ко мне зачетку. Схватив ее со стола, я живо шмыгнул в коридор.

— Ну? Что! — с тревогой спросили товарищи.

— О чем шел разговор? — надулся замком-взвод. — Вдул за хмель?

— Провели и завершили внутривнутрипартийную дискуссию, — ухмыльнулся я. — Не сошлись во взглядах, но, спасибо, генерал верно и объективно меня оценил!

Проскочил! Но едва не попался! И зачем только начал болтать и показывать знания? Видимо, от страха, что завалят на экзамене. Не выгнали, присвоили звание лейтенанта, дали повоевать, послужить и выйти на пенсию. А все могло сложиться совсем иначе...

И вот теперь в Коломбо нас ждал боец со странной фамилией Троцкий. Хорошо хоть, не Бронштейн.

— Алекс, а как его имя? Лев?

— Да нет, Эдмундо... — усмехнулся Яркин. — Говорят, он вполне хороший парень — сам увидишь...

Встретились с третьим охранником в аэропорту, и если бы в руках у Троцкого не таблички — «Trotsky», то я прошел бы мимо этого здорового качка и никогда не подумал бы, что это именно мой боец. Забавно, новоявленный Троцкий оказался жгуче-чернокожим!

— Ты — Эдмундо?

— Йес! Я — Тротски! — улыбнулся двумя рядами белоснежных зубов новый коллега.

Мы с Лосевым оторопело посмотрели на попутчика, а затем невольно переглянулись: почти двухметровый чернокожий атлет с грудой рельефных мышц, выпирающих из-под плотно облегающей футболки, кулаки словно кувалды, коротко стриженный, курчавый, на широкой смуглой роже добродушная детская улыбка от уха до уха.

Но откуда такая странная фамилия?

Оказалось, парень вырос в семье беглого темнокожего марксиста троцкистского уклона, эмигранта в Сингапур из Америки в период маккартизма. Папа черный, мама индонезийка. Папа — идейный маоист, мама анархистка. Вот так семейка!

— Друзья! Привет! — поприветствовал нас гигант. — Люблю Россию. И моя жена почти русская — хохлауска. Эх, жаль развалился ваш великий Советский Союз...

Мы переглянулись с Вольдемаром. А парень-то толковый, несмотря на одиозную фамилию!

Мы вполне благополучно пошли втроем на огромном рудовозе через океан. Однако, как выяснилось, этому симпатяге Эдмундо папаша довольно сильно успел засорить мозги марксистскими идеями: наш Троцкий оказался большим поклонником Че Гевары, обожал все кубинское, а за покойного Льва Давыдовича мог любому крепко накостылять! И вдобавок Троцкий был тоже атеистом. В очередной раз Вольдемару не повезло с компанией...

Днем Троцкий нес службу и умело ловил рыбу, поймал даже восьмидесятикилограммового тунца, а долгие вечера мы проводили в острых и долгих политических дискуссиях. Свела же слепая судьба в одну команду троицу со столь разными взглядами на жизнь: демократа-либерала, религиозного сектанта и оголтелого марксиста-троцкиста...

Хроника:

Wednesday, January 09, 2013.

Контейнеровоз MSC «Jasmine» был атакован сомалийскими пиратами в Индийском океане на переходе в Момбаса, Кения, из Салалах, Оман. Нападение произошло около 1130 Гринвич 5 января в точке 0300N 05152E, 460 миль к ВСВ от Могадишо. 6 пиратов на скифе обстреляли судно из автоматов и гранатомета. Экипаж ушел в цитадель, в дело вступила вооруженная частная охрана, находящаяся на борту контейнеровоза. После короткой перестрелки пираты отступили, MSC «Jasmine» возобновил рейс, сообщив о нападении командованию Eunavfor Atalanta. Военные сумели найти и отследить скиф и судно-матку, перехватить и задержать их вместе с 12 пиратами. Экипаж MSC «Jasmine» состоял из гражданина РФ, 20-ти Украины. Контейнеровоз MSC Jasmine IMO 8420907, дедвейт 41771 тонна, вместимость 2073 TEU, постройки 1988, флаг Панама.

«Золотая бухта»

В начале марта моей команде «повезло» — выпало сопровождать очередное ржавое «корыто». Шли в поход в новом составе: Шура Кабыла и мой старый друг по Афганской войне Серж Остроногин. А с беднягой Вольдемаром случилось несчастье, перед самым выходом в океан в его купленную в кредит «Ладду Приору» врезался пьяный дурак на мощном джипе. «Лада» всямку: багажник вошел в салон до переднего ряда сидений, Лосев с тяжелым сотрясением мозга в больнице. Повезло — был пристегнут, потону и не погиб. Больше в океан мой товарищ-сектант не ходил, после выздоровления устроился водителем

у своего приятеля — депутата Государственной Думы, бывшего знаменитого спортсмена...

В очередной раз мы высадились на судно на полном ходу на выходе из Суэцкого канала. На катере, расписанном непонятной для нас арабской вязью, мы с приятелями болтались в ожидании танкера дольше двух часов — агент поспешил и даже не дал нам пообедать. Вместе с нами на катере скучали еще три иностранные команды для других трех судов — видимо, агентская компания в этот день хорошо на нас подзаработала. Среди попутчиков выделялся колоритный здоровяк — обухом не перешибешь: два с лишним метра ростом, килограммов сто пятьдесят весом без учета бронежилета, длинные мощные руки, крепкие ноги, торс борца или молотобойца и огромная башка — можно стены прошибать. Черная рожа аборигена-островитянина — расписана замысловатыми тату.

В ожидании пароходов, чтобы не киснуть от скуки, общаемся с попутчиками, насколько позволяет слабое знание английского. Дружной большой компанией сфотографировались на память. Вояки-южноафриканцы — высокие и широкоплечие громилы как на подбор: песочный камуфляж, на ногах тяжелые берцы, головы укрыты широкополыми шляпами, черные солнцезащитные очки в пол-лица, рукава закатаны — руки густо татуированы.

ЮАРовские команды ушли первыми — им предназначались гигантские красавцы танкера. С нами на борту осталась многонациональная смешанная команда: греки и абориген — с ним и разговорились.

— Ты кто такой красивый? — не удержался и полюбопытствовал я. — Наверное, борец сумо, гаваец?

Чернокожий гигант добродушно улыбнулся в ответ и стукнул себя кулаком в грудь:

— Фиджи!

Осторожное рукопожатие с фиджийцем, ладонь тонет в его мощной и широченной лапе.

— Это ты Кука съел?

Удивление и немой вопрос в глазах гиганта.

— Сорри...

— Чо тебе сорри? Сорри, сори... Не сори! Признавайся: ты съел капитана Кука? Не судового кока, а капитана Кука...

Гигант наконец понял мою плоскую и нетолерантную шутку и громко смеется:

— Увы, я Кука не ел. Но может быть, съел мой прадедушка?

Фиджиец идет в поход в компании двух молодых щуплых греков. Вновь несколько одиночных и групповых фото, обмен любезностями, и наконец и эта компания поднимается на новенький греческий танкер. Продолжаем ждать. И вот почти в самом конце каравана появилось наше судно.

Взошли по спущенному парадному трапу на борт танкера: борт судна низкий — это для обороны очень плохо. Судно явно древнейшее, как и все дальневосточники и, судя по блямбе на надстройке, по-

строено сорок два года тому назад. Старичок! Хорошо хоть, на этом раритете котлы работают на мазуте, а не на угле и в машинном отделении нет толпы изможденных и чумазных кочегаров!

Экипаж танкера больше тридцати человек, и с размещением проблематично — свободных кают нет. Меня селят в убогую лоцманскую без удобств и кондиционера, притулившуюся на верхней палубе, позади рубки управления и рядом с радиорубкой.

Кинул шмотки в угол, огляделся: деревянная шконка, раковина со смесителем, скрипучий шкаф со сломанными дверцами, покосившаяся под тяжестью лет серая тумбочка, расшатанные шторами стол и стул. Первое ощущение, что я попал в камеру или застенки. Глубоко вдохнул теплый воздух — душно, а ведь мы еще лишь в Суэце, северная часть Красного моря. Этак я в тропиках совсем угорю, ведь прямо надо мной лишь металл пеленгаторной палубы, прожигаемой лучами знойного солнца!

Выход из лоцманской в длинный коридор, шаг — и ты на палубе, на крыле. Быстро открыл все, что можно: иллюминаторы, двери — устроил хотя бы элементарный сквозняк. Заправил постель застиранным бельем, распахнул вещи в незакрывающийся шкаф. Попал, однако...

Остроногина и Кабылу боцман разместил в тесном госпитале, на самой нижней палубе, прямо над машинным отделением, и им тоже было тяжело — довольно жарковато. Если бы мы шли через Северный Ледовитый океан или хотя бы через Балтику — было бы здорово, мужики бы с удовольствием грелись, а в данной ситуации и у них пытка жарой.

Сидеть в жаре тоскливо, пошел пообщаться с руководством. Мастер Василий, и принюхиваться не надо — навеселе.

Капитан по причине подпития был словоохотлив, почти ровесник и, судя по судовой роли, даже на год моложе меня, но довольно крепко потрепан временем и напитками.

Мастер с ходу предложил:

— Командир! Готов с вами обмыть начало совместной работы...

Зачем отказываться — согласился, ведь лучше наладить хорошие контакты, чем потом мучиться в ходе плавания от недопонимания и недомолвок.

Василий позвал к застолью из экипажа лишь радиста. Начальник радиостанции Федор Петрович, годами был чуть за сорок, а выглядел даже похуже мастера. Эх, водка поганая — никого не молодеит!

Старпом и стармех в эту спаянную, спитую компанию были явно не вхожи или их в целях «экономии» спиртного не пригласили.

Часок посидели, коротко поговорили о жизни, о политике, о море, о пиратах: вискарь наш, скромная закуска — мастера. Очень скромная: либо на судне с продуктами напряженно, либо моряки поддерживают строгую диету: мелко нарезанный шмат сала,

миска салата из морской капусты да пара банок шпрот.

— А иного ничего закусить нет, вкусненького? — попытался я сразу исправить положение — очень хотелось откусить родной пищи после трех суток ожидания в убогой египетской гостинке для моряков.

— А что тут закусывать-то? Литр на пятерых?

Как возразишь бывалому пьянице? Кому-то и цистерна пустячок. Кабыла умял сало, Остроногин — морскую капусту, я — шпроты. Едва закуска и водка закончились, разговор сам собой тоже затих. Вижу, мастер выжидающе таращится — ждет добавки? А у нас больше нет ничего. Посидели, помолчали и разошлись по каютам.

Первая ночь была ночью кошмара: в глаза бил яркий свет из коридора, но дверь не закрыть — задохнешься от жары. На топчане подо мной были постелены три тонких матраца, вытертых до толщины в один нормальный. В ребра и в позвоночник впивались какие-то острые бугры. Помучился до утра и поспешил окунуться в бассейн. Да, действительно, на корме был сваренный из листового металла бассейн два на три метра! Хоть какая-то радость. Освежился, но мышцы по-прежнему ныли и болели — видимо, старею и тело требует комфорта. А ведь в былые времена на войне, во время боевых рейдов, спал в горах в спальнике, буквально на камнях, подстелив бушлат и укрывшись тонкой плащ-палаткой. И зимой ночевали даже в снегу. Эх, сейчас бы, наверное, сразу заболел и умер — организм уже не тот.

Сделал энергичную зарядку, тщательно помассировал шею, руки, ноги, плечи, спину — полегчало.

После завтрака, для порядка, почистили с товарищами свое оружие, показали коллективу, что мы не бездельники, а бригада боевой охраны. По моей просьбе матросы подготовили из металла бойницы для стрельбы, и через два дня мы заступили на антипиратскую вахту.

Моим напарником по несению службы был шестидесятилетный шустрый морячок, третий штурман Семен. Забавный, смешливый, неунывающий: маленького роста, подвижный, говорливый, худощавый, моложавый.

— Семен, как ты умудрился хорошо сохранить-ся? В холодильнике спишь?

— Стимул жизни — молодая жена. Двадцать восемь лет и вся моя жизнь сейчас ради нее — приходится поддерживать форму! А иначе зачем я ей, старый и не активный? Уйдет к молодому.

— Бу-у-га! — громко заржал напарник.

Штурман со странностями: говорит, работает и вроде в поведении все нормально, но вдруг ни с того и ни с сего иногда как заржет, словно жеребец, это свое: «бу-у-га»!

— Ты чего? Семен, ты в порядке?

— В полном! Голос тренирую. А что? Да на меня порой находит — хочется что-то высказать, а что, не знаю, вот и кричу. Наверное, это энергетическая разрядка. У меня ведь башка проломлена, кусок черепа отсутствует, мозг лишь кожей накрыт.

— Да ладно!

— Таксистом подрабатывал между контрактами, меня кавказцы попытались на гоп-стоп взять. Монтировкой по башке саданули да ножом пырнули под ребра.

— Почему попытались — взяли, наверное!

— Ну да, ограбили. Карманы вывернули, из машины на дорогу выкинули и умчались. Выжил чудом. Машина следом ехала, заметили и подобрали. А если бы в кювете немного поваялся — так бы и окочурился, словно старый пес.

— Семен, а как же ты морскую медкомиссию проходишь?

— Обыкновенно, за небольшую мзду. Ни невропатолог, ни хирург, ни травматолог, по-честному, ни за что не допустили бы в море. А как я без моря, вернее, без денег? Издохнуть от голода? Дети, внуки, жены нынешняя и бывшая — нужно много работать и зарабатывать!

Я лишь глазами луп-луп — нечего сказать. Ну, мужик дает! Вот кадр!.. Двигаемся потихонечку Красным морем, а я все размышляю и делюсь своими невеселыми мыслями с товарищами.

— Удивляюсь, почему такую старую не малотоннажную посудину погнали через океан? Хлопцы, а ну как не дойдет до Шри-Ланки и затонем в шторм? Может, так судовладельцами или фрахтователями задумано?

Бойцы дружно посуровели, задумались, особенно бывалый моряк Кабыла. Такие случаи в торговом флоте не редкость.

Каждое утро на мостике появлялся двухметрового роста молчаливый дед по фамилии Косачич: смотрел вдаль с тоскою в глазах на медленно набегающие волны, вздыхал, морщился, кидал в мою сторону насмешливые взгляды.

— Привет, спецназ! — поздоровался дед.

— Привет, коль не шутишь...

— А чего шутить, я серьезно. Что груstim?

— Да нет, не особо и груstim. Работаем. Служба... Дед протянул для рукопожатия широкую ладонь:

— Владимир!

— Я знаю, читал судовую роль. А я Константин...

— А почему, Константин, ко мне в гости не заходишь? Все с капитаном трешься...

— А почему трусь? Все как обычно — общение с мастером в обязательном порядке.

Дед понимающе кивнул.

— О чем с вами механиками говорить? — ухмыльнулся я. — Никаких общих тем...

— Так уж с механиками и поговорить не о чем? — насутился дедушка. — Твои коллеги говорят, ты книжки пишешь...

— А про то, что стихи сочиняю, в народе не говорят?

— Нет. А что ты еще и стишками балуешься?

— Нет, пишу только прозу. По поводу стихов мне медведь на ухо наступил. А еще есть в нашей компании другой литератор, короткие рассказы пишет, и художник-график — хорошие картины рисует, но в этот рейс его не взяли...

— Жаль... Однако ты и без художника заходи в гости: музыку послушаем, поболтаем...

— Ты бы лучше как стармех условия жизни мне облегчил, живу, словно в камере смертника, с постоянным освещением — глаза уже болят.

Старший механик нажал несколько выключателей, но освещение продолжало работать.

— Странно, не понимаю.

— Можешь не тренироваться, я уже всеми выключателями и тумблерами щелкаю — эффект такой же.

Дед вызвал корейца электромеханика, пожурил. Азиат пробунил про замкнувший давным-давно где-то под переборкой кабель, но принялся ковыряться в щитках и в светильниках, и через несколько минут ночами бивший в глаза свет погас. Ура, спасен! Наконец-то можно будет нормально отдыхать после вахты.

— Дед, а Косачич фамилия молдавская?

Стармех даже обиделся:

— Сам ты молдавская...

— Неужели еврейская?

Дед тихонько выругался:

— Темнота! Моими предками были сербы! Скажешь тоже... еврейская...

Станный этот дед. О чем с ним говорить? Общих тем вроде нет — я на мостике ошиваюсь, с механикой и техникой не дружу, обычно с механизмами не в ладах. Но он ведь начальник и в его каюте наверняка прохладно: кондиционер и вентилятор должны быть. Зайду!

Из любопытства после вахты заглянул «на огонек» прояснить интерес старшего механика к моей скромной персоне — неприлично игнорировать столь радушное и настойчивое приглашение. Дед оказался действительно занятым персонажем: заядлый охотник — по переборкам каюты развешаны шкуры козла, косули, кабана, на полу шкура медведя, к стене прибиты рога оленя, черепа медведя и лося. Похвастал трофеями: рассказал где, когда и как добыл. Вторая неординарность: заядлый меломан, библиофил и интересный собеседник, хотя и ретроград.

— Серб Владимир, или Владимир Сербский! Вас как по отчеству-то? В судовом крью-листе почему-то отчества экипажа не указаны.

— Зови меня просто — дядя Вова! Как в фильме «Кин-дза-за».

— Отлично, дядя Вова... Тогда и меня можно тоже по-простому — дядя Костя...

Стармех хохотнул, открыл шкаф, а там спрятан богатый ассортиментом потайной бар.

— Что будешь?

— Огласите всю винную карту...

Дядя Вова ухмыльнулся, достал бутылку красного вина и бутылку коньяка:

— Винная карта всего из двух видов: красное грузинское и армянский коньяк. Скорее выбирай, дядя Костя — а то мне скоро в машину идти.

— Дядя Вова, а давай по бокалу вина — мне вечером опять на вахту.

Не говоря ни слова, стармех достал из холодильника белый хлеб, кусок балыка красной рыбы, литровую банку красной икры, замороженное сливочное масло.

— Угощайтесь, товарищ писатель. Впервые общаюсь живую с настоящим литератором...

— Ого! Хорошо живешь, дядя Вова! А почему ни на камбузе, ни у других в холодильниках ничего нет? Танкер словно из голодного края вырвался, а не из хлебосольной сытой Кубани.

— Потому что не надо быть жадными и ленивыми! Я всем предлагал сгонять на рынок, когда мы стояли в порту Петропавловска-Камчатского, но этим алкашам по барабану — подвезут! Кто им подвезет? Одним лень зад с от кресла поднять и от компьютера оторваться, другим бы только водку хлебать. Надо всегда головой думать, а не иным местом — поход долгий и тяжелый и кормить нас в незнакомых местах толком никто не собирается. Вызвал такси, закупил на рынке свежего лосося и нерки, красной икры, сам насолил, и теперь я при хорошей закуске с уважаемыми и достойными людьми. Вечерком иногда в охотку выпью рюмочку коньяка или бокал сухого красного, закушу икоркой — красота! А этот коньяк и вино в Новороссийске купил и никого больше не угощаю. Пошли к черту алкаши! Мастер раз спросил, есть ли что-то выпить? Не жалко, я добрый — угостил. Они с радистом бутылку коньяка разлили по стаканам, и в три глотка выжрали. Сидят, шары на меня тарашат, ждут добавки. Сказал им: пошли на хрен, больше ничего не дам! Для меня коньяк — это коньяк, а вам просто пойло. Дай им цистерну — выхлебают за просто так, как бормотуху, и скажут — маловато. Набрали, понимаешь, на парход алкашей...

Я кивнул в знак согласия с характеристикой подбравшегося экипажа танкера. Прожевал и полюбопытствовал:

— Дядя Вова, неделю голову ломаю: как вас таких убогих через океан запустили? Экипаж слабый, судно — ржавое корыто, рискует, однако, компания — вдруг не доползете и затонете. И кто вас охранял по пути в Новороссийск? Вроде наша фирма в этих водах такое судно не сопровождала.

— Туда нас, Константин, белые медведи сторожили.

— В смысле? Я не знаю морской ЧОП с таким названием. Не слышал...

— А это не ЧОП — я про натуральных белых мишек. Мы в ту сторону шли Северным морским путем через Ледовитый океан.

Я даже оторопел. Зачем такой риск?

— Да ну! Не шутишь?

— Какие шутки! Пошли в рейс на месяц до Камчатки — сдали груз мазута и думали, обратно в Находку, но не тут-то было. Начальство велит пойти мимо Камчатки, мимо Чукотки и ползти до Мурманска Северным морским путем — эксперимент. Потом должны были получить груз у «Ворнефти». Затратили денег, не счесть — нас даже атомный ледокол вел! Знаешь, сколько стоит сутки аренды ледокола?

Я отрицательно покачал головой — откуда мне знать сколько.

— Откуда? Но, вероятно, недешево!

— Почти миллион долларов! — выпалил дядя Вова. — Такие большущие деньги на проведение нашего ржавого корыта выброшены! Сам удивляюсь, но помалкиваю. Наше дело работать и дойти, а не рассуждать. Мы во льдах даже гребной винт погнули и вал — думал, пришел нам кабздец. Слава богу (Косачич троекратно перекрестился), в этот момент мы уже почти проскочили полосу сплошных льдов и выскочили в открытую воду. Ледокол взял нас под «усы» — вытащил. Еле доползли до Мурманска. Встали в ремонт: заменили все поломанное — это новые затраты, еще несколько миллионов рублей расходов. Отремонтировались, а груза на Севере нет, тогда нас погнали на Питер. Однако пока шли мимо Норвегии — новое указание: топтать в Новороссийск. Дошли, и только уже там нас «Ворнефть» загрузила и забункеровала, а процесс погрузки шел очень долго — почти месяц.

— Знаю, мне босс сказал давно о контракте, и я следил за вами по интернету, а вы в результате затормозили наш выезд почти на месяц: то в порт зайдете, то выйдете — какое-то дурацкое топтание на месте без видимой причины.

— Вот и я удивлялся! Кинули в танки десять тысяч тонн груза и выгнали на рейд — больше груза нет. Ждем две недели, когда остаток подвезут, а как подвезли, снова закинули чуток, и опять выгнали на рейд — ждать последнего остатка.

— «Ворнефть» — Воркутинская нефть? Разве в Воркуте нефть добывают?

Дядя Вова хитро усмехнулся:

— «Ворнефть», она и есть «ворнефть» — нефть государственной компании кем-то сворованная. Иного варианта нет: тонна груза стоит шестьсот баксов, мы семнадцать тысяч тонн везем, а расходы на содержание судна и перевозку вокруг света побили все мысленные нормы. Выгодным этот рейс может быть только при условии, если груз не куплен, а нужно перевезти кем-то даром хапнутое...

Я пожал плечами: что скажешь на это. Да и не мое дело, кто у кого и что украл, наша задача судно добросовестно охранять и в целости доставить до Цейлона.

— Понравилось угощение? — подмигнул мне дед.

Молча кивнул, тщательно прожевывая бутерброд — еще бы!

— А музыка?

Если честно, то в музыке я не особо понимаю, но из уважения кивнул:

— Нормально...

— Эх, ты, явно дилетант! Нормально... Да знаешь ли, сколько такая пластинка стоила в советские времена? Это же «Pink Floyd»! А вот пласт «Led Zepelin»!

По моим глазам, по выражению лица дед сразу определил, что я полный профан.

— С тобой все понятно — не торчал в юности от рока?

— Не интересовался...

— А я был грешен — фанател от музыки! Помнится, пришли мы в Сан-Франциско — весь экипаж побегал джинсы скупать, мохер да люрекс. А куда я? Рыскаю по музыкальным магазинам, ищу пластинки подешевле. Нашел одну лавочку со старыми пластинками — все по доллару. Распродажа! Я бегом на пароход за деньгами и на всю валюту, что у меня была, набрал двойной комплект того, что смог дотащить. По приходу в Находку нам таможня шмон устроила — лишние джинсы изымают у народа, а к моим пластинкам чекистско-пограничные ищейки никакого интереса не проявляют. Проверили по списку — ничего запрещенного нет. Подарил пару штук инспектору, он мне улыбнулся — пожалуйста, ввози, товарищ. Половину добра я знающим людям выгодно сдал — машину можно было купить! А ты говоришь унылым голосом — нормально... Да это же классика! Посмотри, какая у меня на судне шикарная коллекция.

С этими словами Косачич хвастливо вынул из шкафа стопку винила.

— В прошлом — это целое состояние!

Я вновь довольно равнодушно отнесся к его же-ребячьим восторгам и несколько обидел деда.

— Серость, а еще писатель! А прочий твой коллектив такой же темный в музыке?

— Не спрашивал, но могу узнать.

Дядя Вова махнул рукой:

— Да чего узнавать-то, приглашай весь коллектив завтра примерно в это время ко мне «на огонек»: посидим, поболтаем о жизни, я уже устал от этого унылого коллектива — поговорить не с кем...

Мои коллеги с радостью откликнулись на приглашение дяди Вовы и по очереди после вахты побывали в гостях у стармеха. Лично я просидел у деда все восемь часов между вахтами, спасаясь от нестерпи-

мой жары в душной лоцманской каюте. Заодно выпили бутылочку вина и употребили икорку.

Дядя Вова подбадривал, призывая не скромничать, я и не скромничал. Кабыла даже возмутился:

— Неприлично столько жрать — пятый бутерброд с икрой съедаешь. Привыкли русские к халяве, как дорвутся до икры, примутся черпать ложкой — не унять. Владимир Петрович, не корми его больше.

Дед лишь улыбался в ответ и щедрой рукой подливал хорошего вина в высокие бокалы. Разошлись довольные друг другом.

С того вечера мы зачастили в гости к деду, после купания в бассейне: поговорить о политике, литературе, попить вина под икорку...

Перед заходом в зону пиратства провели собрание и инструктаж: порядок несения вахт, организация маскировки и действия экипажа по тревоге при опасном сближении с неизвестными и подозрительными лодками.

— Мы занимаем оборону на крыльях, капитан управляет судном, стармех в машине, а прочие члены экипажа берут ценные вещи из кают, документы и прячутся в цитадели — в румпельной. Повару необходимо прямо сейчас заложить в убежище консервы и бутылки с пресной водой.

— Сколько воды? — оживился повар. — Упаковки достаточно?

— Из расчета три литра на человека! — распорядился капитан строго. — Смотри у меня, потом сам будешь страдать от обезвоживания организма. Всем понятно, как действовать? Прямо сейчас проведем учебное занятие...

Сыграли тревогу, экипаж с задорным гоготом и прибаутками за пять минут укрылся в цитадели. Дали отбой, и, довольные успешными результатами учений, капитан с радистом отправились обмыть это дело спиртом.

Прошло четыре дня: танкер перемалывал воду винтами миля за милей со скоростью двенадцать узлов — больше машина дать не могла. Солнце продолжало нестерпимо палить, над океаном стояло дрожащее марево от испарений, и примерно через час непрерывного наблюдения за горизонтом глаза уставали от яркого света и блеска водной глади.

Я лениво вглядывался в даль и вполуха слушал трёп старого штурмана, бывшего радиста, прерываемый время от времени очередными внезапными воплями его энергетической разрядки бу-у-у-а.

Внезапно штурман воскликнул:

— Вижу на радаре неопознанную цель. АИС у подозрительного объекта отсутствует. Константин, посмотри в бинокль слева по борту на тридцать градусов.

Действительно, наперерез танкеру двигалась лодка. Тип: пиратская матка или баркас контрабандистов. Баркас водоизмещением в несколько десятков

тонн, дистанция три мили и скорость примерно как у нас. Почему идет наперерез, чего хотят от нас обитатели этого корыта?

— Семеныч! Срочно вызывай капитана!

Я в свою очередь позвонил в госпиталь — вызвал остальных секьюрити.

Первыми прибежали опухшие и помятые мастер и радист, затем и мои бойцы. Замерли — наблюдаем за перемещением лодки.

— Что делаем? — встревожился несвежий мастер Василий.

— Ждем! — пожал я плечами. — Ведь пока с их стороны никакой агрессии. Возможно, судно-матка, тогда с нее спустят лодки и пойдут на абордаж. Наблюдаем...

Схватились за бинокли. Лодка шла прежним курсом, спокойно и нейтрально, не меняя скорости, и, по показаниям АИС, должна была скоро врезаться в наш танкер.

— Семеныч! Может быть, там все уснули? Возьми курс правее, пропусти баркас.

Старый штурман встрепетулся:

— Как уходи? Без боя?! А давайте долбанем по этому баркасу из трех стволов! На кой мы везем эту шайку оглоедов? Хотя посмотрим, как они стреляют!

— Не суетись! — одернул я штурмана. — А если они по нам жажнут в ответ из гранатомета?

Приняли правее, а лодка уже в миле от танкера.

— Мастер, давай сыграем на всякий случай тревогу, возможно, они просто косят под тупых, а пойдут — и окажутся пиратами да начнут стрелять. Перестрашуемся?

Врубили ревун, сыграли тревогу, объявили по громкой связи о пиратской атаке, повернули еще вправо. Конечно, по-честному, мне хотелось пострелять, ведь баркас находился на угрожающем для судна расстоянии, допускаящем открытие огня, но людей на палубе, с агрессивными намерениями, нам не было видно, тишина, никакого движения, словно мимо проплывал «Летучий голландец», и только тархтел слабосильный движок. Лодка тихим ходом проползала мимо примерно в двух кабельтовых.

— Стреляем на поражение? — хриплым голосом спросил Кабыла и хищно втянул воздух ноздрями.

— Ты становишься диким и опасным, как Зверлинг, все бы вам по людям пострелять. Погодим. Мы же на танкере! А ну как оттуда в ответ долбанут из гранатометов. Взорвется танк с грузом, полахнет, и мы все сгорим. Хочешь? Я нет! Сейчас дам предупредительную очередь...

Я вышел на левое крыло и дал две коротких очереди в воздух — никакой реакции. Суденышко как шло, так и шло, ни отвернуло, ни сбросило ход. Все спят или умерли? Что за сонный Верещагин на баркасе?

Пока мы нервничали и суетились на мостике, на палубе наблюдалась странная движуха, фотографи-

ровать пиратов собралась любознательная толпа: повариха и буфетчица снимали на мобильники, матрос и электромеханик на «мыльницу», а донкерман на свой профессиональный фотоаппарат, с мощным, почти полуметровым объективом. Я обратил внимание мастера на толпу зевак.

— Мастер, непорядок! Это форменный бардак!

— Все с палубы! Бегом в цитадель! — заверещал по громкой связи Василий, но на его вопль отреагировал лишь матрос и повариха — исчезли. На повторный вопль с недовольным видом покинули палубу буфетчица и электромеханик, а донкерман нехотя ушел лишь после троекратного матерного обещания мастера дать очередь по оставшемуся неугомонному папараци.

Обошлось без встречного боя. Лодка так и не отреагировала на наши сигналы, курс не сменила, но и не предприняла никаких агрессивных действий. Возможно, это были усталые, сонные контрабандисты? Ведь работа у современного Абдуллы тяжелая и опасная, и им, в отличие от многочисленных «Верещагиных», зарплату не платят...

Мастер построил экипаж, наорал, но фотографии сделали вид, что не поняли реальности угрозы нападения на судно. Жека даже возмущился:

— Вы мне сорвали такие ценные кадры! Возможно, я бы их в морской журнал продал!

— Жень! Хватит изображать из себя идиота! — заорал мастер, брызгая слюной. — Мы находимся в пиратоопасном районе и не в бирюльки играем! Тебе все кажется шуточками? Иди, охладись в бассейне, фотокорреспондент хренов! Всем разойтись по рабочим местам...

Я немного попенял мастеру на низкую дисциплину на судне, но Василий раздраженно махнул рукой.

— Совсем народ разболтался за долгий переход — устали! Мы шли в каботажа, в рейс на три месяца, а он продолжает уже почти год, и вокруг света. — Мастер устало обмахивался журналом, кондиционер не помогал.

Василий помассировал пальцами виски, нашел глазами выглянувшего из радиорума измученного некачественным спиртом и долгим походом радиста:

— А пойдем, брат Игорек, успокоим нервы — таянем, что у тебя со вчерашнего вечера осталось...

Горбатого могила не исправит, если идиот — это навсегда!

Переход на «Золотой бухте» завершился благополучно, поздней темной и безлунной ночью высадились на пограничный ланкийский катер, предварительно тепло простившись с экипажем и обменявшись с дядей Вовой адресами и телефонами.

Сошли на берег — и сразу в отель: ночное купание, ранний завтрак с коктейлями и пивом. А утром, не успев толком накупаться, уже мчали в

порт на очередной пароход — старый знакомый «Мордехай».

Времени с прошлого прохода на этом рудовозе прошло много, поэтому от прежнего экипажа не осталось никого — вся та команда давно сменилась. Эх, жаль, нас не встретил поэт-боцман и хлебосольный капитан Колеватов.

Новый мастер «Мордехая» татарин Эрик Фадкуллин, по его словам, был бывалым и за долгую службу знал почти всех капитанов, с кем я ходил: и говорливого Баталова, и наполеонистого Чирко, и громадного хамоватого Гуйвама. Не мастер, а ходячий отдел кадров.

— Гуйвам дебошир, Чирко прохиндей, Баталов пьяница и жулик, Лаврентий Палыч — полное чмо! А этот, что был до меня, — откровенный вор! На чем прогорел? Они с чифом и дедом продали топливо в Индонезии, а на них наступал матрос.

— Мастер Колеватов?

— Да нет, другой, молодой парень. А ведь предупреждали дурня — не воровать, мол, на судне сидит стукач из конторы. Украл раз, не доказали, украл второй раз — предупредили, а на пятый сняли и лишили каждого по окладу. Но, куда там, мы умные, сами с усами! Экстренно всех сняли в Сингапуре, лишили окладов, а нас туда самолетом доставили...

Проход через океан оказался на редкость спокойным: судно шло в балласте, скорость большая, борта высокие, вдобавок опутаны колючей проволокой. Забавно, но за год исчезли башенки кранов и дорожка от борта до борта, по которой я прежде мог ходить и наблюдать за морем в сторону кормы.

На вопрос, куда дели, мастер пояснил:

— В «Мордехай» в порту Южном врезался догрузатель — зацепил грейфером. Дорожка повисла на обломках почти до палубы — пришлось сварщику срезать металл и вносить в документы конструктивные изменения. Хорошо — борт нам не пропороли!..

Полковник Алекс оповестил, что нам повезло, пересаживаем на очередное судно — это в мои планы не входило и, прочитав мэйл, я начал сетовать на жизнь.

— Черт подери! Дома денег мало оставил — жена ругается, а на новом контракте еще дней на двадцать задержимся. Я не привык так подолгу в морях ходить.

— Долго это сколько? — заинтересовался мастер с ухмылкой.

— Месяц как уехали из Питера.

— Разве это долго! А два года без малого на контракте не хочешь?

— Да ладно! Так не бывает!

— Сейчас не бывает. Нынче в Европе с моряками контракты на дольше трех-четырех месяцев не заключаются — считается, на больший срок психика в отрыве от дома нарушается. А в прошлом быва-

ло. Хочешь, расскажу, как вышло у меня два года без месяца?

Я кивнул, всегда любопытно послушать очередной забавный треп капитана.

— Так вот, расскажу, как у меня вышло два года без берега. Тогда я был молод и рьян, чуть за тридцать, и лишь третий год работал старпомом. Сел на греческий балкер — впервые пошел работать «под флаг», как раз Советский Союз приказал долго жить. Штурманское дело знаю, в английском кумекаю — решил рискнуть. Греки довольны, проблем со мной никаких: службу знаю, с отчетностью порядок, не пью. Полгода отработал, и надо меняться, а мы идем из Европы в Нигерию, и, видимо, на мою зарплату чифа кандидата не нашли — просят меня дойти до Лагоса. Ладно, думаю, лишний оклад тоже не помешает: сын родился перед выходом в море и надо квартиру большую покупать.

Разгружаемся, из офиса сообщают: сменщик прибыл, живет в отеле. Отлично, думаю! Какое там отлично, утром на борт поднимается полиция, и мастера информируют — чиф ночью умер в номере — инфаркт. Заменился, называется. Что делать, скоро выход в море и топать на Южную Америку. С конторы просят потерпеть. Сообщаю жене, мол, подкоплю еще пару окладов. Ворчит, но соглашается.

В Южной Америке мы метались от Аргентины и до Панамы, туда-сюда, и никто мне не прибыл на смену. А тут внезапно мастер заблажил: схожу с судна — приболел. Хозяин-грек предлагает сменить капитана, вырасти в должности. Оклад при этом у меня почти в два раза поднимается. Почему бы нет? Диплом позволяет, желание стать капитаном есть — звоню домой. Супруга в слезы, мол, устала быть одна, ребенок растет без папы, но понимает, и квартира нужна — капитаном быстрее заработаю на жилье. Соглашаюсь. Идем в Канаду, потом в Европу, потом снова Африка и обратно в Аргентину. Обжил капитанскую каюту, обвык в новой должности, руковожу своим многонациональным экипажем. Контракт подходит к концу. Жена ждет, дни считает. Замена намечена в Бразилии. Пришли в Сан-Пауло, новый капитан — грек, поднялся на борт, принимает дела, а ночью хорошенько напивается и у него микроинсульт. Приплыли! Хорошо, я не участвовал в застолье и ни при чем — грек пил с земляком стармехом. В фирме схватились за голову, послезавтра выход из порта, умоляют продолжить работать, обещают стимулировать большой премией. Звоню жене, пытаюсь убедить — убеждается с трудом. Но куда деваться: соглашайся, не соглашайся, а работать надо, я ведь не матрос, куда пойдет судно без меня. Поплакала, обиделась, замолчала. В итоге, когда я вернулся домой почти через два года, трехлетний сын спрятался за маму и спросил: кто этот дядя? Хорошо, не сказал, скоро папа придет и разберется с тобой...

А ты говоришь, у вас ожидается долгий контракт — пятьдесят суток...

Балкер «Славянск»

У берегов Египта, не доходя до порта Суэц и не проходя необходимые пограничные и таможенные формальности, моя команда, с риском быть задержанной и арестованной, пересела на очередной пароход. Вначале подсади на катерок к старому знакомому агенту Халиду и отошли в укромное место — чтобы пограничники не увидели. Оказалось, полковник Алекс дал указание сэкономить средства фирмы на дорогостоящих формальностях.

Ответил — есть, и мы приступили к выполнению задания, и я по наивности ни о чем плохом даже не подумал, а вот бывалый моряк Кабыла пояснил:

— Хорошенькое дело — экономить. Между прочим, мы рискуем своей свободой!

— Почему?

— Потому что, прибыв в территориальные воды, да еще с оружием, мы должны пройти паспортный контроль, таможенно, получить в порту новые визы и лишь потом пойти в обратном порядке за границу. Вот сейчас мы находимся в водах Египта, так?

— Так.

— Подойдет к нашей лайбе пограничный катер, спросят документы, а у нас нет ни одной портовой отметки! Только визы и штампы двухмесячной давности. Где мы были? Как сюда попали? Да еще с патронами и «калашами»... Теплый и душный зиндан на долгие годы нам обеспечен...

Я догадывался, что не все в наших действиях чисто и еще на судне задал каверзный вопрос Алексу про риск быть задержанными, но тот лишь проорал в ответ:

— Не выноси мозг! Все продумано! Делай, что говорят...

Хорошо, рискуем и делаем, как велят, но нам это зачем? Поделится босс дома полученной выгодой? Едва ли...

Остроногин заметно загрустил — ему через месяц лететь во Вьетнам на работу тренером в дельфинарий — осложнения с властями ни к чему!

Однако обошлось!

Три часа с риском для жизни позагорали возле какого-то буя, поболтали, подремали, наконец на выходе из канала появился красавец сухогруз.

Вначале я подумал, что это наш старый знакомый «Брянск», но нет — другой, однотипный, и на борту видны буквы с надписью: «Славянск». Хорошо, пусть будет «Славянск», нам все равно, главное, чтобы зарплата не уменьшалась.

Перебрались на ходу с катера по спущенному парадному трапу, поднялись на палубу и видим все однотипное, словно какое-то дежавю.

Встретивший нас на палубе старпом Олег пояснил, что таких пароходов-близнецов построено четыре. Ну и ладно. В каютах тоже как на «Брянске», и снова все новенькое: диваны обтянуты целлофаном, мебель, ковры, ничего поломанного.

Спускаюсь на завтрак, в кают-компании встречает веселая буфетчица и приветливо улыбается:

— Мужчина, опоздали, ваши яйца уже унесли! — Смеется, понимая, что брякнула двусмысленность: — Я имела в виду, товарищи, ваши вареные яйца забрали!

Отправляюсь на мостик — знакомиться с капитаном и помощниками. Мастер, круглолицый, коренастый, коротко стриженный мужчина сорока лет, зовут Виталий. По месту рождения земляк нашего Кабылы — из Луганска, но давно проживает в Приморье. Добродушен, приветлив, но немногословен. Ну и ладно, зато я довольно говорлив. Виталий выслушивает байки, улыбается, посылает электронной почтой написанный рапорт для босса Алекса, позволяет по спутниковой связи позвонить домой.

Вскоре на мостик подтягиваются мои коллеги с «моими» яйцами в руках.

Съел свои законные яйца, запил чаем с лимоном. Мастер извинился, что пообщаться некогда, — занялся судовыми документами, а мы отправились в обход судна проводить рекогносцировку, заодно позагорали, потом почистили оружие.

На обеде Виталий через кареглазую болтушку-буфетчицу приглашает к восемнадцати часам в свою каюту — отужинать.

Отчего бы и не отужинать — мы всегда готовы с превеликим удовольствием. Входим в каюту: стол уставлен мясной нарезкой, салатами и фруктами, туда-сюда суетится все та же круглозадая буфетчица Оксана, торопливо дорезает фрукты, выставляет из холодильника тарелки, часто нагибается, показывая в вырезе платья крупную крепкую грудь, и одновременно говорит, говорит, говорит. Кабыла непроизвольно улыбнулся и облизнулся, как кот на сметану. Мастер заметил хищный, голодный взгляд Шуры и хитро усмехнулся в усы.

Сели за богато уставленный стол, извиняемся, что без подарка — все выпито с мастером на предыдущем подопечном судне.

Машет, протестуя:

— У меня этого добра полный бонд-стори. Пароход два месяца назад заходил в Австралию — купили десять ящиков мавританского рома.

Удивляемся, что за ром такой? Не слышал и в «дьюти фри» не встречали.

— И не попадется никогда — это редкий товар. Жутко крепкий — семьдесят градусов и очень вкусный! Пьется легко, но употреблять надо аккуратно.

Прочитал светлую этикетку, на которой изображены пальмы с надписью: сделано в Республике Маврикий.

— Это не мавританский ром, а правильное было бы назвать его маврикийский или мавриканский, как-то так. Мавритания и Маврикий — большая разница! То арабская страна, а это остров-государство в Индийском океане, бывшая английская колония.

Ром оказался очень серьезным напитком. Пили легко, а встали из-за стола тяжело — ноги подкашивались.

Трескучая Оксана не умолкала весь вечер и поведала многое: в море вместе они ходят уже пятнадцать лет, на разных судах, под разными флагами и в разных компаниях, у мастера трое детей, и у нее дочь четырнадцати лет. От кого дочь, и уточнять было не надо, и так все ясно. Оксана продолжала нахваливать щедрого мастера:

— Виталик мне во Владике квартиру купил и машину! Правда, машинку пора обновить. Верно, Виталик, обновим?

Виталик грустно усмехнулся и обреченно кивнул.

Кабыла поняв, что с Оксаной ему ничего не светит, сразу успокоил свое либидо — выходит, это походная морская жена мастера уже пятнадцать лет. Нельзя обижать радушного хозяина неуважением к его правам на «собственность».

В ход пошли байки. Я рассказал, про капитана Гуйвама и бестолкового третьего помощника-недочку Мишу. Виталий усмехнулся и впервые за вечер поддержал разговор:

— Сейчас таких бестолочей выпускают за деньги не только украинские мореходки, многие дипломы выпускников грузинских мореходок — вообще аннулированы. Был даже международный циркуляр по компаниям, дипломы после девяносто второго года признать недействительными. Помню, у нас в компании был случай. Капитану в каюту в «адмиральский час» позвонил с вахты третий помощник — грузин и так спокойно говорит: капитан, вода кончается, панымаешь ли. Тот ему в ответ, не переживай, в порт придем и закупим. Проходит минут десять, грузин снова звонит, капитан, говорю тэбэ — вода кончается, подойды. Мастер раздраженно: я же сказал, в порту получим воду — отстань. Грузин не унимается: панымаешь, говорю же, вода скоро сапсэм кончится! Мастер раздраженно трубку бросает, и тут судно на полном ходу врывается в берег. Бац! Всё что можно попадало на палубу, грохот, скрежет, капитан мчится на мостик, а грузин ему спокойно так: мастер, я же говорил — вода кончается...

Тут же за столом решили вопросы по организации обороны: Виталий выразил полное понимание и согласие по обвязыванию судна проволокой, по созданию бойниц и макетов пулеметов. Вот и славно, посидели — не зря.

Жаль, но до самой Шри-Ланки с Виталием больше не удалось толком пообщаться. На мостик капитан поднимался редко, все вопросы решал по телефону, занимался отчетами, сидя за компьютером, да к тому же у него подскочило давление, и прихватил радикулит. Оксана сутками хлопотала, выхаживая своего любимого.

Между вахтами мы с товарищами отдыхали, как могли: купались на корме, под мощными струями из

пожарного рукава, загорали, лежа в гамаках на пеленгаторной, смотрели фильмы в кают-компани.

Судно провели до Галле без проблем и происшествий. Простились с мастером тепло, обменявшись подарками: я ему книги с автографами, он каждому по бутылке рома. Хороший, взаимовыгодный бартер!

«Вьювер»

Полковник Алекс вновь велел собирать команду — есть контракт на пароход. Наконец-то, я месяц без работы! Напарники боевые и проверенные: Кабыла и Батрэру.

Совершили спокойный, успешный перелет на Шри-Ланку, и пограничники даже к поврежденному, подклеенному заграничному паспорту не придрались. Привыкли? Сели на судно в Галле: рейс до Индии, а потом на Суэц — вполне обычный маршрут. Приняли под охрану очередной «новый» рудовоз Одесской ахмедовской компании. Точнее сказать, недавно купленный. Судно было отнюдь не новое — двадцатилетнее. В заявке на катер написано как «Wiever». А как это будет правильно звучать по-русски? «Вивер»? «Вевер»? «Вьювер»? Агент произнес «Вьювер». Да нам все равно, пусть будет «Вьювер».

Взобрались на борт без особого труда, борта низкие — судно было под завязку загружено углем и сидело глубоко в воде.

Познакомились с мастером: Василий Константинович Еременко. Для должности современного капитана он уже в годах — шестьдесят пять. С первого взгляда видно, крепко пьющий: багровые щеки с тонкой сетью лопнувших мелких капилляров, мясистый, сизый нос испещрен такой же густой сетью багровых нитевидных сосудов. Мастер подслеповато тарачил в море мутные, выцветшие глаза и без конца прикуривал сигарету от сигареты. За собой особо не следит: всклооченные седые волосы, мятая майка, старые треники. Хотя... одежда не показатель, обычно на пароходах моряки донашивают свои старые домашние вещи и частенько выглядят оборванцами.

Капитан очень обрадовался предложению «вискануть», взгромоздил на нос очки и засиял:

— Всегда готов! С хорошего мероприятия начинаем совместную работу!

Я усмехнулся — порадовал его позитивный настрой. Мастер в нетерпении потер ладони:

— Сейчас боцман устроит по каютам и сразу ко мне, а чего тянуть? Вам на боевую вахту когда заступать?

— Послезавтра...

— Тогда времени для общения в обрез! Сейчас дам распоряжение коку приготовить стол, встречаемся в моей каюте через час.

Мастер Еременко действительно оказался компанейским — общительным, разговорчивым. Меж-

ду тостами полноводной рекой полился морской фольклор: байки, анекдоты, шутки. О дальнейших планах на поход — не мог ничего конкретного сказать.

— Пока разгрузка в Индии, а дальше наши планы как в тумане — компания ищет попутный груз. Если не найдут, пойдем пустыми на Одессу, а если что-то подвернется, то можем еще покрутиться в этом регионе. Мы готовы возить хоть арабам песок в пустыню.

— И мы готовы с вами подольше шлаться по морям. А где разгрузка в Индии?

— Самый север — порт Кандла...

Наше настроение сразу несколько упало.

— Дыра! Грязное, гнилое, гиблое место! — охарактеризовал Шура этот штат. — Год назад мы именно этой нашей командой туда ходили. Пыль, сажа, песок и болота — унылый мусульманский штат.

— Вот черт! — погрустнел Василий Константинович. — Значит, там спиртного не купить?

— Даже пива не было в продаже, только «Пепси».

Еременко потерел мощный сизый нос, поправил очки и хмыкнул:

— Для повышения градуса придется залить упаковку «Пепси» в стиралку, крутануть, настоять, дать забродить...

— А получится? — усомнился опытный самогонщик и винодел Иван.

— Да кто знает, попробуем...

На этом судне оказалось много старых знакомых по предыдущим переходам: чиф, третий штурман, повар, два мянмарца. Встретили нас почти как родных: восторженные крики, объятия. Повар Сашка пообещал кормить как на убой — нарастить нам по паре килограммов к концу похода.

Первые вахты до Индии отстояли без происшествий. Все было нормально, за одним исключением — досаждал нескончаемыми и нудными стенаниями о бедствиях Греции и несчастных греках чиф Михаил Папандопулис.

С этим Михаилом мы познакомились в прошлом году в первом походе на «Мордехае»: крупный, высокий, с седой густой шевелюрой, серый лицом, вероятно от постоянного курения. Хмурый, неприветливый, сердитый: ругал всех подряд, с кем работал на предыдущем судне, особенно боцмана.

— Только стишки писал, а работать не желал! Боцман — это тот же матрос, просто старший матрос. А он себя начальником мнил: все механизмы запущены, палуба проржавела. Отъявленный бездельник! Пользовался благосклонностью капитана — прикрывался покровительством, потому как они были давними собутыльниками.

Удивил нас с Шурой этим своим заявлением чиф, ведь в прошлом рейсе он души не чаял в боцмане Тихоне и при прошлом капитане Колеватове — только

нахваливал! А сейчас ругает почему зря и последними словами. Станный тип. Когда же он был искренним? Тогда или сейчас?

Этот старпом десять лет назад перебрался из Крыма в Грецию и превратился из Миши Папандопуло в Михалиса Папандопулиса. Надо сказать, на новой родине он не бедствовал: купил домик, квартиру, яхту, а работать продолжал на украинских пароходах, на иностранные суда идти не рисковал или не брали — английский знал плоховато.

— Проклятый Евросоюз! Мою бедную Грецию задушили долгами! Если государственный долг поделить на всех, то каждый грек должен выплатить десятки тысяч евро. Брюссельские уроды.

— Зато каждый уважающий себя грек благодаря кредитам купил себе отель и пароход! — оборвал я его жалобы. — Как говорят в Греции: настоящий грек должен иметь танкер или сухогруз...

— Болтовня! Это все еврейские шуточки!

— Не надо было брать кредиты!

Грек аж взорвался:

— А кто их брал? Я брал? Нам немцы втюхали старые танки за миллиард евро, а танков мы и не увидели! Правительственный кризис был, разбирались: куда делись деньги, где эти танки. Обманули страну, подлецы!

— Ты говоришь про миллиард, а Греция должна сто миллиардов! Это ведь капля в долговом море. Государство просило у ЕС кредиты, потом раздавало дешевые кредиты под низкие проценты на дома, на машины. У тебя дом есть?

— Ну и что? Небольшой домик, всего сто двадцать метров.

— Ого! Небольшой... Плюс квартира?

— Я горбатился на недвижимость всю свою жизнь!

— И минимальная пенсия у вас четыреста евро?

— Ну и что? А в Германии минимальная больше тысячи!

— Но немцы за эту пенсию падают до шестидесяти пяти, а у вас половина Греции на досрочной пенсии к пятидесяти: учителя, воспитатели, таксисты, официанты...

Старпом вспылел, выругался:

— Не болтай чепуху! Подпеваешь брюссельским демагогам.

— Говорю то, что читал в российской прессе...

Грек плюнул за борт, замысловато матюкнулся и ушел с крыла в рубку. Больше чиф не приходил по душам разговаривать.

До залива Кандла «Wiever» добрался без происшествий за четыре дня. Отстояли вахты, быстро познакомились со всеми моряками, несколько откормились на хлебосольных и обильных харчах кока Сашки — слишком много масла и сала в еде.

На входе в бухту прибыл лоцман, буксиры — завели нас в первый порт Мундра, поставили к

причалу. Сразу появились военные, полиция, таможня. Мы немного волновались, да и капитан тоже, то и дело интересовался: верно ли мы делаем, что зашли в Индию с оружием. Я, как мог, успокаивал:

— Константиныч, не дрефь, у полковника Александра все под контролем. Он бы в случае чего дал команду — топить! Если нет, значит, нахождение оружия на территории порта обговорено. Будь спокоен.

Однако Василий Константинович продолжал брюзжать:

— Если что-то не так — мне в местной тюрьме придется много лет гнить! Ты знаешь, какие тут ужасные условия содержания?

Откуда мне знать? Не сидел, к счастью! Я и в наших не сидел, но уверен, что местные хуже наших. Тем более для иноземца и европейца в местном климате тюрьма — пытка, каторга. Настоящий ад! Перед выходом в этот рейс я узнал про неприятнейшую историю, случившуюся как раз у берегов Индии с кораблем охраны...

Хроника:

Команда британского судна «Seaman Guard Ohio», арестована 12 октября 2013 года у берегов Индии. Корабль защищал торговые суда от сомалийских пиратов. Индийская береговая охрана задержала «Seaman Guard» за то, что судно нарушило территориальные границы. Команду из 35 человек, в которой были британцы, эстонцы и украинцы, власти Индии обвинили в незаконной перевозке оружия. Несмотря на все утверждения адвокатов о том, что фактически корабль выполнял миротворческую миссию, индийцы стоят на своем и угрожают морякам 10-летним сроком заключения.

Акции протеста против действий индийского правосудия уже прокатились в США, Германии, Британии. С момента ареста экипажа к британскому правительству обратились более 30 тысяч человек, которые требуют освободить несправедливо арестованных моряков. «Охранники, которые были на борту судна, а также команда стали заложниками слабой правовой базы в отношении профессиональной охраны. Во всем мире только и разговоров о том, что нужно дать отпор пиратам, а люди, которые взялись за это дело, фактически оказались не защищены», — констатирует член международной правозащитной организации А. Корн.

Судно «Seaman Guard Ohio» — это своего рода плавающая гостиница. На корабле находятся 25 профессиональных охранников, корабль действительно напичкан оружием. Есть даже ракетная установка на крайний случай. Задача экипажа — дрейфовать в нейтральных водах, ожидая, когда поступит заказ на сопровождение торгового судна.

Экипаж знал, что подходить ближе 12 миль к индийскому берегу нельзя, но в море оказался необитаемый островок, которого не было на картах.

После задержания судна капитану объяснили, что считать линию кордона нужно было не от берега, а от островков, которые в 7 морских милях от порта. Адвокаты говорят, что это просто скалы, которые никогда не считались территорией какой-либо страны. Но индийские спецслужбы настаивают, что «Seatan Guard» с вооруженными людьми зашел на их территорию. У моряков диарея и обезвоживание организма, весь экипаж «Seatan Guard» живет в ужасных условиях. Условия, в которых находятся моряки, невыносимые. Их не кормят, не дают воды, в камерах жара до 40 градусов, сплошная антисанитария.

Накануне, 9 сентября судно было в индийском порту Тутикорин, индийская охрана выдала справки о том, что с документами все в порядке. Охранники были на борту в мундирах и с оружием. А теперь из-за несовершенной правовой базы произошла такая ситуация. Особенно жаль капитана Валентина Дудника. Еще в 2011 году он угодил в плен к сомалийцам на судне «Bilda». Реабилитировался и отправился на борьбу с пиратами.

P.S. Спустя четыре года суд Индии постановил, что моряки невиновны. Таким образом, предыдущее решение суда, вынесенное в январе 2016 года, отменяется.

Жуткая история. Четыре года украинские моряки просидели в индийской тюрьме ни за что!

Меня непроизвольно передернуло, когда мысленно представил себя в местной грязной, вонючей каталажке, в окружении бандитов и бродяг...

— Мастер, без паники! Все будет хорошо.

И верно, обошлось. На борт заявила толпа военных и гражданских, но не для арестов и обысков, а для оформления бумажек: суровые и неразговорчивые индусы покрутили в руках оружие, сверили номера автоматов, пересчитали патроны, магазины. Капитан навесил на каюту замок, индусы опечатали дверь, пожали нам руки, прихватили упаковку баночной «Пепси» и ушли вполне довольные.

Началась разгрузка угля. Работы было непочатый край. Сто семьдесят тысяч тонн постепенно сваливалось грейферами на причал в гигантские пирамиды, и вереницей гигантских самосвалов утаскивалось куда-то вдаль, за пределы порта: на металлургические комбинаты, на тепловые электростанции и еще кто знает, куда и зачем. Мы предпочитали в эти дни не совать носа на палубу, зачем? Угольной пылью я еще в детстве досыта надышался в Кузбассе. Поэтому наше трио тихо сидело по каютам: Шура смотрел кинофильмы, Ваня делал клипы, я работал над рукописью новой книги.

В каюту перед обедом зашел мастер и с порога ошарашил новостью:

— Куда идем дальше, знаешь?

Откуда мне знать, даже Алекс ничего вразумительного не мог сообщить, отписывался неопределенными фразами, типа пойдете туда, куда повезут...

Я ответил вопросом на вопрос:

— Нет, а ты?

— Знаю! Идем в Южную Африку! Пункт назначения: порт Кейптаун или Ричардс-бэй!

— Вот это да, мы пройдем экватор! Наша команда еще ни разу экватор не пересекала! — обрадовался я. — Отметим праздник Нептуна?

Василий Константинович подмигнул и продолжил:

— А вы праздновать переход экватора собираетесь на сухую?

— Но ведь нет ничего!

Мастер снял с носа запотевшие от волнения очки, протер и важно и многозначительно произнес:

— Есть!

— Какое-то местное суррогатное пойло? — засомневался я в возможности приобрести в этих краях что-то из напитков, подходящее для русского человека. Уж я-то помню, про мусульманские законы штата. — Не хочется гробить здоровье...

— В глубине порта легальный магазин — дьюти-фри! Мне грузинский капитан с соседнего сухогруза рассказал... Они уже сходили в лабаз и затарились. Наш агент после обеда появится и отвезет, а обратно сами доберетесь пешком. Вот тебе сотка долларов, купи для меня на свое усмотрение. Что будешь брать?

— Что брать? Брать что подешевле! Джин да пиво, если не дорогое.

Василий Константинович водрузил обратно на нос очки и попросил:

— Мне с судна не сойти, портовые проверки, переписка с руководством, купи и мне на свой выбор. Того же, что будете брать себе. И чего-нибудь сладкого к чаю: конфеты, шоколадки...

Обзвонил подчиненных, вызвал в культпоход. Приятели обрадовались — прогулка по земле! Да и наскучило мужикам пить только чай и молоко.

Магазинчик действительно был замаскирован в глубине порта, за грядой угольных пирамид и рядами пакгаузов — без проводника и не отыскали бы. Пока ехали, крутили головами во все стороны и забывали обратную дорогу — обратно идти пешком, а ну как заблудимся в этих закоулках.

В большом двадцатифутовом контейнере, который магазином было назвать неприлично, было всего три ряда полок и холодильник. Полка с чаем, с убогими сувенирами, полка со спиртным и полка сладостей. Что брать, было ясно с первого взгляда: как я и предполагал, выгоднее джина нет ничего. Вот и славно, тем более что это проверенный временем напиток колонизаторов, спасавший и выручавший от разных тропических болезней: малярии, лихорадки, дизентерии...

Взяли себе два литра джина, плюс два литра сухого martini, напитки шли со скидкой: берешь два литра — третий в подарок. Плюс упаковку баночного «Хольстена», без скидок, но Шура настоял — со-

скутился по пиву. Приобрели на сдачу по сувенирному магниту и несколько плиток шоколада. От навязываемого индусом местного чая гордо отказались — мол, в Шри-Ланке набрали. Как раз уложились в сто долларов.

Мастеру приобрели аналогичный набор, тем более особого разнообразия не было — виски, коньяк, текила в лабазе дорогие и без скидочных акций.

Пошли в обратный путь и едва не заплутали среди угольных терриконов и складов, выбрались по заранее замеченным ориентирам. Пока тащили покупки — рубахи пропотели насквозь: жарко, душно, влажно и пыльно.

«Wiever» разгружали почти неделю — судно пропиталось угольной пылью. И даже та часть команды моряков, которая состояла из украинцев и прежде была светлокостей, выглядели словно донбасские горняки, выбравшиеся из забоя, не говоря уже о коричневых от рождения мьянмарцах-бирманцах — те и прежде были словно головешки.

Сразу после нашего возвращения с добытым горючим заметно повеселевший мастер предложил обмыть наш благополучный переход в Индию. Капитан Еременко по достоинству оценил мой выбор напитков, особенно то, что их много. Мы еще только спешили к месту сбора — в его каюту, а капитан уже оstackанился и встретил нас подшофе.

— Константин! Как ты угадал, что я люблю сухой мартини?

— Я и сам его люблю с маслиной и лимоном...

Мастер хитро подмигнул:

— Родство душ!

Любители более крепких и национальных напитков Кабыла и Батрэру со скепсисом посмотрели на почти опустевшую литровую бутылку белого вермута. Прямолинейный Шура первым не выдержал:

— Начальники, вы серьезно собрались пить коктейли под закусь из соленых огурцов и картошку?

Мастер усмехнулся и успокоил бойцов, доставая из морозилки заиндеветший литр джина.

— Хлопцы, джин я люблю не меньше мартини...

Бойцы заметно повеселели, и за пару часов мы помогли Василию Константиновичу справиться с охлажденным напитком. Глядя на пустую посуду, поболтали для приличия еще с полчаса и откланялись, мы ведь понимали, что мастеру с утра предстоит много работать.

Однако с утра началось что-то непонятное — мастера искали всем экипажем. Как пропал? Потерялся в чреве гигантского рудовоза?

Старпом названивал по телефону, стучался, ломился в дверь каюты, метал громы и молнии — бесполезно. Кое-как до обеда отбивался от агента, шипчандлера, грузополучателей, портовых служб... Наконец помятый мастер появился в кают-компани. Еременко сослался на болезнь и велел принести в офис все бумаги — готов подписать.

Я заглянул в офис справиться о здоровье и застал забавную картину: мастер сидел за столом, дремал, подперев ладонью подбородок. Во рту тлела сигарета, и пепел свисал длинным огарком, готовый вот-вот упасть и прожечь документы. Другой рукой Еременко держал судовую печать, крепко зажав ее в могучем кулаке. В офис ворвался грек-чиф, что-то буркнув с порога. Капитан открыл глаза, проштамповал дюжину бумажек, накарябал подписи и вновь отключился.

Оглядевшись, я заметил торчащее из-под стола горлышко пустой бутылки от мартини, а в мусорной корзине пара смятых пивных банок. «Работа» явно пошла с рассвета.

Далее мастер почти перестал выходить из офиса — покидал только на короткий сон. Обед и ужин кок доставлял прямо на служебное место, но Константиныч почти ничего не ел, а лишь слегка закусывал либо джин, либо мартини.

Спустя несколько дней я увидел стоящую вдоль стены батарею пустых бутылок. Как можно выпить столько в одиночку?! Я бы давно умер. Мастер сладко спал, посапывая, отвалившись на спинку кресла: очки свалились на колени, очередной окуроч упал на пол. Старпом ворвался в каюту и с ходу налетел рассерженным коршуном:

— Кто из вас спаивает капитана? Зачем ему купили бухло?

— Он несовершеннолетний ребенок? Мы взяли чуток, а под столом целый ряд пустой тары стоит! Видел ведь?

Греческий чиф коротко кивнул своим большим «клювом».

— Вероятно, ему кто-то еще привез, мы тут ни при чем. И потом, кто знал, что Константиныч запойный? Не предупредили...

Старпом Папандопулис продолжил материться:

— Когда же это прекратится? Сколько еще мне будут попадаться капитаны-алкоголики? Ну не везет! Что ни рейс, то мастер пьянь, буквально через одного! Кто их только назначает?

Михалис метался по офису и бушевал:

— Груз — дорогой, я не собираюсь свою зарплату отдавать, если не договоримся с индусами!

— Не хватает угля? Не догрузили в Индонезии? Не досмотрел?

Папандопулис раздраженно махнул рукой:

— Все нормально загрузили. Но ведь на сдаче груза как обстоят дела: как посчитаешь — так и сдашь. А такого горького пьяницу легко обдурить! С грузоприемателем надо работать, а не пить втихаря. Меня индусы постоянно теребят: где капитан и почему он с ними не общается? А что я им скажу? Мастер пьян как свинья? Что он лыка не вяжет?

Чиф побушевал и умчался прочь по делам, а я остался наблюдать и сторожить капитана, опасаясь, что он вновь закурит да спалит каюту и себя во сне...

Судно переместилось во второй, более мелководный порт, в глубь залива — смогло пройти, теперь трюмы были разгружены наполовину и работы оставалось еще на два-три дня. Портовые краны спешно сгрузили вторую половину угля, моряки заполнили балластные цистерны. После некоторых препирательств между чифом и пьяненьким капитаном, с одной стороны, и толпой индусов, с другой, необходимые документы были с горем пополам подписаны. Отчитались!

«Wiever» отчалил от унылых берегов Кандлы и взял курс на Аденский залив. Дали полный ход — курс на ЮАР. Моряки спешили, а наша «банда» никуда не торопилась, ведь, как говорит старая морская поговорка: больше суток — больше шумток. Каждый лишний день — очередная сотня баксов на счет.

Уже в открытом море ранним утром в мою каюту втиснулся заметно потрепанный и резко постаревший Василий Константинович. На капитана Еременко было больно смотреть, настолько он стал жалок: лицо посерело, глаза впали и слезились, руки заметно дрожали.

— Тяжко?

— Не то слово — вот-вот умру! Сердце заходится, буквально колотит как в колокол, и давление подскочило — помоги! Выручай!

Мастер застыл в дверном проеме, тяжело дыша, массируя ладонью грудь в районе сердца.

Я задумался, есть ли у меня какое лекарство? С сердцем обычно полный порядок, поэтому никаких таблеток не беру: ни валидола, ни корвалола. Чем же я могу помочь страдальцу, какой таблеточкой? Я было кинулся к своей походной аптечке с углем и парацетамолом, но мастер остановил мой гуманистический порыв:

— Не нужны мне таблетки! Есть баночка холодненького пива?

Я затормозил на полпути к сумке с вещами:

— А где твоя упаковка пива?

Еременко досадливо поморщился:

— Ничего не осталось...

Я замер открыв от удивления рот. Как можно выпить столько?

Вот это насос! За несколько дней всосать в одно горло два литра джина, три литра вермута и упаковку пива???

А ведь помимо принесенного нами он наверняка выпил еще спиртное, доставленное другими моряками. И было бы удивительно, если бы у капитана после этой дозы сердце бы не выскакивало из груди и давление не зашкаливало...

Я нехотя достал из холодильника баночку.

Константиныч буквально выхватил «лекарство» из рук, вскрыл дрожащими пальцами и торопливо вылебал большими глотками.

— Уффф... О-жи-ва-ю! — произнес мастер отчетливо по слогам. Лоб моментально покрылся испариной, по щекам потекли струйки, очки запотели.

Я призадумался: если он выпил свою долю — значит плотно сядет нам на «хвост».

— Костя, будь другом, угости еще одной...

Так я и думал — типичный алкоголик! Если он сейчас выпьет вторую банку, то это будет уже перебор — начнет искать выпить чего покрепче...

— Константиныч, больше не дам — последняя...

Мастер жалобно и умоляюще смотрел на меня еще несколько секунд, потоптался на месте, произнес что-то невнятное и, тяжело вздыхая, побрел на мостик. Работать?

Поспешил к товарищам — рассказать о визите Еременко и опередить гостя, вдруг и к ним заявится выпрашивать.

— Давайте условимся, мастеру во время перехода до моего особого распоряжения не наливать! Дружно отвечаем, что все выпито.

— А вдруг не поверит? — усомнился Кабыла.

— Поверит! Он ведь сумел в одиночку употребить больше пяти литров, а нас как-никак трое. Вполне правдоподобно, что мы могли тоже прикончить свои запасы. Надо приберечь джин для перехода через экватор и отметить финиш похода...

На том и порешили. Договорились вовремя, потому что буквально через несколько минут по связи мастер вызвал всю нашу команду в рубку. Однако получив дружный отказ — приуныл и загрустил.

«Wiever» уверенно двигался в сторону Мадагаскарского пролива: погода для туристов стояла замечательная, ни тучки, ни облачка, ни ветерка. Но мы шли вдоль Африканского материка, вблизи Сомали и такая погода была на руку пиратам. Несколько раз на горизонте появлялись одиночные лодочки — для нас это были мелочи, ерунда. Пару раз при слишком близком сближении играли тревогу, для предупреждения стреляли в воздух.

Окончательно спокойствие завершилось после того, как мы прошли Сейшельские острова: из-за горизонта выпорхнула стайка быстроходных лодочек и устремилась к нам. Одна взяла резко вправо, другая резко влево, три шли позади кормы — ребята явно вышли на охоту.

Сыграли общесудовую тревогу: моряков в «читадель», мы с автоматами на мостик. С высоты нашего габаритного мастодонта эти утлые лодчонки казались щепками, однако вооруженные гранатометом и автоматами суденышки могли нанести нам непоправимый ущерб. Бабахнут, например, гранатой по пеленгаторной, и все навигационное оборудование накроется «медным тазом»! Пора припугнуть незваных гостей.

— Василий Константинович! Шуганем бродяг? — предложил я капитану. — Наглеют на глазах...

— А мы имеем право? А вдруг это рыбаки? Они ведь пока не стреляют.

— Зачем ждать нападения? Мы можем делать все что угодно, дайте только приказ! Наш беспредел — в

законе! Доложим об обстреле в Международный центр. Когда стрелять начнут — будет поздно, вдруг кого шальной пулей зацепят.

Еременко, вздохнув, согласился:

— Хорошо, давайте пугнем. Но аккуратно, без ненужных жертв. Постреляйте в воздух для начала — посмотрим на их поведение...

Я примостился на расстеленном мате, укрылся за оборудованной из металла бойнице с прорезанным сектором для стрельбы лежа в сторону кормы, не спеша дослал патрон в патронник и дал короткую очередь чуть выше лодок. Поначалу стрельба не дала никакого эффекта: не поняли или не заметили. Взял пониже — очередь пошла пунктиром по воде к баку переднего «скифа». Теперь узрели! «Рыбаки», шедшие по нашей корме, сбросили обороты, сошлись, видимо стали что-то обсуждать, и те лодки, которые пошли в охват, тоже затормозили, очевидно, получили команду остановиться, наверняка у них была коротковолновая радиосвязь между собой.

Вот и славно! Наше дело предотвратить захват, а не заниматься уничтожением живой силы противника.

Константиныч осмелел, вышел на крыло с биноклем, осмотрелся:

— Молодец, Костя! Хорошо шуганули мерзавцев, испугались! Что будем делать? Докладываем о подозрительных лодочках?

— А как же! Обязательно надо сообщить всем кому следует! А то массовые захваты судов закончились — могут перестать нас нанимать для охраны.

Еременко ухмыльнулся:

— Доложу, но с вас причитается! Готовьте джин по приходу в Африку.

Я некоторое время понаблюдал за водой: все недавно преследовавшие нас лодки исчезли за горизонтом. Обошлось!

Зашел в рубку, там Еременко хвастал возвратившемуся из цитадели на мостик после отбоя тревоги третьему штурману о том, как мы здорово отразили пиратскую угрозу.

— Представляешь Игорь, идут, гады, и не сворачивают, а в бинокль вижу и пулемет, и гранатомет, и автоматы! Даю команду: Костя как бабахнет — пираты враспынкую! Я сразу доложил куда следует, и обещали с индийского фрегата, дежурящего в этом квадрате, прислать вертолет — накрыть флибустьеров. Скоро должен прилететь...

Мы с мастером посоветовались, выработали выгодную для всех формулировку о нападении — сообщили по адресам: в антипиратский центр, в компанию, нашему полковнику Алексу, пусть босс знает, что не дремлем и не зря хлеб жуем!

Вскоре Алекс прислал мэйл — перезвонить. Босс засыпал серией дипломатических вопросов:

— Как дела? Как успехи? Как капитан? Как обстановка в целом? С мастером подружились?

Василий Константинович дремал неподалеку в кресле и разговора не слышал, но я в принципе все равно не собирался рассказывать правду о его пристрастии к «зеленому змию».

— Полный порядок! Медленно, со скоростью девять узлов движемся к экватору. Общее время в рейсе уже три недели...

Алекс помялся некоторое время, а потом ввел меня в ступор следующим предложением:

— Попытайся договориться с капитаном — спрятать автоматы на борту. В порт не пускают только с винтовками, а топить жалко — нам оружие в ЮАР обойдется довольно дорого! Пока вариантов вижу два. Вариант первый: пересечь кому-то из вас вблизи Мадагаскара на встречный рудовоз «Фатер», идущий на выгрузку угля в порт Мумубай, а потом его отправят на «иголки». Перейти на судовой шлюпке в открытом море и, скорее всего, переходить тебе. Вариант второй: спрятать стволы в топливной цистерне или еще в каком ином укромном месте — моряки что-то легко смогут придумать. Поговори с капитаном — уговори. Иначе придется брать на борт южноафриканца с винтовками, а тебе улетать домой, у тебя есть УЛМ — сможешь сойти на берег как моряк. Вот такой расклад — думай...

Вариантов, приемлемых для меня, оказалось негусто. В море пересаживаться не хотелось: рискованно, небольшая волна. Правда, Кабыла уверил, что это совсем не опасная волна для настоящих моряков — рыбаков. Но ведь, то рыбаки... Да и зачем мне экстрим на шлюпке, мне в ЮАР хотелось побывать! Итак, надо договариваться с Еременко.

— Константиныч, есть тема...

— Ну и? — навострил уши капитан. — Что такое?

— Надо бы «вспрыснуть» нашу нынешнюю победу над пиратами! Нам ведь повезло, что сомалийцы не полезли на рожон и ушли восвояси. Согласен?

— Согласен — повезло. Выпить готов, но у меня ведь ничего в запасе не осталось...

Я слегка ухмыльнулся:

— У нас есть — НЗ. Заодно и отметим пересечение экватора...

— Костя, ты мерзавец! Столько дней молчал и мучил больного человека! Да я неделю назад почти умер, а ты бесцеречно отказал страждущему! Ведь говорил — ничего не осталось. Зачем врал?..

Еременко внимательно посмотрел на меня с выражением явного недовольства во взгляде: видимо крепко обиделся.

— Не врал — утаил. Оставили на переход экватора и на всякий случай, отметить какое-нибудь событие, например, такое нападение. Приберег на такой экстремальный случай, как сейчас. Тем более что джин не мой — это общаковый.

Мастер протер мигом вспотевшие очки — заволновался в предвкушении застолья.

— Добро, сбор в моей каюте в девятнадцать ноль-ноль. Прошу не опаздывать!

Хоть мы больше не планировали поить капитана, опасаясь, что он снова сорвется, но раз так вышло — придется. А что делать? Приказ руководства...

Шура и Иван обрадовались известию, что мы можем сойти на берег в порту Ричардс-бей.

— Надо бы капитана уговорить спрятать стволы! — затараторил Шура. — Иначе нас Алекс точно поменяет на африканеров!

И Ваня был в полном расстройстве от перспективы оказаться списанным на берег:

— Я уже на работу сообщил, что отпуск продлеваю на месяц. Хлопцы смены мои поделили, что я буду делать дома без зарплаты? Как мне быть? Надо срочно решать вопрос, готов ради такого дела даже отдать мастеру свои оставшиеся банки пива.

— Нет, Ваня! Пивом горю не поможешь. Схарчим ему бутылку покрепче, пожертвуем на доброе дело...

Однако ни выпивка, ни душевные беседы не помогли решению проблемы с оружием. Наутро мастер заявил, что он, не подумав о последствиях, сообщил заранее об охране на борту и о наличии автоматического оружия.

— На вот, читай. — Еременко протянул мне дрожащей рукой телекс. — Ночью пришло письмо из порта...

Текст был на английском — нашел полиглота по чтению этой тарабарщины, которую я в последний раз учил в военном училище! Я повертел в руках лист, сделал вид, что углубился в изучение, потом вернул мастеру:

— Константиныч, будь добр, переведи, я в чтении не силен — больше разговорная практика.

— А что тут переводить — все четко и ясно: разрешается при заходе в порт иметь на борту лишь винтовки либо полуавтоматическое оружие...

Я почесал «репу». Вот влипли...

— Да какие это автоматы — арабский ширпотреб. Давай обзовем их полуавтоматами.

— Какой умный! А сидеть мне? Полицейские придут — проверят. И что я им покажу? Твои АК? Нет, надо проблему решать как-то по-другому.

— Давай все же автоматы спрячем в топливной цистерне — не найдут, я уверен!

Мастер посмотрел на меня трезвым взглядом (вот досада — джина у нас оказалось маловато) и отказал:

— Всегда на судне найдется стукач — гнида, которая ненавидит капитана. Этот мерзавец, например чиф, при портовой проверке шепнет властям, мол, на борту спрятано оружие, и пиши пропало! Этот твой вариант еще хуже, тут присутствует уже злой умысел и нелегальный ввоз оружия и боеприпасов — срок еще больше...

Пришлось писать Алексу, что вариант с ввозом стволов в порт тайком отпадает. Босс явно расстроился, компания на этом теряла большие деньги. Вновь вызвал на связь:

— Попытайся задействовать второй вариант! Ты с «железом» пересаживаешься на шлюпке на борт «Фатера», а оттуда сойдет старший команды африканеров с винтовками — поменяетесь местами. С юаровцами дойдешь до Калькутты. Тебе получится сойти на берег в Индии без проблем — паспорт моряка у тебя ведь настоящий!

Только этого мне не хватало — пересадка в океане на шлюпках. Я вышел на крыло и глянул за борт — волнение усиливалось. Вернулся в рубку:

— Василий Константинович! Пересесть в такую погоду сможем?

Мастер поправил очки, окинул водную поверхность взглядом полным сомнений:

— Сейчас, днем, смогли бы, однако ветер усиливается. И потом, я просчитал, мы сходимся ночью — примерно в два часа. Темно! Шлюпку боюсь потерять и людей. Разобьет о борт — и что тогда? А мне без второй шлюпки согласно инструкции по безопасности не положено ходить. Кто купит новую шлюпку? Твой далекий полковник Алекс? Я буду виноват, и я буду материально отвечать за все! Знаешь, сколько стоит день простоя нашего судна? Даже страшно подумать... не меньше двадцати тысяч «зеленых бумажек». Кто оплатит? Ты? Алекс? Я? Конечно, счет выставят мне! Поэтому я считаю, что пересадка на шлюпке в Мадагаскарском проливе — авантюра чистой воды! Если вас течением утащит — моему гиганту предлагаешь за шлюпкой гоняться? Я наотрез отказываться не стану: сверху прикажут — попытаемся, но сам инициативу проявлять не буду. Пиши своему боссу — пусть общается с нашим руководством. Однако, я уверен, им пофиг все ваши проблемы. Подрядились охранять — выкручивайтесь!..

Так и вышло. Позже Яркин сообщил, что хозяева компании не возражают против шлюпочной тревоги и пересадки, но все действия на усмотрение капитанов. Главное условие — безопасность моряков. Погода позволит, тогда можно сделать попытку.

Увы, погода не позволила. Сразу после ужина ветер усилился, капитаны связались друг с другом по радио, обсудили сложившуюся ситуацию, поспорили, кто должен рискнуть шлюпкой и матросами, не пришли к общему знаменателю и решили нервы себе не портить — разойтись на встречных курсах в паре миль друг от друга.

Я позвонил, доложил, Алекс расстроился неудаче, выругался, велел утилизировать оружие и готовиться к встрече африканера-полицейского со стволами, а мне собираться домой.

Чтобы не выбрасывать автоматы в океан впустую, устроили боевые стрельбы — каждый из нас выпустил в мишень по два магазина. Возможность пострелять — это, конечно, здорово, давно в море много не стрелял, но лучше было бы обойтись без

этого и сделать еще один круг с «калашами» в Индию. Моряки тоже с удовольствием поучаствовали в уничтожении оружия: капитан, помощники, боцман, повар расстреляли по магазину. Потом вышвырнули автоматы и пустые магазины в пучину, собрали отстрелянные гильзы и тоже за борт — закрепили следы.

Мастер хотел составить официальный рапорт, но его удержал:

— Нам эта бумажка ни к чему, мы ведь работаем со стволами неофициально...

— И вам разве для отчета справку на бланке с печатью и подписью не нужно?

— Ничего не надо...

Мастер хмыкнул, недоверчиво покачал головой и ушел заниматься судовыми делами.

А наша охранная миссия пока завершилась. Эх, жаль только нечем помянуть уничтоженное оружие — впустую извели на капитана...

А вот и Южно-Африканская Республика. Пару дней мы проболтались в бухте, ожидая освобождения угольного причала под погрузку. Впервые я увидел живых китов: гигантская мать и детеныш неспешно дрейфовали в море — отдыхали. Какие они огромные, даже детеныш большой!

Наконец мимо нас прошел большой, нагруженный под завязку углем рудовоз, и на его освободившееся место проследовал «Wiever».

Полковник Алекс предупредил о скором прибытии южноафриканца со стволами — времени у меня осталось в обрез. И почему так не везет? Сделал настоящий паспорт моряка, а меня благодаря этому паспорту теперь и высаживают, так как я имею легальную возможность сойти в иностранном порту.

Чтоб впустую не сидеть на судне в ожидании местного секьюрити, решили сгонять в город, прошвырнуться по магазинам, поискать чего экзотического из еды и вещей. Вместе с нами в город увязалась компания из восьми моряков, тех, кого списывали в Ричардс-Бей — завтра все мы дружной компанией улетали в Дубай. Матросы первым делом рванули в бар и бордель: полгода воздержания не прошли бесследно — невтерпех.

Мастер посоветовал нам зайти в ювелирный магазин и купить обработанные бриллианты в подарок женам — в России бриллианты продаются только в изделиях. Однако мои хлопцы зажали денежки — пошли по шмоткам, а я после недолгих поисков нашел ювелирный ряд из трех лавочек. Оказалось, просто так в них не зайти: стальная дверь, за ней вторая с решеткой. Дернул — заперто. Постучал, помахал несколько раз рукой — темнокожий охранник нажал на кнопку, первая дверь отворилась, затем темнокожий секьюрити отодвинул засов и распахнул решетку. Посчитал на калькуляторе — в этом дорого, пошел дальше. Во вто-

ром работали две метиски и большая охраняющая дама в форме, в третьем дорогие витрины, дорогие интерьеры — еще дороже. Походил, поискал и, в конце концов, вернулся к продавщицам метискам, купил почти за сотню баксов небольшой бриллиант. Эх, жаль я не Рокфеллером работаю — денег маловато.

Вернулся к друзьям, погуляли по торговым центрам, приценились, кое-что купили, попили пива, посмотрели на народ. Жители города вполне обеспеченные — есть работа: порт, шахты. Население многогосовое: черные, белые, смуглые, я даже не ожидал, что в Африке так много китайцев, арабов и индусов. Однажды мы услышали даже русскую речь, чему несказанно удивились, помахали бывшим землякам. Завершили поход ближе к вечеру кружкой пива в матросском баре, и на паром.

Трагикомично, пока мы ходили в город, судно ограбили! Какая-то шустрая компаньша чернокожих прохиндеев забежала на палубу, принялась навязывать услуги по установке Wi-Fi. В их услугах команда не нуждалась — отказали. Зачем экипажу интернет, ведь всего пару дней стоять в порту — и снова в океан. Пока капитан спорил с их нагловатым и напористым старшим африканцем, жулики проникли в те каюты, которые не были заперты, и обнесли: украли телефоны, плееры, ноутбуки и вещички по мелочи. Наши каюты были заперты на ключ, да и тащить там особо было нечего, разве что пропотевший камуфляж...

Обобранные были порядком раздосадованы — ограбление произошло в тот момент, когда соскучившийся по овощам и фруктам экипаж заполнял провизионку свежими продуктами — все свободные от вахты таскали ящики, мешки и коробки. Видимо, жулики всё просчитали!

Следующим утром капитан Еременко сказал, что погрузка идет слишком быстро и к вечеру «Wiever» отходит. Шура и Ваня поспешили в город в повторный поход — купить на обратный путь чего-нибудь «вкусненького» себе и мастеру, а я поднялся в рубку встречать своего сменщика африканера. На левом крыле меня ждал огромный, одетый в военную форму представитель полиции или частной охраны.

Ого — баба! Чернокожая! Неужели это тот самый африканер с оружием, обещанный нам боссом на рейс в Индию. Попа у секьюрити — неохватная, морда — в две мои, а губищи... Губастая, глазастая, сисястая. Повезло Шурику, любителю крупных форм — развлечется.

Я поздоровался с камуфлированной дамой и приветливо улыбнулся:

— Мисс! Приветствую вас на борту нашего лайнера.

— Миссис! — поправила меня африканка, томя, многообещающе улыбнувшись.

Африканка продолжала строить глазки, а я, чтобы не сбиваться с мыслей, отвернулся и огляделся в поисках оружия.

В углу капитанского мостика стоял большущий черный ящик — вероятно, шкатулка-сейф.

— Какой системы винтовки? «Браунинг»? «Маузер»?

— «Браунинг». Считайте: магазины, патроны, сейф. Вот паспорта на винтовки и ведомость о приеме оружия — распишитесь!

Дамочка протянула мне пачку бумажек и принялась плотоядно, оценивая меня рассматривать. Придвинулась плотнее, прижалась горячим, упругим бедром и слегка подмигнула. Оценила? Понравилась? Любит белых мужиков?

Хотя охрана этого судна меня больше не касалась, из любопытства открыл замки с ящика и заглянул внутрь — три вороненные винтовки лежали в ряд, магазины, патроны в коробках.

Сисятая следом за мной подошла к сейфу, вновь плотно придвинулась — прижалась тугим бедром и вместе со мной наклонилась — мощная, крепкая черная грудь колыхнулась и чуть подалась вперед.

Я непроизвольно поправил шорты и в шортах — ухмыльнулся: незачем ей меня кадрить, — впустую тратит время — я не при делах. Как смог, на словах и жестами пояснил, стараясь уладить недоразумение:

— Извини, сеньорита, с сегодняшнего дня старший команды не я, другой — Шура! Он скоро придет. Я в рейс на Индию не иду, сегодня улетаю из Дурбана.

В глазах дамочки читалось непонимание... Возможно, негритянка лишь непроизвольно, по привычке, демонстрировала свои природные «богатства».

Подарки упакованы, вещички собраны, с черненькой пофлиртовал — можно двигаться домой. Но где мои хлопцы? Надо бы успеть до отправления автобуса проститься и передать сменщицу с рук на руки!

Словно прочитав мои мысли, в рубку ворвались запыхавшиеся приятели. Глаза сияют счастьем: успели затовариться!

Ворвались на мостик, увидели дородную полицейскую и оцепенели.

— Что застыли? Не ожидали? Нравится?

Ваня с разинутым ртом, застыв на полуслове, молча и медленно, как в замедленной съемке, протянул мне банку пива.

— Угошайся...

— И вы угощайтесь!

Подмигнул двум благопристойным семьянинам — им предстояло длительное и, вероятно, тяжелое плавание в компании с черным дьяволом-искусителем. Пояснил приятелям, что к чему и как быть с ней, помахал всем ручкой, рюкзак за спину, сумку с компьютером через плечо, поверх козырька кепки

нацепил солнцезащитные очки, схватил одной рукой сумку-баул, второй — банку пива и потопал к трапу...

«Капитан Баксов»

Август месяц — горячая пора отпусков, а Яркин вновь обрадовал — необходимо охранять сразу шесть судов. А ведь уже три команды в настоящий момент в пути! Опытных бойцов не хватало — а старших команд тем более. Полковник Алекс отправил старшими команд Кабылу, Остроногина и даже младшего Суворова. Босс выбился из сил, комплектуя экипажи, поэтому доверил собрать свою команду на мое личное усмотрение. О! Какое доверие! Да легко наберу: разведчик Иван Батрэру и художник Юлий Зверлинг. Алекс хмыкнул, он не возражал.

Вылет в командировку в десять утра, а Зверлинг еще и не прибыл в Питер из зарубежного турне — три дня в присущей ему разгильдяйской манере пропьянствовал в Финляндии, участвовал в какой-то художественной выставке, названной с выпендрежем — бьеннале.

Дисциплинированный аккуратист Иван, наоборот, прибыл заранее и то и дело теребил меня, когда же мы улетим.

Наконец за три часа до старта из-за рубежа прибыл художник. Смотреть на Юлика было больно и досадно.

— И как ты с такой опухшей рожей поедешь?

— С какой это такой? — обиделся художник и посмотрелся в витрину магазина. — Лицо как лицо. Сейчас накачу сто граммов в самолете, и все сразу пройдет — уверяю, морщины моментально разгладятся...

Накатил — не разгладились, наоборот, стал краснорожим, словно индеец, а перегар только усилился.

Коломбо встретил нас проливным дождем и ветром. Агент посетовал на штормовую погоду — высаживаться на судно будет тяжело. Я и без него догадался: одно дело тебя от волны прикрывает гигантский сухогруз, и совсем иное — маленькая рыболовецкая «скорлупка». Параметры «Баксова» мы узнали заранее из Интернета: краболов длиной сорок метров, шириной семь. Обычно мы ходили на балкерах, которые в длину метров двести-триста и в ширину тридцать-сорок метров! Чует мое сердце, поваляет нас волнами, пошвыряет океан!

Сразу «с корабля на бал» — из микроавтобуса на катерок. Ветер крепчал с каждой минутой, и пограничники спешили выйти в море, потому как по прогнозу ожидалось, что дальше будет только хуже. Едва погрузили сейф с автоматами — отдали концы, и катер устремился в океан. Встречная волна перехлестывала юркий катерок, который никак не мог дать полный ход, постоянно зарываясь носом в воду и обдавая нас, сидящих на корме, освежающими брыз-

гами. Движок надрывно гудел, суденышко то вгрызалось в волну, подныривая под нее, то внезапно подскакивало, задирая нос, и мощно шлепалось днищем о пенный гребень. Как же сходить с катера в такую погоду? Повторить недавний подвиг Кабылы и нырнуть в пучину вод морских? Спасибо, увольте!

«Баксов» подждал наш подход примерно с полчаса и болтался в волнах, получая увесистые оплеухи то в левый борт, то со стороны бака. С краболова приветливо и призывно махали руками рыбаки-дальневосточники. Сбросили ход, продрейфовали, подруливая удобнее к краболову. Экипаж с интересом разглядывал нас: два моряка с мостика снимали на видеокамеры, двое беспрерывно фотографировали телефоном и фотоаппаратом.

Матрос-ланкиец протянул нам спасательные жилеты, потребовал надеть. Да мы и не спорили — кто же станет сопротивляться облачению в спасательные средства такую погоду?! Ваня с трудом втиснулся в тесный жилет, даже полностью ослабив лямки. Вечно москвичи Россию объедают!

Шоколадные ланкийцы швырнули конец матросам краболова, подхватили наши вещи, изготовились, а мы замерли, уцепившись за леера, в готовности перепрыгнуть с борта на борт.

С краболова свисал короткий штормтрап на три балясины, скорее как обязательная декорация — в такую погоду на трап ногой и не ступишь. Часть борта была открыта, словно створка ворот, освобождая проход, и теперь надо было только задрать вверх ногу, сделать шаг, чуть ступить на шаткий трап, ухватиться за что-нибудь и оказаться на борту. А борт и палуба «Баксова» были повыше пограничного катера метра на полтора. Оставалось только решиться сделать этот шаг! Но как решиться?

Я мельком взглянул на художника: лицо его позеленело, пот заливал глаза, ноги и руки нервно чуть подрагивали. Замучил отходняк? Вот! Говорил же, приезжай к самолету трезвым, не туси с художниками и много не пей в воздухе!

Болтанка заметно усиливалась, малыш-катер скрипуче и жалобно терся и бился о борт более крупного судна. Мелькнула мысль: главное, не шлепнуться бы в воду между бортами — мгновенно расплющит, словно муху мухобойка!

Обычно я шел первым, но тут меня опередил смельчак Иван — он оказался чуть ближе к свисающему трапу. Батрэру сделал небольшое движение вперед ногой, потянулся руками и был мгновенно схвачен каким-то верзилкой, и, словно пушинку, разведчика мгновенно перебросили на палубу краболова. По инерции этот центнер с гаком пролетел еще метра два вперед, сшибая все на своем пути. Рухнул на палубу. Но мгновенно встал, отряхнулся, ободряюще помахал нам ладонью. Жив, десантник!

Трижды сплунув через левое плечо, теперь и я решительно ринулся вперед, вытаращив глаза и громко ругаясь. Все тот же громила и другой корена-

стый крепыш железной хваткой вцепились в меня и легко перекинули через борт.

Приземлился удачно, на ноги — хорошо, рыбаки не перестарались, не перекинули через левый борт, а иначе бы приводнился в волнах. В итоге и сам цел, и сумка с документами и компьютером не намочилась. И жив, и невредим, и даже не ударился. Ура!

Ваня же замер рядом, пристально глядя за борт на пенящиеся волны, потирая сбитое колено.

— Как ты? Не сильно ушибся?

— Терпимо... ребра и прочие кости целы. Только колени чуть расшиб.

Удачно, что приятель был в крепких перчатках — ладони не ободрались. Волны растянули наши суденышки чуть в стороны. Ланкийцы подработали двигателем, совершили небольшой маневр и вернулись в исходную точку для десантирования. Настала очередь Зверлинга.

Юлий стоял на болтающейся палубе, крепко вцепившись за поручни. Как, художник, еще не заблевал катер? Решился, прыгнул. Поймали, удержали, забросили на палубу «Баксова».

Темнокожие матросы тотчас подали сейф на борт, какой-то небольшой пакет, сумки. Экипажи дружелюбно помахали друг другу, и суда разошлись.

Операция прошла удачно — ничего не утопили. Вот и замечательно! А я очень переживал за благополучную доставку оружия — без автоматов мы простые лишние пассажиры. «Загрузившись» охраной, краболов «Баксов» тотчас двинулся в путь.

Начали знакомиться. Здоровяк оказался боцманом, имя — Геннадий, второй крепыш — кок.

— Виталий, — назвал себя добродушный качок и протянул для рукопожатия ладонь, размером с совковую лопату.

— Холодненькой водички не найдется? — попросил хриплым шепотом Зверлинг, с ходу уяснив, что здоровяк повар может помочь страждущему.

— Конечно, найдется! Сей минут! — пообещал кок и скрылся в надстройке.

— Страшновато было, Юлий? — ухмыльнулся я, глядя на потного товарища.

— Жутко. Эх, как тяжело быть стариком...

— Особенно пьяным старикашкой! Ну, какой ты старик? Тебе и шестидесяти нет! На тебе еще пахать и пахать, в Европе тебе бы работать до пенсии предстояло семь лет... Хватит болтать — пошли размещаться!

Зверлинг осмелел, отдышался и принялся приставать к боцману:

— Часто приходится пересаживаться в такой шторм? — спросил Юлий: — До чего же вы героический народ — рыбаки!

— А мы так никогда не высаживаемся... — ухмыльнулся боцман Гена. — Зачем рисковать жизнью? Кто будет потом семью кормить? В шторм с борта на борт — запрещено по технике безопасности.

— Но как вы действуете в таком случае?

— У нас на корме большая корзина — вот она лежит.

Боцман ткнул рукой в сторону кормы, на широкую, плетенную из канатов корышку с крепким дощатым дном.

— Ну и?.. — насупился художник.

— Мы ее цепляем краном, заводим за борт на катер, народ забирается внутрь, возвращаем и пересаживаем. Никаких проблем...

Мы были в шоке. Оказывается, все так просто!

— А почему нас столь экстремально принимали на борт? — искренне возмутился Зверлинг.

— Так вы же спецназ! — ухмыльнулся боцман. — Мы хотели посмотреть, как вы пересядете...

Мля! Забавно им! Шутники, блин!

Боцман проводил нас до просторной каюты и оставил размещаться, а мы были вне себя от возмущения, особенно недоволен был этой несправедливостью Иван. Разведчик вполголоса ругал шутников-рыбаков последними словами, потирая разбитое в кровь колено и ушибленное лицо.

Кают было мало, и всю нашу ораву поселили в восьмиместной на нижней палубе, однако с выходом прямо на камбуз. А что, удобно! Соблюден закон бывалого солдата: подальше от начальства — поближе к кухне. Выходит, завтрак, обед и ужин никогда не прозеваем.

В каюте оказалось хоть и просторно, но душно и жарко — рядом печи камбуза, а где-то под нами еще и тарактит, греет палубу двигатель. И иллюминаторы закрыты — высокие волны бьются о низкий борт и с плеском омывают стекло. Да и кондиционер, как вскоре выяснилось, практически бездействует — лишь слабая вентиляция гоняет воздух туда-сюда. Вероятно, на севере кондиционеры были без надобности, а когда пошли на юг — начальники и не подумали, что от жары моряки могут загнуться.

Вскоре мы уже изнемогали от удушья: старенький кондер в потолке шумно гудел, гонял теплый воздух вперемешку с пылью по каютам. Становилось все тоскливее! Давненько я так не страдал. Ох, измучаемся мы за две недели перехода!

В первую ночь был не сон — сплошные мучения в полубреду. Утром постепенно познакомились с прочим немногочисленным экипажем: всего чертова дюжина — тринадцать моряков. Улыбчивый и в то же время строгий к экипажу мастер Денис, представитель компании — молодой литовец, два штурмана Федя и Ваня, радист Степка, дед сибирский, эстонец Эдик Тиммо, еще два механика, три матроса: Саня, Серега, Алеха. Опытные рыбаки-крабоводы, с обветренными, просоленными физиономиями. Первые двое, Саня и Алеха, не только просоленные, но крепко пропитые. Самый молодой, сорокалетний матрос

Сергей — земляк из Питера, недавно перебрался в наши края из Приморья: полгода по морям, полгода охранником в офисе. Этот все время при деле, в отличие от других матросов.

— Пить и бездельничать некогда, надо на жилье зарабатывать, устал скитаться по чужим квартирам.

Шторм крепчал, волна поднималась, а с ней усилилась и качка. Болтало нас столь энергично, словно кто-то сунул наш краболов в огромную кастрюлю и принялся энергично трясти и раскачивать. Меня начало мутить, и я поспешил с мостика на палубу — не пачкать же помещение, нам тут еще не одну ночь спать. Выбрался, сел у борта, подышал, вроде полегчало. Встал — опять замутило. Вернулся, лег на койку — опять отпустило. Несколько часов мы мучились втроем, потом Ваня попил крепкого чая, и ему стало заметно легче, а мне и чай не помог.

Шторм с каждым часом усиливался, и краболов почти встал — двигались не более двух узлов в час.

С трудом поднялся в рубку — написать рапорт. Мощные многотонные волны били в «морду» суденышка так мощно, что казалось, вот-вот выбьет лобовое окно-иллюминатор — толстое, прочное стекло по-прежнему уверенно держало удар.

Рубка краболовного судна, которое нам предстояло сопровождать, была широкой, от борта до борта, и довольно просторной для такого малыша. Переборки отделаны деревом в коричневых тонах, а палуба укрыта ковровым покрытием. Мастер пояснил, что этот проект постройки называется американец-трубовоз, потому и присутствуют элементы некоторого излишества в виде деревянного зодчества.

— Загнивающий Запад!

С ходу строго предупредил — разувайтесь!

Действительно, штурманы и радист ходили в носках или в тапочках. Забавно! Ну что ж, будем разуваться.

Рубка «Баксова» для несения вахты охраной была вполне удобна — оснащена короткими крыльями, спереди небольшой, короткий, остроносый бак, немного удлиненная надстройка для обитания экипажа, и позади надстройки, на корме, рабочая палуба с краном и деревянным настилом. Именно на эту палубу выгружался улов, а затем краба подавали в цеха по конвейеру.

Мастер порадовался нашему удачному десантированию накануне, мол, если бы нам велели высаживаться сегодня, то нас бы не смогли принять на борт даже в корзине.

Коротко рассказал о себе, затем доложил боссу по связи и в каюту — продолжать болеть. А Иван часами пропадал в рубке, не желая наблюдать наши со Зверлингом мучения, да и любопытство разбирало бывалого разведчика: с детства мечтал стать рыбаком, но не срослось — война помешала учебе.

Мы же с художником вторые сутки страдали на пару. Но ведь мне нельзя постоянно валяться — нужно регулярно отправлять рапорт, нужно организо-

вать чистку оружия и, в конце концов, через пару дней необходимо встать на вахту!

Матросы быстро заметили наши страдания — посочувствовали, сжалились. Землячок Серега предложил чудодейственные таблетки.

— Вьетнамцы у нас работали, их постоянно на воде «штормило», так они их ели перед едой. Пара таблеток и тошноту как рукой снимало.

Художник посетовал на отсутствие водки — это народное средство было бы лучше всяких таблеток.

— Водочку бы мы и сами с удовольствием выпили, — парировал тощий, густо татуированный матрос Алеха с лицом, похожим на выжатый лимон. — Таблетки будете жрать? Иначе на нашей болтающейся скорлупе вы полрейса пластом провалитесь.

Я с радостью съел, но на всякий случай увеличил дозу до трех штук, ведь вьетнамцы гораздо легче нас.

Надо же, таблетки помогли чудеснейшим образом! Заметно полегчало, и я выполз в кают-компанию «заморить червячка». Повар Виталий щедрой рукой налил шей в огромную миску.

— Супчик помогает, — заверил меня кок. — Смелее кушай, не бойся — приживется!

Навернул порцию — вкусно! Прислушался к организму. Вроде желудок не протестовал — попросил добавки, почти сутки ничего не ел. Действительно, самочувствие улучшилось, словно и не было мне только что дурно.

Повар источал доброту и радушие:

— Кушайте сколько хотите! У нас самообслуживание, я не подаю — лишь готовлю.

Боцман Гена хитро подмигнул мне, щедро накладывая половником жареную картошечку с мясом в персональную миску размером с небольшую кастрюлю:

— У нас можно не скромничать и жрать сколько хочешь, например как я!

Повар осуждающе покачал головой:

— И куда в тебя столько лезет? Проглот!

— Сколько лезет, столько и вылезет! Я же не сижу на стуле на вахте, а вкалываю. Покушал и переварил в энергию молодецкую.

Теперь, когда я ожил, можно было спокойно оглядеться. Краболов — это не океанский лайнер-рудовоз, столовая общая. Антураж маленькой столовой не радующий: низкие переборки, тусклый свет двух ламп, в центре большой стол и вдоль стола две скамьи, большая плазма, а в углу напротив телевизора диван.

То, что свет в кают-компании тусклый — даже замечательно, мы ведь дверь в каюту не закрывали, чтобы не задохнуться и не угореть, поэтому постоянный свет от ламп не сильно в глаза бил. Рядом через переборку камбуз, размерами чуть меньше, но вполне просторный и освещение там ярче.

После обильной еды и двух кружек холодного компота самочувствие стало заметно лучше. Под-

нялся на мостик, послушал рассказ капитана о причинах столь странного рейса:

— На Камчатке и в Приморье работы не стало — квоты распределены между фирмами блатных и начальников. Блатные — это родственники чиновников, чекистов, прокуроров. Простым рыбакам в наших водах законных мест больше нет — приходится браконьерствовать. А с браконьерами у властей нынче разговор короткий — расстреливают наши «лайбы» из пулеметов, словно пиратов. И тут вдруг появились квоты в Северном море — норвежцы выделили литовцам долю на вылов как членам Евросоюза. Наши местные русские подсуетились и создали совместные фирмы.

— А ты разве литовец?

— Я? Русак! Видел, здоровый молодой парень по судну бродит? Валдис. Он и есть литовец — представитель национальной компании. Строит из себя крупного начальника, а сам дуб дубом. Этот Валдис какой-то бывший спортсмен, но, скорее всего, в прошлом мелкий бандюга. Вот и плывем незнамо куда и незнамо зачем. Будет ли зарплата за переход? Будет ли улов? Будут ли платить экипажу на путине, как обещали в Находке...

Ветер заметно утих, и теперь можно было осмотреться на палубе. Я окликнул товарищей, провели быструю рекогносцировку: рубка лишь на одну палубу выше остальной тянущейся вдоль всего судна надстройки — позади небольшое свободное кормовое пространство, заваленное краболовными ловушками и ванна-бассейн. Замечательно! Будет где охлаждаться после вахты! Крылья практически отсутствуют, зато можно пройти свободно в сторону кормы — сектор обстрела хороший. Жаль, лишнего металла нет, поэтому нечем укрепить ячейки для стрельбы. Но ведь можно прятаться либо за краном, либо за трубой, что тоже неплохо. Эх, главная печаль, что суденышко небольшое и борта низкие — мы почти на равных с лодками пиратов...

Следующим днем, едва завершился сильный шторм, как мы заделались стряпухами. Я смотрел фильм по ноутбуку, Юлий рисовал, Ваня делал видеофильм — внезапно за переборкой послышалось какое-то непрерывное бу-бу. Я лежал с краю, у выхода — поэтому, не поднимаясь, выглянул: почти весь экипаж, за исключением вахты (даже капитан пришел), уселись вокруг стола и чем-то сосредоточенно занимались.

— Что творим, мореходы?

— Пельмени лепим, — хмыкнул дед. — Присоединяйтесь — любая помощь принимается. Пельменей хотите?

— Хотим! Мне впервые попадает такое блюдо в меню на судах. А сразу почему не позвали?

— Думали, вас еще штормит — болеете. А для пельменей нужен коллектив — повар один не спра-

вится. Видите, какие у Виталика клешни? Ими медведей душишь, а не пельмешки лепить — вот и помогаем. Живее, к столу...

Океан постепенно успокаивался. Вахта — святое дело, даже если шторм, приходилось изображать бдительность и тянуть пустышку — работать для проформы, ведь на заливаемое волнами крыло не удавалось даже выглянуть — сразу смочет. Поэтому просто тупо смотрели по сторонам, пили чай-кофе и травили с вахтенными байки. Я пообещал мастеру, что как только отойдем подальше от Лакодивов — океан стихнет.

— Эх, Костя, твоими устами бы да мед пить!

— Зуб даю! А если стихнет — искупаемся в океане?

Денис ухмыльнулся и пообещал подумать. Но я настаивал, подначивал, рассказал, как мы уже не раз плескались в океане.

— Не дави на психику, майор! Сказал же — подумую. Знаешь ведь, что у меня на судне стукачок — европейский надсмотрщик...

Купание сложилось само собой. Интернет был лишь у литовца, он пару раз отказал мастеру в выходе на связь, пару раз попытался влезть в управление судном. Денис вспылил и прогнал европейца с мостика, а наутро объявил заплыв.

Механик застопорил движок, и мы дружно плюхнулись в бездонный океан. На мостике остался второй помощник и Зверлинг — бдить и наблюдать.

Ныряли, плавали вдоль борта, фотографировались — здоровенные мужики резвились и радовались, как дети. Иван пару раз окунулся и сменил на вахте художника, а капитан поменял штурмана.

Вскоре боцмана обожгла большая красная медуза — нечаянно обвилась щупальцами вокруг бицепса. Гена выскочил из воды как ошпаренный — рука мгновенно покраснела и опухла.

На этом купание плавно завершилось, больше никто не захотел быть обожженным. А вдруг еще и акулы появятся?

На следующее утро меня встревожил мастер, причем не на шутку. Заступив на вахту, я заметил, что щека капитана заметно напухла.

— Флюс?

— Угу! Зуб проклятый! Болит, зараза!

— Надо было перед рейсом полечить.

— А то я не лечил! — отмахнулся Денис. — Медкомиссию прошел, к платному стоматологу сходил. Такое ощущение, что когда мы купались — застудил. После теплой воды сел под кондиционер, и вот результат.

Я хмыкнул. Непонятно, как можно умудриться застудить челюсть при температуре воды тридцать два градуса и еле дуящем кондере?

Оказывается, можно!

С каждым днем ситуация усложнялась — лицо мастера постепенно увеличилось вдвое: сначала рас-

пухла щека, затем удвоился подбородок, и заметно утолщилась шея. На Дениса невозможно было смотреть без содрогания. Чтобы далее не усугублять болезнь — отключили кондиционер на мостике. Осталась лишь естественная вентиляция — открыли обе двери. Но какая может быть вентиляция при жаре в сорок с лишним градусов? Слабый ветерок гонял горячий воздух справа налево — получилась импровизированная сауна. Вахта на мостике превращалась в средневековую пытку, и, чтобы не получить тепловой удар, я брал оружие и либо отправлялся на бак, либо садился на приступку перед лобовым стеклом — хоть какой-то свежий воздух обдувал.

Постепенно мастер употребил все содержимое аптечки: сначала те таблетки, какие знал, потом начали переводить со словарем прочие иноземные препараты. Ничего не помогало — облегчение не наступало.

— Денис! Если так дело пойдет и дальше, мы можем тебя потерять! — всполошился я не на шутку. — Твоим подчиненным, возможно, все равно, выживешь или нет, а для штурманов и подавно карьерный рост! Но мне желательно дойти до Суэца с опытным капитаном.

— Чтoб тебе было пусто! Вот успокоил и почувствовал! — огрызнулся Денис. — Лучше бы ты мне дал хорошую таблеточку.

— Предлагаю пополоскать зубы: шалфей, сода с солью, отвар коры дуба...

— Сода есть, а где в море взять шалфей?

— Почему не спрашиваешь про кору дуба?

— Чего-чего, а дубов у нас достаточно! — криво усмехнулся мастер. — Бери любого морехода, ошкуривай и заваривай...

Пару дней Денис полоскал рот содой — результат нулевой.

— Эх, водочки бы или спиртику! — высказал идею Иван.

— Где ж его взять? Мы даже джин в дорогу не купили из-за бухающего Зверлинга!

Но тут ожил второй помощник, отвечающий за медицину.

— А ведь спирт есть! В моей аптечке лежит целый флакон...

Обычно спокойный и флегматичный мастер даже разозлился и грубо выругался:

— Саня! Ты почему молчал? Смерти моей желаешь?

— Но ведь это НЗ! На крайний случай.

— А разве я не крайний случай?

Ревизор принес бутылек со спиртом, мастер чуть пополоскал и принял остаток внутрь. Немного побурчал для профилактики на штурмана, затем оставил вахту на второго помощника и пошел умирать — или выздоравливать.

Утром на траверзе появился Аден, восстановилась потерянная на неделю связь со спутником. Получили письма.

Второй штурман Пиндоренко, родом с Донбасса, завизжал от счастья:

— Вау! Наши долбанули укропов! Хохлы бегут! Донецк деблокирован!

— А ты сам кто? — усмехнулся я. — Русский что ли?

— Донецкий!

— Теперь мы до Киева дойдем! — вторил ему наш молдаванин.

— Еще один россиянин, блин! Нам эти донбасские победы еще не раз аукнутся...

— Всех супостатов победим! — продолжал радоваться Иван.

— Центральная Россия не знает, как жить с зарплатой в пятнадцать тысяч, зато всех победим! — пробурчал Зверлинг. — Вся страна в кредитах, микрокредитах, ипотеках и залогах. То-то ты от хорошей жизни с нами пошел!

— Я целиком поддерживаю внешнюю политику президента! — огрызнулся Иван. — А вот во внутренних проблемах виновато правительство!

Мы с художником переглянулись и ухмыльнулись: как всегда, добрый царь и плохие бояре.

Денис продолжал мучиться зубами.

— Мастер, а может, зайдем в порт? Аден — большой город, столица Йемена, врачей много, тебе наверняка помогут.

— Заход судна стоит больших денег, и лечение дорогое. А если потерпеть? Что у нас будет дальше? Какой порт? А вдруг станет легче?

— А вдруг не полегчает?

Мастер загрустил, задумался.

Море было спокойным, погода безветренная, ход хороший, до Суэца пять-шесть дней ходу.

Денис взбодрился, тряхнул головой:

— Останавливаться не будем — дотянем! Сколько, думаешь, стоит в Йемене зуб вылечить или удалить? Тем более экстренно? И я не знаю. Но наверняка хитрые арабы обуют по полной программе. По страховке никто не станет лечить — только за наличку. А у меня всего сотня баксов. Потерплю до Хадейды, а если не ухудшится самочувствие, то и до Суэца...

Чудеса еще случаются: возможно, помогли полоскания и лекарства. Или крепкий организм сам переборол инфекцию. Основная версия Ивана и Зверлинга — спирт спас.

— Надо было давно накатить! — бурчал московский молдаванин. — Я ему несколько раз предлагал! А он мне одно, знай, талдычит: сухой закон, не пью. Вот и довыживался — чуть кони не двинул.

На третий день полосканий и приема спирта опухоль заметно спала. Вначале шея из бычьей приняла почти человеческую толщину, затем спрятанная за щеку «груша» стала исчезать. У Дениса появилась возможность поработать челюстями — капитан за неделю болезни сильно оголодал.

Едва мастер ожил, на судне закипела работа — все стали заниматься какими-то делами.

Народ, конечно, бубнил, зато перестал скучать и сетовать на жару, да и на мостике стало прохладнее — включили кондиционер.

Пошли душевные беседы, оживший капитан начал вспоминать любопытные истории. Накануне я посмотрел видео гибели транспортного судна.

— Жуткая история! Льды, море вокруг, а народ кто в шлюпах, кто на плотках, а кто вплавь. Народу, наверное, много погибло?..

— Да нет, только со стороны все произошло быстро и затопление судна так ужасно и страшно. Я был рядом в том районе на краболове. На самом деле эта катастрофа продолжалась несколько часов — фильм ведь смонтирован для эффекта восприятия зрителями. Весь экипаж успел пересест на подошедшие суда. Обошлось без жертв, хотя, конечно, какие-то вещи у народа утонули. А вообще, по большому счету, катастрофы чаще всего происходят от безалаберности и разгильдяйства. Человеческий фактор! Хозяева гонят в море — скорей-скорей, ведь им нужна в первую очередь прибыль. Главное, интересы бизнеса. Так и в том случае — погнажи судно в район льдов, выгода важнее жизни. Поэтому судьба моряков хозяев особо не интересует. Хорошо, если хотя бы застраховано и судно, и экипаж, а то частенько бывает, гонят: давай-давай, а рыбаки идут на свой страх и риск. Моряки вынуждены соглашаться — семьи надо кормить. И в свою очередь капитаны тоже спешат поскорее выйти в море — каждый рабочий день большие деньги. Вышли слишком рано в район: попали во льды, напоролись — борт порвало. Суда старые, ржавые, железо рвется, как картон. Хорошо, что в той катастрофе мастер не стал слишком долго бороться за живучесть древнего корыта — сберег людей, и все уцелели, успели сойти на спасательные средства и даже с вещами и документами, без паники. А могло быть, как на той плавучей буровой, которая затонула в прошлом году в районе Сахалина. Начальники проявили героизм! Хотя есть и вторая правдоподобная версия — криминальный сговор хозяев и мастера. Открыли кингстоны, затопили судно. Слишком прошло гладко: экипаж и пассажиры даже ценные вещи успели взять в шлюпки. Фирма была почти банкрот, утопила транспорт и получила хорошую страховку. За долгие годы работы рыбаком многое повидал, и бывало всякое: и трудовые подвиги, и хорошие заработанные деньги, и полные провалы — безденежье. Однажды я рискнул — вышел за крабом на пару недель раньше. Другие капитаны смеялись, мол, авантюра, отговаривали — льды, погода плохая, но я все просчитал. Пока добрались до района лова, море устаканилось и успокоилось. Когда другие краболовы до района дошли, мы уже набили полные трюма и холодильники крабом и рванули в Японию. Чутье меня не

подвело — заработали замечательно, а я за ту путину «поднял» миллион...

— Рублей? — ахнул я.

— Чудак! Кто же у нас считает в рублях? Ты еще в иенах посчитай. Долларов! У нас ведь работа по контракту оценивается не только договором, но и паем. Рыбаки как артель! Мой капитанский пай в экипаже, как и положено по рангу, самый большой. Однако по завершению лова хозяин предъявил мне претензии, что я его обворовал и выдал только половину заработка. Я рыбачил абсолютно честно — как дурак и ни копейки в тот контракт не украл! Но хозяина жадность обуяла — оштрафовал. А надо было бы украсть! И я ведь действительно мог обобрать. В результате получил лишь «пол-лимона» и обиделся — больше я на него не работал.

— Ни хрена себе! Пятьсот тысяч баксов! С такими деньгами и продолжать ходить в море рыбачить? Зачем?

Мастер грустно усмехнулся:

— Тех денег давно уже нет и в помине. Даже большие деньги, как вода — текут сквозь пальцы. Машина, квартира, дачный домик, учеба дочери... И вот нынче я уже практически нищий...

Я лишь недоверчиво и осуждающе покачал головой: хотелось бы мне быть таким нищим!

С каждым часом мастер становился все бодрее, опухоль исчезала на глазах, и тема захода в порты Йемена окончательно лишились актуальности. В море полный штиль — самая благоприятная пиратская погода, однако мы вполне успешно вышли из опасной зоны. Почистили стволы, упаковали в сейф — контракт завершался. Вышли в заданный египтянами квадрат и легли в дрейф. Пограничный катер по связи сообщил, что прибудет лишь через три часа. В результате нам повезло — еще раз успели покупаться в море, и пусть лишь на рейде Сафаги, но все равно в открытом море. Конечно, глубина не та, что была в океане — лишь пятьсот метров, но и купание на этом мелководье было в удовольствие, море есть море, не сравнить с барахтаньем у берега среди толпы сумасшедших туристов...

Отдых в Сафаге

Нашей команде опять повезло — встречный рейс! Быстро сдали без проблем стволы арабам, подумали, что вскоре улетим домой, однако нас отвезли в отель — ждать какой-то дальневосточный танкер. И самое замечательное в этой истории, что подопечный танкер прибудет к Сафаге нескоро — почти через неделю. Ух, ты! Бесплатный отдых в Египте в пятизвездочном отеле! Да за это удовольствие нормальные люди кучу денег платят! А у нас все наоборот: отдыхать, загорать, купаться... И зарплата капает. Вернее сказать, зарплату в эти дни не получаем ни цента, но и с нас за отдых не удерживают ни доллара...

Арабский городок Сафага и одноименный порт оказались в стороне от курорта, километрах в пяти, и все магазины довольно далековато. Сам курорт новый — лишь десяток недавно построенных отелей.

Разместили нас хоть и в тесноте — в одном номере, зато с комфортом: холодильник, кондиционер, кровати. Отдельные кровати — самое главное в размещении, а то однажды арабы попытались сэкономить и нас с приятелем уложить на двухместную койку...

Отель оказался заселенным в основном немцами и итальянцами, плюс десяток сторонящихся нас украинских семейств — вот и все русскоговорящие постояльцы отеля, поэтому наш небольшой коллектив с радостью и живо откликнулся на любую услышанную родную речь.

После заплыва на короткую дистанцию в лагуне мы с дедушкой Ю в очередной раз сходили к бару за порцией джина с тоником и улеглись на шезлонги под тенью навеса — лишний загар вреден! Ведь мы и так уже во время перехода через океан получили цвет кожи почти как у малайцев.

Залпом выпили первую порцию коктейля, принялись смаковать вторую, и вдруг откуда-то справа послышался легкий русский матерок. Зверлинг навострил уши — быть того не может! Вроде бы с утра рядом с нами отдыхала большая немецкая компания и всю шпрыхала?

Я тоже прислушался, пригляделся: на туристическом топчане ругалась парочка в возрасте прилично за пятьдесят. Соседи именно ругались по-русски, а прочие слова, но на повышенных тонах они говорили по-немецки. Причем лица были явно рязанского производства: тетка типичная ткачиха или зоотехник, а мужик — вылитый шоферюга-дальнобойщик.

Ребята, да вы хоть в Суринаме поселитесь и пластику сделайте, а природу до конца не обманешь и породу не спрячешь.

Мы со Зверлингом понимающе перемигнулись.

«Серьезно, это немцы? Да ладно!»

Соседи нудно переругивались вполголоса примерно полчаса.

— Юлий, это явно лаются муж с женой! — тихо поделился я предположением с художником.

— Вероятно! — хитро ухмыльнулся приятель. — А по-нашему, матом гутарят, вероятно, чтоб друзья немцы не поняли.

Я выждал паузу и во время короткой передышки между всплесками брани поздоровался с соседями:

— Привет земляки! Вы откуда?

Тетка хмуро окинула меня плохо скрываемым, презрительным взглядом, прикрыла глаза огромными темными очками и отвернулась, всем видом показывая, что я ей не интересен — бурчание на мужа занятие гораздо увлекательнее. А мужик, наоборот, оживился, радуясь возможности отвлечься от семейной ссоры.

— Привет! Только вы ошиблись, товарищ, мы давно не советские, мы русские немцы.

Я кивнул, в знак понимания — назвал себя и приятеля.

— Мы из Питера. С друзьями в командировке, по работе, а тут типа в турпоездке на неделю. Второй день отдыхаем. Кстати, у меня тоже целая толпа родственников живет в Ганновере, Гамбурге и Бремене. Разного возраста: и молодые, и старые. Молодые вроде всем довольны и нравятся, а старики бубнят — в Советском Союзе были начальниками, а в Германии либо существуют на социале, либо трудятся с понижением статуса.

Незнакомец протянул руку — поздоровались.

— Юрген, а в прежней жизни Юрий. Супруга моя Либхен — Люба.

— Откуда? Вероятно, из Казахстана переехали?

— Какая разница, все равно ты не знаешь этих мест, — буркнула тихо Либхен.

— Почему? Я много где в Средней Азии жил и служил: Туркмения, Узбекистан, потом Афганистан...

— Мы переехали из Киргизии, — мягко, словно извиняясь, улыбнулся Юрген. — Из маленького поселка, название которого тебе ничего не скажет...

— Скажет. Я тоже в Киргизии в детстве четыре года жил...

Тетка явно прислушалась к нашему разговору, ее ухо шевельнулось и чуть оттопырилось в нашу сторону.

— Мы из Краснооктябрьского...

— Блин! — Я не удержался и ругнулся, вырвалось от неожиданности. — Я тоже жил в Краснооктябрьском — два года. А затем два года во Фрунзе, ныне киргизском Бишкеке.

— Ух ты, земляк! Но мы явно постарше тебя будем, наверное, никаких общих знакомых.

— Да я тоже не мальчик — мне пятьдесят три...

Тетка перестала скрывать интерес к разговору и повернулась всем своим массивным корпусом.

— Шестьдесят первого года?

Я кивнул.

— Да, ну! Ровесник! Ты в каком классе учился? Что-то я тебя не помню!

Дама пристально вглядывалась в меня, а я жалостливо в нее: милая, что с тобой сделали годы...

— Учился в «А» классе! А ты?

— Я всех помню в «А», хотя и училась в «Б». Как твоё имя и фамилия, говоришь?

Я назвал. Тетка пожала плечами — не помнила.

— Тогда ты покажись — может, я тебя вспомню! Сними очки!

Немка сняла мордозакрывающие большие очки — продемонстрировала помятое лицо. Я покачал головой:

— Нет, не помню.

— Так ты в какую школу ходил-то?

— В центральную, возле Дома культуры. А ты где училась?

— Ну вот, тогда понятно, то-то я тебя не признаю — я ходила в ту, что возле сахарного завода!

Теперь оживился Юрген:

— Ба! Однокашник! Но я года на четыре тебя постарше буду — тоже учился в центральной! Вероятно, и ты, и твои одноклассники подзатыльники от меня получали. Забавно! В Египте на курорте встретились земляки по Киргизии, живущие ныне в разных странах!

Мы пожали друг другу руки, Юрген-Юрий дружески похлопал меня по плечу.

— Эх, как быстро летит время, вроде вчера жил в Киргизии. Много всякого, и грустного, и забавного, произошло со мной за эти годы — чем только не занимался: жил на социале, потом бизнес мутил, прогорел — работал таксистом, курьером и даже год был безработным. Сейчас дело пошло уже к пенсии, тружусь инженером на заводе. Чего только в Германии не увидишь и не услышишь, абсолютно другой мир! Иной уклад жизни и нравы. Расскажу тебе одну забавную историю. Ты, вероятно, многих своих учителей помнишь?

Я кивнул.

— Эйвальда помнишь? Подполковника, преподавателя начальной военной подготовки?

Я снова кивнул, еще бы не помнить Эйвальда! Этот старый негодяй шугал малышню и не давал озорничать и постоянно зло подшучивал над старшеклассниками. В углу школьного двора, под сенью тополей и карагачей прятался летний уличный туалет сортир, и старшеклассники на переменах там покуривали, а забычкованные окурки прятали в досках крыши. Так вот, военрук набивал окурки порохом — таким образом отучал пацанов от курения. Старый негодяй! Задымит сопляк окурком, и бац — папироса ярко вспыхивает и опаливает куряке губы и нос. Шутник, блин!

Юрген усмехнулся чему-то своему и продолжил:

— Вот-вот! Вспомнил, как он над нами, пацанами, издевался? Я тоже пару раз рот порохом обжег! Так вот к чему я спросил про Эйвальда: наши семьи выехали в один город — живем по соседству. Год назад наш земляк Эйвальд вышел замуж.

— Чего-чего? Наверное, женился?

— Да нет же, именно замуж! Со старой женой развелся и вышел замуж за молодого немца!

При словах старая жена Либхен вспыхнула, буркнула что-то по-немецки, чтоб мы с друзьями не поняли, и ушла купаться, а я не выдержал и громко захохотал. Вот какой неожиданный фортель выкинул бывалый отставной вояка!

— А что сказала прежняя семья?

— Сыновья в полном афхуе! Да вся наша киргизско-немецкая община обалдела! Поначалу Эйвальд порвал с коммунистическими идеями, потом записался в крепкие баптисты, затем впал в блуд и разврат. И теперь не он, а его регулярно...

Юрген злорадно ухмыльнулся, а я несколько минут переваривал шокирующую информацию и молчал. Новый знакомый закурил и продолжил рассказ

о своей жизни, благо жена ушла купаться, потеряв в очередной раз ко мне интерес.

— Вывез Любку на воды — восстанавливаем семью. Ты же видел, какая она стала? Выглядит не фонтан. Я на два года уходил к молодой. Постепенно растратил все накопления бизнеса, деньги закончились, и молодуха сбежала. Вернулся к родному очагу. И, возможно, зря вернулся к прежней. Разбитую чашку не склеить. Каждый день упреки, бурчание, буквально поедом грызет! Тоска...

Мы быстро выпили по стакану джина за встречу и знакомство, простились, и затурканный Юрген поспешил в море слушать упреки постылой супруги, а я вернулся к холодным коктейлям.

В тот день я долго валялся на лежаке, пил, загорал и не переставал удивляться жизни: ай да Эйвальд, ай да сукин сын! Или теперь, в свете новых реалий: ай да Эйвальд, сукина дочь?..

Танкер «Золотой паром»

В порту сели на морской буксир «Safa» и дольше часа добирались до танкера. Едва суденышко набрало скорость — его начало захлестывать волнами и швырять. Далеко на горизонте виднелся «Золотой паром» — я посещал его уже вторично. Предстояла новая встреча с моим старым другом стармехом дядей Вовой.

Встретились почти как родные, обнялись — в который раз идем вместе. Рассказали друг другу байки про знакомых: я про прежних охранников, дядя Вова про членов экипажей.

Заселились, представились старому капитану. Мастер оторвался от бумажек на минуту, назвал:

— Аркадий Иванович! Впервые иду Красным морем и пиратским районом. Константин, поделись свежей информацией о пиратах.

Рассказал более-менее свежие слухи и байки, новости в стране и в мире и отправился располагаться в каюту.

Поселили в овнерской — в каюте судовладельца на самом верху, а подчиненных в госпиталь — на первой палубе. Так бывает, вполне здоровые люди иногда живут в госпитале. Госпиталь — большая темная каюта на две койки, с наглухо задраенными большими металлическими иллюминаторами. Однако большой плюс госпиталя, помимо душа в туалетной комнате большая ванная и прямо по соседству — сауна. Хотя в этих тропических широтах сауна была нам ни к чему, зачем еще греть косточки при наружной температуре плюс сорок. Кроме деда — дяди Вовы парную в тропиках никто из экипажа не посещал.

В первый же день Юлий повел себя довольно странно: то и дело поднимался ко мне в каюту и спрашивал о самочувствии, о странных звуках, раздающихся на судне, рассказывал о том, что слышит меня, лежа в госпитальной койке.

— Ты не можешь меня слышать, между нами три палубы и телефонная трубка у меня не снята!

— Не знаю, Костя. Но на этом судне раздаются вообще какие-то странные звуки.

— Юлик! Какие еще звуки? Ты, часом, не заболел?

— Я вполне здоров. Но скажи честно, ты точно ничего не слышишь? Какая-то странная мелодия звучит повсюду и дебильный набор слов: эй, ей, раньше было веселей, веселенный веселей, а нынче будет весело, веселей, веселей...

— У тебя жар? Ты случайно не простыл?

— Жара нет, но чувствую себя неважно. Я ужасно расстроен — Борис Стругов умер...

Я с удивлением посмотрел на художника.

— Ты получил мэйл? С утра в отеле прочитал новости?

— Нет, все гораздо сложнее — он мне ночью являлся. Приходил во сне и жаловался на то, что ему холодно и скучно. Явно умер!

Я встревожился: а дела-то с нашим художником обстоят хуже, чем кажется на первый взгляд. Странное заявление: то песни звучат, то музыка, то покойники являются. Не сошел бы с парохода посреди океана с вещами...

— Костя, не переживай, со мной такое уже было, и не раз: в армии папаша ночью в казарму являлся — во время службы в Германии. Затем брат-художник, когда он лежал в больнице после операции — жаловался, что отрезанная нога болит. В свое время еще пара друзей приходила перед самой смертью. Теперь вот зашел Борис...

— Зверлинг! С тобой не соскучишься! Опять чудись!

— Да почему я чудю? Со мной такое бывает — невольно чувствую приближение смерти у знакомых людей. В прошлый наш морской поход Стругов уже приходил, помнишь, я тебе говорил. Но тогда обошлось — выжил, у него лишь случился обширный инфаркт. А нынче я чувствую, наш знаменитый фантаст не выкарабкается.

Я внимательно посмотрел в глаза приятелю — не шутит? Вроде нет, и Юлий либо перегрелся на солнце, либо на курорте перепил. Симптомы белой горячки? Более чем странное у него поведение. Вот же ранимая, творческая натура, блин.

— Юлий! На солнце сегодня больше не выходи — рисуй в теньке.

Зверлинг посмотрел на меня затравленно, с тоской в глазах:

— И ты меня считаешь психом?

Я ухмыльнулся — а кем еще? Но уклонился от искреннего ответа:

— Не психом, а жертвой бескрайнего морского простора. Океан — это стихия. Мне о таких случаях моряки рассказывали — море зовет. Прошлым летом украинский стармех пропал в районе Лаккодивских островов — «сошел» ночью с супертанкера, посреди океана, на пути в Китай. Хотя, вполне воз-

можно, что его просто скинули за борт мотористы-филиппинцы или механики-румыны. Но, кто знает, возможно, действительно обошлось без криминала, и он сам спрыгнул или нечаянно свалился по пьянке за борт. Тебе до вахты сколько осталось?

— Три часа.

— Вот! Иди, отдыхай! Вздремни, только музыку дурацкую — мантры Дэвы Прэмал — больше не слушай.

— В этот раз я мантры и не слушаю. Это кто-то врубил магнитофон на всю мощность. Спроси у капитана — кто может так громко слушать музыку?

— Юлий, не дури. На вашей палубе помимо тебя и Вани из моряков никто не живет, можешь проверить, пройти и заглянуть в подсобки.

Зверлинг вздохнул, грустно усмехнулся и, устало шаркая ногами, отправился к себе — очевидно, общаться с покойным фантастом Борисом.

В первый день я тесно пообщался не только с дядей Вовой, но и с капитаном Аркадием Игоревичем. Мастер был уже не молод — шестьдесят пять лет, но продолжал бодриться и кобелировать — спал с пышной сорокалетней поварихой. Договорились на следующий вечер отметить знакомство.

Сели поужинать у него в каюте: моя команда, стармех, мастер и его дама сердца. Дед Косачич в ходе застолья был малообщителен, хмурился и быстро отклонялся, сославшись на тяжелый день, да и мы не стали долго засиживаться.

— Ты чего сбежал? — спросил я, заглянув после застолья в каюту к дяде Вове.

— Да ну его! Не хочу! Постоянно тянет к застолью свою бестолковую повариху. Ее место на кухне, ну и в койке — зачем звать в мужскую компанию?

Дед вынул из холодильника две банки пива:

— Давай лучше у меня в каюте музыку послушаем да спокойно поговорим по душам.

Начали с пиратской темы, затем перешли на литературу, как всегда закончили политикой: Крым, Донбасс. Я — либерал, дядя Вова скептик-консерватор. Споры затянулись глубоко за полночь.

С утра восстановили оборону: достали макеты пулеметов, сделали из концов бойницы, обтянули леера нижней палубы колючей проволокой, а также затянули колючкой внешние трапы.

На восемнадцатом градусе довольно рано застучали на вахту — мастер настоял. Аркадий Игоревич внимательно слушал наши рассказы о пиратах, нервничал и менялся в лице — отдал приказ по судну отключить все сигнальные огни, затемнить иллюминаторы, выключить АИС.

Старпом Эдуард оцепенел от такого приказа и обратился ко мне за поддержкой:

— Разве так можно? Это ведь грубейшее нарушение правил судовождения. К тому же узкость — про-

ходим Баб-эль-Мандебский пролив! Разве здесь так ходят?

Я пожал плечами:

— Бывало и такое. Помнится, мы в две тысячи одиннадцатом году на супертанкере стотысячнике шли, и мастер тоже все отключил. Но когда это было — в пик активности пиратства! Тогда сомалийцы каждый день нападали либо захватывали что-то, а сейчас гораздо спокойнее. Но всё на усмотрение мастера...

Чиф выругался: «Да пропади все пропадом» и выполнил распоряжение начальства.

А капитан продолжал суетиться, нервничать, психовать, ругать экипаж, если у кого-то хоть тонкая полоска света пробивалась из иллюминатора. Пока шли Аденским заливом и мимо Сокотры, с мастером едва не случился инфаркт — он изменился прямо на наших глазах.

— Ты видел, что творится с Аркадием? — спросил у меня через неделю встревоженный дядя Вова.

— Ага — стареет!

— Не то слово! То ли от страха, то ли повариха заездила — здоровье кончается. А возможно, влияют оба фактора. В начале рейса зачем-то обрился, теперь этот его короткий ежик резко покрылся седью. А заметил, какими стали щеки?

Заметил! Но поначалу не придавал особого значения: хотя и впрямь щеки мастера впали, одрябли и обвисли, шея утончилась, подбородок заострился. Но меня волновал не столько мастер, сколько третий помощник — заметно побитый жизнью пожилой третий штурман Игорек — ведь я с ним стоял вахту. Маленького росточка, слегка горбат, сутул, кривобок, с рябоватым лицом, как в народе говорят: «шиллом бритый».

Посмотрел судовую роль, а старичок — мой ровесник. Много повидал, много переживал? Или лишнего попито?

Я не выдержал и на одной из вахт спросил:

— Семен, а ты почему все еще в третьих ходишь?

Штурман хитро усмехнулся:

— Долго был радистом — начальником радиостанции. Как начали должности сокращать, переучился. Надо было лет на пять пораньше получить диплом штурмана — опоздал...

С первого дня я заметил за Игорем некоторые странности: сам с собой разговаривает, хохочет, наклонится над рабочим штурманским столом и пишет что-то целый час, при этом посмеиваясь. Наблюдал я за ним, наблюдал, да и поинтересовался:

— Что ты все время пишешь?

Игорек оторвался от бумаг, вытаращился на меня с удивлением:

— Как что? Я же штурман! Заполняю судовой журнал...

— А чего его заполнять-то половину вахты. Десять строк...

— Так на английском же...

Спросил у деда про Игоря, тот отмахнулся:

— Не обращай на него внимания и не принимай близко к сердцу — штурман из него никакой, мается с ним старпом! Я б на месте Эдуарда давно скандал устроил, но старпом наш неопытен: молод, вспыльчив, горяч. Самый толковый — второй штурман Женя. Буду переходить на другое судно — составлю Евгению протекцию на старпома и забегу. А твоего Игорюшу я называю племянником капитана.

— Почему моего? Вашего...

— Твоего, ты с ним вахту стоишь! — рассмеялся дядя Вова. — Наш мастер Игоря всюду за собой таскает с судна на судно, и поварику в придачу. Шведская тройка, блин...

Рейс подходил к завершению, танкер миновал Лаккодивы и проходил мимо Индии. Дед Владимир принялся потчевать меня и Зверлинга грузинским вином, которое он закупил в большом количестве в порту Потти.

Любитель более крепких напитков художник — морщился, но пил.

— Юлий! А можешь ты мне каюту расписать? — спросил стармех. — А то скучно живу: лежу и смотрю на голые серые стены месяц за месяцем...

— Вдохновение нужно! — Художник хитро подмигнул Косачичу. — Кисти и краски надо бы смазать...

Понятливый дед сразу достал из холодильника бутылку армянского коньяка:

— Такая смазка пойдет? Сгодится сей растворитель?

Зверлинг радостно улыбнулся и взялся за мелки и фломастеры:

— Дед, а ты для меня музыку пожеше включи...

Меломан дядя Вова врубил на полную громкость музыку «Ugiah Heer» и отправился в машину проводить инструктаж. Я потягивал коньяк из бокала, чокаясь время от времени с приятелем, на мгновение отрывая того от ваяния, а великий и гениальный, поймав вдохновение, без усталости трудился. Через час две переборки были изрисованы многочисленными, трудно понятными граффити-фресками. Однако и на трезвую голову впечатляло!

Дед вернулся из машинного отделения после постановки задач подчиненным и замер у порога с широко раскрытыми глазами и открытым в восхищении ртом.

— Вот это да! — только и смог вымолвить стармех.

— Плохо? Не нравится? — забеспокоился Юлий.

Косачич показал художнику оттопыренный большой палец правой руки:

— Гениально! Юлий, это именно то, что я хотел! Супер! Теперь весь оставшийся контракт буду, лежа на диване, смотреть на шедевр и наслаждаться. Эх, как же эту переборку позже вырезать и домой отвезти?..

После рейса повезло. Полковник Алекс за успешную работу дал три дня отдыха на Шри-Ланке. Экскурсия по туристическому городишку Галле и Унаватуна, купание утром, днем и ночные заплывы. Вылет домой ночью из Коломбо, а перед этим обычная суэта: сувениры, подарки.

Над океаном самолет попал в грозовой фронт, и нас довольно прилично потрянуло, да так, что огромный авиалайнер на сотни метров провалился в большую «воздушную яму». Запили испуг джином — успокоили нервную систему, а лайнер долетел до Эмиратов и благополучно приземлился в Дубае.

Два часа между рейсами провели в гулянии и спокойном созерцании товаров в дорогих магазинах — деньги закончились. Хотелось поскорее домой, впечатлений за рейс достаточно. Однако на этом наши приключения не закончились.

Мы окинули на прощанье взглядом шикарный зал ожидания и поспешили сесть в гигантский авиалайнер «Боинг-777» рейсом на Москву, который замер в ожидании пассажиров у гибкого выдвижного трапа из аэровокзала. Погрузили многочисленные пакеты в отсеки ручной клади, сели на места, указанные в билетах, пристегнулись, принялись настраивать фильмы на персональных экранах. И тут случился непредвиденный инцидент. Почти одновременно с нами в салон зашла шумная группа из двадцати мужчин — по виду и разговору явно сменная команда моряков-россиян. В десятиместном ряду эконом-класса, через проход от нас сели два молодых моряка — поговору я уловил — кубанцы, точнее, новороссийцы. Внезапно их диалог перешел на повышенные тона, слово за слово, и так далее... по столу. А так как под крепкой рукой моряка стола не было, то широкоплечий детина два раза со всей дури саданул более тощего соседа по физиономии. Оба были явно с бодуна. Тот, которого ударили, слегка взвизгнул и закрыл лицо руками, а здоровяк с громким матерком нанес третий удар мощным кулаком по голове. Сидевший в предыдущем ряду мужчина в годах вскочил и сделал запоздалое замечание:

— Бойман! Ты что творишь?

— Мастер! А почему он на замывке постоянно сачковал? И на судне явно крысятничал с деньгами!

— Вася, ты бы еще через год вспомнил тот случай! Целую ночь шатались по аэропорту и не могли выяснить отношения? Отложили разборки в самолет?!

Отомстив бездельнику, непьющий здоровяк отвернулся в сторону, словно он ни при чем. Однако ссору заметила одна из стюардесс — громко заверещала и позвала бригадира. Примчалась довольно крупная и высокая шоколадная азиатка, и вдвоем они принялись допытываться, что случилось, в чем причина вспыхнувшего конфликта. Побитый матрос по-прежнему закрывал руками лицо и стонал, а бойман Вася, отвернувшись, помалкивал.

Капитан вновь встал, попытался объяснить с персоналом на английском, но его резко оборвали и велели сесть. Стюардессы вызвали командира корабля. Подошел крупный араб в форменной рубашке с погонами, задал девушкам пару вопросов, строго посмотрел на конфликтующих — принялся совещаться с бригадиршей бортпроводников.

Мастер попытался вновь вмешаться в дискуссию, объяснить, что да как:

— Господа! Мы сменный экипаж, возвращаемся домой после почти года работы. Я — капитан экипажа судна и старший этой команды. Люди устали, вспылили — с кем не бывает? Готов взять на себя ответственность за них на время полета!

Пилот резко прервал речь мастера:

— Вы были их начальником на судне, там и надо было воспитывать подчиненных. А на воздушном судне главный — я! И я несу всю ответственность за безопасность пассажиров. Сядьте на место и помалкивайте, иначе высажу вместе с этим вашим дебоширом!

Летчик ушел в кабину пилотов, двигатели заглушили.

— Боцман, ты идиот! — воскликнул мастер. — Сейчас начнутся разборательства — схлопочешь штраф или срок! Дебил!

Действительно, вскоре открылся пассажирский люк, и в салон вошли четыре бородатых секьюрити в форме — сотрудники службы безопасности аэропорта. Они изъяли паспорт у хулигана, записали данные и доложили о чем-то по радиостанции на арабском. Задержка рейса затянулась. Вскоре появилась полиция — четыре офицера с дубинками и пистолетами. Главный из них велел боцману подняться со своего места, двое других застегнули наручники на запястья, крепко взяли под руки и повели на выход, подталкивая в бок «демократизаторами». Помимо нарушителя порядка забрали и побитого — дать показания. Мастер попытался в последний раз замолвить словечко за подчиненных, но полицейские его даже слушать не желали. Рейс отложили: багажный люк открыли, выгрузили багаж и принялись искать вещи высаженных из самолета «дуэлянтов».

Пассажиры с напряжением наблюдали за развернувшейся драмой и помалкивали — никому не хотелось коротать даже малое время в арабской кутузке. Конечно, балбеса боцмана было жаль, думать надо головой, что творишь! Однако мозги ему в это утро заменял алкоголь...

Вещи задержанных выгрузили, багажный отсек заперли, пассажирский салон закрыли — самолет взревел движками и покатил на взлетную полосу. Наш рейс заметно выбился из графика, и лайнеру пришлось дольше часа постоять на полосе, в ожидании «окна». Благополучно взлетели. Ну, наконец-то домой!

Караван краболовов

В апреле подвернулся очередной внезапный контракт — сопроводить дальневосточные краболовы.

Команда из восьми человек на четыре судна. Боссы явно экономят на зарплате. Общее руководство на мне.

На мой вопрос: за вакантного охранника каждому чуток зарплату добавят? — получен ответ руководства: догонят — поддадут!

Экономия! Контракт почти убыточный...

Летим: я, Остроногин, экс-спецназовец Зверлинг, экс-разведчик Матвеев, экс-морьяк Кабыла, отставной чекист Саня Козловских, уволенный из армии полковой начфиз Слава Баранов, и еще один Баранов, Коля, условно осужденный и уволенный за какие-то провинности мент. Хм-м... не команда, а какое-то парнокопытное стадо...

Слава Баранов подтянулся к нам в Москве, транзитом из Эстонии, с места своего постоянного проживания. Одет импозантно: кожаное пальто, фирменные джинсы, на шее повязан элегантный шарфик. Настоящий европеец!

В Египет и Турцию — после взрыва чартерного самолета полеты под запретом, поэтому рейс через нейтральную Беларусь.

Российские пограничники и в этом случае настроже:

— Куда, зачем? Туристические поездки в Турцию и Египет запрещены! Почему транзит через Турцию?

— Не туристы мы — работать.

Поясняем, зачем летим — в глазах государевых слуг сквозит сомнение. Но в итоге, полистав наши испещренные египетскими и ланкийскими визами паспорта, нехотя штампуют. Без улыбки на лице пропускают.

Проблемы в каждом аэропорту с нашим европейцем — в паспорте у него написано на английском — «Чужой». Пограничники всех стран ухмыляются, удивляются — приходится пояснять, что он не пришелец, не инопланетянин, а просто человек без гражданства.

Час на поход по магазинам. Удивительно, но парфюм и спиртное в дьюти-фри Минска гораздо дешевле, чем в Дубае. Сомневаюсь в подлинности:

— Самопал?

Молоденькая симпатичная продавщица краснеет, обижается.

— Почему самопал? Все настоящее!

— Значит, польская контрабанда...

— И почему русские транзитные пассажиры постоянно пытаются оскорбить и обидеть нас, честных белорусов?

Ладно, поверим. Чтобы загладить вину, берем всего и много: виски, джин, «Gucci», «Chanel № 5»...

Авиалайнер «А-330» своевременно вылетел из Дубая в Коломбо — все шло по плану, как обычно.

Самолет, натужно ревя мощными двигателями, резко набирал высоту и постепенно уходил от берега в глубь Персидского залива. Мои бойцы уютно устроились в креслах, слегка переругиваясь и перешучиваясь — приготовились позавтракать и пропустить перед сном по рюмочке коньяку или виски. Как вдруг наши обычные планы были нарушены происшествием — на воздушном судне произошла авария: откуда-то сверху появился легкий белый дымок, который потихонечку усилился. Пассажиры забеспокоились, начали кричать и звать на помощь стюардесс, показывать пальцами на багажные отсеки.

Девушки в форме примчались, начали осматриваться, но вроде все стихло — никакого дыма. Строго прикрикнули на ланкийцев. Основная масса пассажиров — возвращающиеся домой гастарбайтеры из Эмиратов. И тут из полка для ручной клади — мощный выхлоп и вылетели густые клубы белого дыма. На лайнере поднялась паника: крики мужчин, женский визг, детские вопли.

Стюардессы кинулись к месту задымления, распахнули отсеки и принялись швырять в проходы ручную кладь в попытках обнаружить причину появления дыма, но поток дыма не ослабевал, а, наоборот — усиливался. Хорошо, пока без огня, но может появиться и он.

Паника нарастала, женщины вопили все громче, усилился детский плач, и лишь наша многочисленная подвыпившая боевая группа оставалась более-менее спокойной и флегматичной, а Зверлинг воспринял это происшествие философски и даже как «повод»:

— Я знал, что добром это не кончится — надо бы выпить! Сейчас мы упадем и разобьемся трезвыми...

Некоторые пассажиры размышления вслух художника услышали и поняли: девица, сидевшая в нашем ряду чуть сбоку, внезапно с воплем: «да пропади все пропадом — хоть нажрись напоследок» отстегнула ремень безопасности, вскочила, схватила сумку и извлекла бутылку виски, моментально отхлебнула хорошенько сама и угостила подругу.

Соседка, громко крикнув и вдохнув воздух, выпила примерно грамм сто — вернула бутылку и вытерла густо покрашенные и накаченные ботоксом губы тыльной стороной ладони. Обе многоэтажно выругались.

Стюардессы моментально заметили несанкционированную выпивку и кинулись к девицам — заверещали: но, найн, нихт, ноу, нельзя! Попытались отнять спиртное — не тут-то было! Статная девица крепко вцепилась в «пузырь» и вновь хлебнула веселящего напитка. Одна из стюардесс оказалась русскоговорящей сербкой и пригрозила:

— Мы вас снимем с рейса, если вы не прекратите нарушать порядок! Немедленно сдайте спиртное.

Девчата отхлебнули еще по чуток и, громко поругивая авиационные порядки, нехотя отдали.

Мы с интересом наблюдали за борьбой даже с некоторой завистью — самим захотелось напоследок глотнуть чего-нибудь вкусенького и бодрящего.

В этот момент из отделения ручной клади снова пыхнул залп дыма или пара — в салоне отключился свет. Нам показалось, что двигатели заглохли, но это лишь показалось — вероятно, пилот сбросил обороты, когда прекратил набирать высоту, решая взять обратный курс. Тихая работа двигателей вспугнула азиатов, и на борту лайнера вновь поднялся невероятный гвалт, шум и гам. Самая решительная чернокожая стюардесса сбегала куда-то в хвостовое отделение и вернулась с огнетушителем. Направила струю газа внутрь багажной полки. Выброс пара прекратился. Однако в ту же секунду на борту в очередной раз погасли огни, и едва успокоившийся народ снова заволновался. Многоязычная бригада бортпроводников поясняла, что салон обесточен во избежание дальнейших замыканий кондиционера и проводки.

С большим трудом бригаде стюардесс удалось погасить начинающуюся панику и остановить выброс дыма. Свет вновь включился, и народ чуть успокоился.

Несмотря на окончание «пожара» на борту, ситуация продолжала оставаться аварийной и взрывоопасной.

Командир корабля принял здравое решение вернуться в Дубай, благо от аэропорта улетели недалеко. Пилот развернул самолет, спланировал и посадил самолет на запасной полосе, на окраине аэродрома — успели благополучно вернуться. Прерванный неудачный полет продолжался лишь тридцать минут. А возможно, что вполне удачный — все могло обернуться гораздо катастрофичнее, случись авария над океаном.

Пассажиры вывели из салона в аэровокзал, сотрудники авиакомпании несколько раз извинились, сказали, что вылет переносится на четыре часа, но в качестве компенсации за неудобства всем будет выдано дополнительное питание. В зале ожидания выставили коробки с соком и упаковки с водой, на подносах — коробочки с сэндвичами.

Начфиз Баранов достал из пакета бутылку «Джемисона» — предложил отпраздновать спасение. Почему бы нет?

Две девицы, лишившиеся выпивки на борту, выразили желание присоединиться к нашей компании.

— Будем знакомы, мальчики! Вы откуда? — зашебетала та, у которой отняли в самолете бутылку. — Мы крымчанки: я — Олеся, подруга — Василина. Отметим счастливое спасение?

— С такими сладкими как не выпить! — Взгляд Баранова помутнел, как у мартовского кота, наш европейский товарищ судорожно сглотнул слюну и подсел поближе, плотно прижавшись ляжкой к упругому бедру Олеси.

Несмотря на строгий «сухой закон» в этой арабской стране и рискуя ежеминутно быть арестованными, мы принялись отмечать спасение. Бутылку завернули в газету — «европеец» Баранов разлил содержимое первой бутылки по стаканчикам. Под шутки сквозь слезы опустошили два литра. По окончании веселья девицы заявили, что готовы нам всем «дать». Мысль интересная, но негде ее реализовать.

Возрастной «пришелец» не на шутку огорчился — действительно, в нашем небольшом закутке нет укромного уголка.

— Может, пойдем в туалет? — погладил начфиз Олесю по упругой ляжке. — Вспомним юность...

— Любой уборщик тебя живо сдаст в полицию! — остановил я товарища. — Мужиков здесь за разврат сажают, а девок, за блуд, казнят посредством побития камнями. Тут тебе не Европа!

«Инопланетянин» повздыхал-повздыхал, да и задремал.

Долгий перелет до Шри-Ланки хоть и с приключениями, но завершился благополучно, и что удивительно, но в ходе этих нескольких пересадок никто не отстал и не потерялся. В Коломбо тепло попрощались с девицами, даже расцеловались. Крымчанки попытались набиться нам в попутчицы в маршрутку, но агент наотрез отказал брать бесплатных пассажиров — запрещено.

— Девчата! Приезжайте развлекаться к нам в Унаватуна!

Неугомонный европеец не терял надежду, что разбитные девицы все-таки отработают выпитый виски. Кабыла иронически подшучивал над престарелым Ромео. Европейский Баранов все же всучил бумажку с адресом:

— Олеся, ты ведь обещала дать...

Погрустневшие, что поездка на бесплатном такси не выгорела, мучающиеся похмельем девчата помахали на прощанье и покатали тяжелые чемоданы в сторону платформы пригородного дизеля.

А вот и Галле! Алексу повезло — удалось сэкономить на высадке. Уже по прилету в Коломбо по телефону он дал мне последнее указание: высадиться катером на одно судно, а затем уже самим перебираться по краболовам, договариваясь об этом с капитанами.

— Караван краболовов такой: «Мемл», «Валька», «Осьминог» и «Дубовик». Сам по-умному распредели, кто с кем и на какое судно пойдет.

Распределить-то я распределяю, но вот хорошенькое дело — договориться с незнакомыми мне моряками об экономии.

— Босс! А если ланкийцы не захотят высадить на один краболов?

— Захотят!

— А вдруг капитаны не станут рисковать пересадкой в море?

— Ты для того и старшим назначен, чтобы решать вопросы...

Хорошенькое дело, зарплата больше лишь на сотню баксов за весь переход, чем у какого-нибудь инопланетного Баранова, а все неприятности мне! Но куда деваться — попробуем решать проблемы в порядке поступления.

В бухте полный штиль и в океане вполне спокойно. На головное судно высадились дружно и без приключений по короткому штурмтрапу. Попрощались с агентом, помахали дружелюбным ланкийским пограничникам. Разделяю группу на команды. Выбираю напарником компанейского Кабылу, боевику Острогину — Зверлинг, разведчику Матвееву — Баранов-инопланетянин. Толстяки Козловских и Коля Баранов остаются на первом краболове. Оба радуются, что больше не надо лазить по сходням, а то они в прошлый раз чудом не упали в воду со штурмтрапа.

— Шурик, выбираю «Мемл» Уверен, там нам будет лучше, чем на прочих судах. Тут капитан довольно хамоватый, на втором и третьем тоже какие-то дерзкие и наглые. Над стариком с «Мемл» все мастера подсмеиваются и обзывают «мямлей» — идем на него. Уверен — не прогадаем!

Кабыла соглашается, доверяя моей интуиции.

Начинается вторая фаза высадки — по судам. Краболовы сходятся по очереди, поскрипывая, трутся друг о друга кранцы — огромные автомобильные камеры. Матросы перекидывают с борта на борт парусодосок, и по ним торопливо перебегают охрана. Повезло — полный штиль.

Отставной разведчик Матвеев и европейский Баранов-второй, балансируя животами и сумками на неустойчивом импровизированном мосту, благополучно перебираются на краболов. Подходит «Валька», на это судно идет бедолага Зверлинг в паре с бывалым воякой Острогиным.

Дожидались последнего краболова — «Мемл», который маячил серым бортом на горизонте и так же, балансируя на шатких досках, торопливо перебрались.

И мы не упали. Ура! Очень не хотелось снова увидеть Кабылу, барахтающегося в морской воде, или самому рухнуть в океан со сходней — намочить документы, ноутбук, телефоны...

Как я и предполагал, капитан нам попался душевный и вполне дружелюбный. Высокий, сутулый, с обветренным лицом старого морского волка. Николай Павлович немолод: его побитая ветрами и годами морда, именно — крупная морда, испещрена многочисленными глубокими и мелкими морщинами. Лицо настоящего бывалого моряка! Сутулость приобретена годами работы рыбаком — каюты и проходы низкие, не согнешься, чуть зазевался, забылся, и сразу башку в кровь разобьешь. Голова убелена довольно густой серебристой сединой. Мастер

заметно хромал, порой приволакивая левую ногу. Старая травма? Протез?

— Проклятый артрит! — бурчит мастер, замечая мой пристальный взгляд. — Целый букет болезней: подагра, ревматизм, лимфоузлы...

Бывает. Мне не впервой ходить в рейс с «одноногим» капитаном.

На предложение пообщаться — мастер заметно оживился и ответил радостным согласием.

— Через три часа!

Размещение на краболове обычное — не хоромы. Каюта на двоих, вполне стандартная для рыбаков: маленькая, низкая, в полный рост стоишь и касаешься потолка. Шкафчик, маленький столик, узкий проход между двумя двухъярусными шконками. О кондиционере можно лишь мечтать — просто ветродуй. Капитан пожертвовал вентилятор — дополнительно обдувает теплым воздухом.

Зато с кухней на судне полный порядок. Весь рейс хозяин камбуза Василий с утра до вечера шуршал и готовил всякие яства. Предлагал и добавку.

Палыч накрыл стол для фуршета всем, чем был богат долго стоявший в ремонте краболов: рыба, колбаска, консервы, салаты, жареная картошечка. Против его закусок выставили наш литр «Beefeater».

Завидев джин, мастер с вождением причмокнул губами, потер ладони в предвкушении хорошего застолья.

«Как обрадовался!» — понимающе переглянулись мы с Шурой.

— Повезло мне! — воскликнул мастер. — Однако хорошие, компанейские ребята попались — всегда бы так!

После третьего тоста пошли рассказы, байки, Николай Павлович, на мое счастье, оказался довольно разговорчив.

— Давно из Владика?

Мастер хмыкнул:

— Восемь лет дома не был. Вы не подумайте чего плохого, но формально — я матерый уголовник...

Переглядываемся, таращим удивленные глаза на собеседника.

— Я старый контрабандист, восемь лет мне по суду корячиться. Засудили, хотя, если признаться по-честному — за дело. Поэтому последние восемь лет в бегах. И все эти годы живу в Корее — само собой в Южной. Как говорится, эмигрант четвертой волны.

Мастер громко и грустно засмеялся.

— Хорошо, я дочку выучил на юриста — прокурорша, вот она узнала заранее о планируемом реальном, а не условном приговоре — вовремя предупредила. Не заходя домой, почти в комнатных тапочках, ушел, буквально бежал из страны без оглядки. Купил билет, сел в туристический автобус и махнул в Китай и далее. Так что осудили меня заочно. В этом году

срок закончился, думаю, тайком приехать в Хабаровск. Дочь должна сообщить, можно ли...

Шура как бывалый моряк, а затем рыбный бизнесмен, начал расспрашивать мастера об улове краба на Камчатке, о планах на путину в Норвегии.

— Да какие у нас могут быть планы? Идем наобум. А куда деваться? Иной работы нет — все захватили «деловые». Ловят краба только фирмы, связанные с чиновниками, чекистами и ментами.

— Палыч — шутишь? Чекисты ловят краба?

— Конечно, не сами. Фирмы оформлены на братьев, на жен, детей, любовниц. Но всюду они в доле. Помните, сожгли квартиру генерала-чекиста на Сахалине? Думаете, за честность? Это официальная версия. А реально — брать стал в два раза больше предшественника! Его ведь не сжечь хотели — припугнуть. Но вышло, как вышло — как обычно через ж... У нас даже киллеры чаще всего неумелые: им велит завалить, они — промахиваются, а просят лишь припугнуть — валят!...

Утром обговорили по связи с командами секьюрити порядок работы и поделили суточное несение службы пополам: на двух краболовах охрана бдит в светлое время, на двух — в ночное.

Начались боевые вахты. Наш мастер вахту не стоял, за него работал начальник радиостанции с дипломом штурмана, однако каждый вечер Палыч приходил в рубку и рассказывал бесконечные морские истории или вел разговоры за жизнь.

Через океан и через Аденский залив прошли без проблем, хотя и не без курьезов. Издалека наша флотилия выглядела как эскадра сторожевиков или тральщиков: все суденышки выкрашены шаровой краской и имели военный стальной оттенок, а торчащие насти напоминали пулеметы и боевые трапы. АИСы и даже сигнальные огни мы на ночь отключали.

Однажды японский фрегат даже запросил, что за военные корабли перегоняются, куда и с какой целью. Ответили им вполне вежливо. Потомки самураев удивились, посмеялись, не поверили, подошли, сделали круг вокруг «эскадры», сфотографировали и ушли.

Хроника:

Удачной альтернативой дорогим и неэффективным усилиям государственных машин стала частная инициатива. Так, в 2012 году 80% торговых судов проходили мимо Сомали с вооруженными охранниками на палубе. Вход в порты с оружием юридически невозможен, поэтому частные военные компании содержат в регионе плавучие базы, где корабли принимают бойцов на борт и прощаются с ними, миновав опасный район. Стоимость услуг команды из 3–4 охранников колеблется от \$28 000 до \$48 000, что на порядок меньше минимального выкупа. Пиратам ни разу не удалось захватить охраняемое судно.

Но главная победа достигнута на берегу, и она оплачена одной семьей — Аль-Нахайян, правящей династией эмирата Абу-Даби. Серьезно восприняв угрозу танкерному флоту, нефтяные шейхи взяли под крыло сомалийскую провинцию Пунтленд с полуторамиллионным населением, живущую как независимое государство. В свое время на ее берегах располагалось большинство пиратских баз. Имея неудачный опыт создания собственной армии — «мусульмане не хотят убивать других мусульман», — Аль-Нахайяны наняли в советники Эрика Принса, бывшего агента ЦРУ и создателя ведущей частной военной компании мира *Blackwater / Xe Services / Academi*. Он строит вооруженные силы ОАЭ из колумбийских контрактников, а с 2010 года на выделенные шейхами \$50 миллионов сформировал в Пунтленде спецотряд *Puntland Maritime Police Force*. Инструкторами и командирами в нем стали южно-африканские наемники, специалисты по борьбе с партизанами, известные жесточайшими методами тренировок и поддержания дисциплины — инспекторы ООН зафиксировали случаи избиения и убийства курсантов. Результатом их работы стало создание лучшего боевого подразделения в этой части Африки. Отряд из тысячи солдат, имеющий на вооружении катера, легкие самолеты и вертолеты, за два года сумел уничтожить наземные базы сомалийских пиратов и весь их промысел. С 10 мая 2012 года те захватили лишь один корабль — иранского браконьера, которого никто не хотел защищать.

«Этот проект был задуман и исполнен людьми, которых мы можем назвать париями, не являющимися частью цивилизованного общества. Но он стал одним из самых эффективных и результативных решений проблемы пиратства», — *Foreign Policy* цитирует Роберта Янга Пелтона, автора книги «Лицензия на убийство: наемники на войне с террором».

В 2010 году на средства ООН в Гарове, столице Пунтленда, открылась крупнейшая в мире тюрьма для пиратов на 500 мест, и свободных там нет. В 2012 году пиратский промысел был полностью уничтожен, а Пунтленд захвачен и неофициально передан под руководство шейхам Аль-Нахайян. Неизвестно, сколько пиратов убили наемники. Официальной информации о захвате Пунтленда силами *Academi* нет.

Мятеж на борту

В очередной рейс для сопровождения российского балкера мы собрались буквально по тревоге: ночной звонок Алекса, короткий вопрос о согласии и готовности — команда на вылет. Коротко обсудили кадровый состав.

С кем желаю идти в поход? Конечно, со старыми боевыми товарищами, например с Остроногиным.

— А кто пойдет третьим? Может, разведчик Ваня? Полковник будет неумолим:

— Олег Матвеев — разведчик, ты его знаешь... Знаю, знаю...

— И все же, почему не Зверлинг или Батрэру? Это ведь моя команда...

— В следующий раз! Олег засиделся на берегу, у него сейчас команда распалась.

Итак, вылет через сутки — времени в обрез, а сделать надо много: отменить или перенести все мероприятия, оформить страховку, собрать вещи, попрощаться с женой... День и вечер побегал, посутился, но успел разобраться с делами!

Вылетели точно по расписанию из аэропорта Пулково, рейсом на Каир — прямые рейсы в Хургаду уже не летали, да и, как оказалось, это был один из последних рейсов в Египет в тот год.

Мы устроились поудобнее в креслах «Боинга», приготовились к долгому скучному монотонному перелету — даже на международных рейсах «Аэрофлота» ничего «вкусного» не наливают.

Самолет разбежался, резко взметнулся в воздух и принялся стремительно набирать высоту — все как обычно и штатно. Однако в этот момент на борту начался настоящий бунт. Через проход от нас в предыдущем ряду сидели два крепких парня: один из них, довольно крупный громила, взглянул в иллюминатор, в то же мгновение его словно переклинило: отстегнулся от ремней безопасности, вскочил на ноги, громко заверещал, употребляя через слово мат.

— Верните... меня на землю... Я... боюсь... Остановите... самолет!

Стюардесса поспешила успокоить пассажира, попыталась что-то сказать, но он ее послал далеко-далеко и продолжил буйнить:

— Опустите... меня вниз...! Я никогда... не летел — боюсь... Хочу домой!..

Напарник тоже попытался успокоить здоровяка, но тот в ответ начал молотить его кулачищами, а заодно стучать локтем в иллюминатор, пытаясь выбить стекло. Вырубив соседа и отшвырнув девушку, громила побежал к хвостовому запасному выходу.

Пристегнутый к креслам народ замер и заворуженно смотрел на распоясавшегося дебошира, пытающегося взломать люк.

Первым делом хулиган схватился за рычаг и принялся его ломать. Женщины истошно заверещали. Тощий старший стюард поспешно отстегнулся от кресла, бесстрашно бросился к здоровяку и, схлопотив в глаз, отлетел на пол — затих.

Очухавшийся сосед поспешил за событыльником, попытался урезонить буйна: вновь получил в челюсть и рухнул в ближайший пустой ряд кресел. Стюард тем временем отполз чуть в сторону и жалобно призвал на помощь пассажиров. Девушечки-стюардессы заверещали, первыми сбежали со всех сторон, но что хрупкие и миловидные девушки могли сделать с крупным и сильным дебоширом?

Крупный мужик, сидевший на два ряда спереди, не спеша поднялся с места, мирно попытался урезонить забияку, получил по печени и упал между туалетами, загородив проход. На какое-то время новых

добровольцев или «тореадоров» не нашлось — дело начало принимать дурной оборот. Стюардессы истошно завопили, снова призывая мужчин на помощь — сами повисли на руках громилы.

Хотя пассажирский салон активно возмущался и осуждал разнузданное поведение дебошира, народ не спешил ввязываться в бой: жены и подружки удерживали не особо рвущихся в бой своих спутников, а одинокие мужики тоже не горели желанием подпортить в кулачном бою свой фейс в предвкушении сексуальных приключений на отдыхе.

Старший стюард, немного придя в себя после нокдауна, жалобно призвал пассажиров утихомирить и заткнуть буяна, пока самолет не вернулся в Пулково или на любой ближайший аэродром. Дело принимало крайне неприятный оборот, этот вариант нас никак не устраивал — нам надо было срочно в Египет! Да и прочие туристы явно не желали впустую терять время — все спешили к месту отдыха.

Роль добровольцев выпадала нам — ведь наша компания летела на работу, которая грозила вот-вот сорваться из-за каких-то пьяных и буйных чудачков. Крупный телом сидевший в нашем ряду с краю Олег Матвеев попытался поговорить по-хорошему, но был обозван и послан подальше. Громила встал в боксерскую стойку и начал размахивать кулаками, разрезая воздух. Олег успел среагировать и уклониться. Стало ясно, что говорить с невменяемым бесполезно. Но зря он оскорбил Олега...

Резким ударом с левой, Матвеев въехал в скулу хулигану — сбил с ног и на какое-то время отправил в нокдаун. Дебошир без чувств рухнул в кресло и на минуту затих. Пассажиры обрадовались окончанию корриды, а кому понравятся попытки десантироваться из салона на высоте девять тысяч метров? Несколько зрелых сморщенных дамочек даже зааплодировали.

— Браво!

— Молодец!

Олег раскланялся, сорвав бурные аплодисменты экзальтированных баб, краем глаза выискивая объект для дружбы на курорте. Однако, увы, на этом инцидент не закончился — хулиган очнулся и приподнялся. И зря! Олег заметил попытку и нанес удар в челюсть. Однако то ли второй удар плохо прошел, то ли этот придурок успел адаптироваться к мордобою, но он превратился в какую-то живую неваляшку.

Удар — упал — поднялся, удар — упал — поднялся! Может, это какая-то новая игра?

Помогать Олегу вызвался какой-то бритоголовый здоровяк и с ходу, от души врезал бузотеру, но и этот удар не вырубил неваляшку. Удивительно! Неужели у парня челюсть железная, а в черепной коробке мозг отсутствует полностью?

Трое мужчин из ближайших рядов к туалету отстегнулись от ремней, с решительным видом окру-

жили дебошира, к ним присоединился стюард и первый пострадавший пассажир. Громила, оценив превосходящие силы, сник и послушно вернулся на свое место. Туда же стюардессы проводили и пострадавшего компаньона. Однако хулиган окончательно не успокоился и продолжил материться и орать дурным голосом абсолютно невменяемого дебила.

Тощий мужик с козлиной бородкой накинул сзади на шею психа шарф и притянул к креслу, сверху набросили плед, и буян лишился обзора, двое других мужчин били дебошира по корпусу. И тут бузотер совершил нечто неожиданное: резко рванулся, крутанул головой и впился зубами в предплечье соседа. Собутыльник-попутчик взвыл от боли, а обезумевший здоровяк еще крепче сжал челюсти. И когда волонтеры из числа пассажиров, вызвавшихся помочь, попытались вернуть буяна в кресло, тот резко дернул башкой и вырвал у жертвы солидный кусок кожи вместе с мясом. Кровь брызнула во все стороны, оросив и жертву и агрессора. Сильно побитая морда дебошира стала похожа на рожу вампира: разбитые окровавленные губы и зубы, плюс лицо, измазанное чужой кровью.

Добровольцы с трудом оторвали пострадавшего соседа от расвирепевшего психопата, оттащили в сторону — стюардесса с оханьем поспешила перетянуть руку покусанного жгутом и перевязать рану.

Мы с Остроноговым переглянулись — пора и нам вмешаться в схватку, иначе сегодня ни в Каир, ни в Хургаду не попадем!

Я схватил буяна за левую руку, заломил ее, завел за кресло, а Серж сжал своей мощной «клешней» ему горло, практически лишив дыхания. Мужик, тот, что с козлиной бородкой, схватил правую руку буяна и тоже заломил ее. Совместными усилиями с трудом удерживали крепкие жилистые ручищи хулигана, однако уверенности, что мы сможем долго его в таком положении удерживать, не было.

— Веврки несите! — рявкнул Серж.

На просьбу откликнулась одна из бортпроводниц — прибежала с парой жгутов. Несмотря на продолжающееся, непрерывное, яростное сопротивление дебошира, совместными усилиями сумели крепко скрутить руки жгутами позади кресла, засунули кляп — полотенце в окровавленный рот, чтобы громко не орал и не матерился, замотали голову пледом — лишили обзора. Вроде буян успокоился и затих, но, как позже выяснилось, только на некоторое время — видимо, набирался сил.

Мы слегка расслабились, уселись по местам, даже пообедали. А хулиган пошел на хитрость: пустил пену изо рта, сделал вид, что задыхается, а сердобольные дамочки пожалели страдальца и попросили нас вынуть кляп.

Вынули — дали продышаться, напоили водичкой. Однако спустя некоторое время психопат вдруг встрепенулся, выгнулся дугой, пытаясь ослабить

пути, а затем, уперев ногами в спинки кресел, сломал два из трех. Неужели передышка пошла ему на пользу?

Дебошир опять завопил, принялся оскорблять женщин и мужчин, плевать во все стороны. Однако и мы были начеку — несколько ударов по корпусу и в челюсть вновь отключили наглеца. Народ осмелел, и теперь буяна били все, кто пожелал.

На борту вновь воцарился хаос: дети громко плакали, женщины истошно причитали. К счастью, наш самолет был не переполнен, и пассажиров, не принимающих участие в схватке с хулиганом, отсадили либо в переднюю, либо в хвостовую часть. Женщин и детей пересадили как можно дальше, чтобы не слышали нескончаемый многоэтажный мат.

Стюард попросил кого-нибудь из группы добровольных помощников пройти в кабину к командиру воздушного корабля. Поговорить вызвался я. Впервые после перелета на транспортнике «Ил-76» из Афгана мне посчастливилось оказаться в кабине управления самолетом.

— Как обстановка в салоне? Что будем делать? — Командир оторвался от приборов и повернулся вполоборота, да и второй пилот тоже не менее заинтересованно смотрел на меня.

Ответил я не сразу, минуту зачарованно смотрел на облака, стремительно летящие навстречу самолету.

— Ого! Вот это вид! Какой восторг!

Командир усмехнулся:

— Не отвлекайся на мелочи, товарищ. Что будем делать? Садиться? Как обстановка в салоне?

— Уже гораздо спокойнее! Хулигана мы крепко связали — не вырвется.

— Удержите до посадки?

— Конечно!

— Это было бы замечательно, потому что нам некуда садиться: под нами Украина — ныне недружественная территория, а возвращаться в Москву мне не хотелось бы. Прерывать полет нехорошо — для компании затратно. А вам хочется?

— И нам не следует возвращаться! Мы летим не на отдых, на работу, пароход от пиратов охранять.

Капитан усмехнулся:

— О, морские секьюрити! Интересно! Забавное совпадение: значит, сейчас вы заняты своим привычным делом? В море боретесь с морскими пиратами, а в воздухе с воздушными...

— Да какой это пират, обычный пьяный дебошир и псих.

— Ну, тогда держите его как можно крепче...

— Уверяю, мы из него дух вышибем, но не отпустим!

Пожали друг другу руки, и я откланялся.

Вернулся в салон с доброй вестью — летим дальше. Сразу за перегородкой в бизнес-классе стюардессы оказывали помощь покусанному пассажиру и заодно допрашивали его, кто они с «приятелем» такие.

— Мы грузчики с «Арнаута» — летим на пять дней отдыхать в Хургаду — премированы руководством на новогодние каникулы!

— Хорошо начали отдых — мордобойно! — возмущился тощий стюард, потирая распухшую челюсть.

Услышав последние фразы покусанного, Матвеев не выдержал и встрял:

— Хлопцы, лучше бы вам сразу выдали путевки в Сибирь — к верному месту назначения: зачем растягивать дело на судебные процессы и доставку.

— И что же вы пили? Где пили? — продолжил допрос стюард.

— Бутылку виски, купили в дьютике и выпили из горла...

— И все? А с чего твоего напарника так плющит? А наркотики?

— Он только покурил разок, но вроде обычные сигареты.

— А может, какие таблетки принял?

— Не знаю. Сам я ничего не принимал и не видел, чтобы Саня чего съел...

Странно, а выглядит этот Саня так, как будто наелся чего-то очень сильнодействующего.

Тем временем самолет долетел до Египта.

Под крылом Каир!

Стюардессы велели всем занять свои места и пристегнуться. Но мы с Остроноговым продолжали крепко удерживать заломленные руки громилы сзади, а Матвеев, сидя рядом с буйным Саней, держал грузчика за плечо, замотав голову хулигана в плед, чтобы тот не возобновил кусания и плевки.

Лайнер начал резкое снижение, и грузчик, покрыв многоэтажным матом пассажиров, громко взвыл:

— За что... меня... бьете? Твою... мать! Видал... я в гробу... такой отдых! Бля... Мама... забери меня... домой!..

По прилету в международный аэропорт Каира пассажиров поспешно высадили в автобус, а дебошира и его пострадавшего товарища забрала к месту «отдыха» египетская полиция. С чувством добросовестно выполненной учебно-боевой задачи мы поторопились в шикарный четырехзвездный отель, где до утра нас ждали море, солнце, коктейли.

Надо было быстро взять от отдыха все, ведь нам перепало лишь сутки развлечений — рано утром предстояло высаживаться на балкер...

Зачистка Пунтленда

В то время как мы бродили по морям и океанам, охраняя суда и зарабатывая на хлеб насущный, международному сообществу порядком надоел пиратский беспредел.

Сколько можно возиться с этими сомалийскими оборванцами, мешающими мировому бизнесу?

Доколе крупный капитал будет нести астрономические убытки, тратиться на охрану, платить гигантские страховые суммы, выплачивать выкупы?

В итоге солидные деловые люди приняли решение разобраться с проблемой негласно, неофициально, но самое главное — радикально. И пусть военные моряки разных стран мира играют в морские сражения с пиратами (на то они и военные, чтобы играть в солдатики, любят флотоводцы это занятие — хлебом не корми, думают, что без них все встанет), и пусть охрана пока зарабатывает свои гроши — охраняет, общему делу это тоже не мешает. А серьезные люди принимают серьезные и решительные меры!..

Об этой операции против сомалийских пиратов я услышал случайно, и сколько в поведанной истории правды, а сколько вымысла, кто знает. Однако, мне об этом рассказал за дружеским застольем в ресторане Унаватуна наш коллега по охранному ремеслу, густо испещренный татуировками здоровенный южноафриканец.

Наша команда отдыхала после перехода через океан: купались, загорали, гуляли по магазинам, пили пиво. За соседним столиком кафе отеля «Fool Moon» восседала компания из четырех суровых крепких ребят и довольно шумно веселилась.

Заметив неплохо сложенного, с большим тату на плече нашего светловолосого Олега — приняли за своего. Общительный Матвеев имел удивительную черту характера — суметь завязать знакомства с людьми любых национальностей: греками, румынами, израильтянами, американцами. Недостаток словарного запаса заменялся жестикуляцией, мимикой, громким смехом.

На дружеское приветствие африканеров Олег ответил несколькими фразами на ломаном английском, затем бросил десяток фраз и ругательств на арабском, иврите, греческом, чем привел южноафриканцев в полный восторг.

— О! Бразер! Френд ...

И так далее. Англофоб Матвеев не погнушался соседством с англоязычными и без лишних ломаний подсел к их столу — халява. Заодно увлек за собой Остроногина и меня, как мы ни отнекивались.

— Братцы, не упирайтесь — втроем веселее. Тем более подобное застолье в нашей специфической среде называется сбор оперативной информации!

— Я к твоей чекистской среде отношения не имею! Да и ты вроде пехотинец?

— Так вышло, что службу заканчивал у чекистов. Пенсию дорабатывал и повышал...

Мы сделали заказ официанту — вошли в долю застолья и после трех выпитых бутылок местной «Араки» и дюжины пива языки у рыжеволосых парней заметно развязались.

Познакомились поближе: самый молодой из них — Дарт, как выяснилось, воевал в Ираке и в Аф-

ганистане — воевал через пятнадцать лет после нас. Пошли воспоминания на общие темы: Панджшер, Джелалабад, Баграм, Кабул, Саланг, Гардез — выпили за павших. В результате получилось полное родство душ.

Тем временем самый возрастной — Фрэд (заводила и старший по должности в компании, ветеран войны еще в Намибии) начал хвастать участием в ликвидации сомалийского пиратства — решении вопроса с флибустьерством коренным образом на земле.

— Джентльмены, если честно, то об успешном завершении этой карательной операции я искренне сожалею! Не стало пиратов, и в два раза упали суммы контрактов, а как упала стоимость контрактов — сократилась и наша зарплата. Вероятно, вы заметили, как прямо на глазах в последние месяцы сужается фронт работы для секьюрити?

Мы с Сергеем дружно поддакивали и кивали.

— Так это из-за тебя мы страдаем? Ах, сука! — пробубнил Матвеев.

— Арабские дельцы из династии шейхов Аль-Нахайян из ОАЭ выделили некоторую кругленькую сумму денег на решение пиратского вопроса, — продолжил рассказ африканер. — Из-за частых нападений на танкеры эти жирные денежные мешки теряли огромные деньги, и им предположительно еще в 2010 году надоела сомалийская пиратская вольница. Была найдена крупная частная военизированная компания в США «Blackwater», специализирующаяся на военных авантюрах. Вы, вероятно, о ней слышали?

Мы вновь дружно закивали.

— Во время Иракской войны наемников этих компании обвиняли в убийствах мирного населения и контрабанде, однако об их профессионализме знали во многих странах.

Шейхи пригласили на тайную встречу бывшего главу военной организации этой фирмы и бывшего агента ЦРУ Эрика Принса и наняли для устранения проблемы. Если спросите меня, откуда я все это знаю — оттуда! В Сомали, в штабе Эрика я некоторое время поработал. По слухам, шейхи заплатили Принсу примерно пятьдесят миллионов долларов, и на эти средства он в кратчайшие сроки создал отряд бойцов численностью в тысячу человек с опытом работы «в поле» из разных стран мира: ЮАР, Колумбии.

— А мы теперь без работы и зарплаты! — не выдержал я и выругался.

Африканер ухмыльнулся, предложил всем выпить для успокоения нервов.

— Я тоже подписался на эту выгодную работенку, — пригубив ланкийской араки, возобновил рассказ Фрэд. — И не только «буры» умеют бороться с партизанами. Ребята и в Европе тоже притомились выживать на скудные пенсионные гроши, и специалисты по войне с партизанами из разных стран потянулись в отряд. Наш земляк-африканер, назовем его

э-э-э... пусть будет полковник Эндрю Фергюссон — это бывший мой командир батальона по службе в армии. Полковник на месте возглавил карательную операцию. Настоящее звание, имя, фамилия у него, конечно, иные, но кого они волнуют. Поверьте на слово, что я с ним хорошо и давно знаком. Надеюсь, вам все равно, как мы работали, и вы не борцы за права африканских чернокожих братьев?

Мы дружно засмеялись плоской шутке Фрэда, и вновь выпили араки, теперь за здоровье Эрика Принса и «полковника Фергюссона».

— А вообще-то, чтоб им было пусто! Обломили такой классный бизнес! — тихо буркнул Олег порусски только для меня, и я с ним был полностью согласен.

— Итак, заключительным для прибыльной пиратской деятельности стал две тысячи двенадцатый год! — продолжил разлагольствовать Фред: — Сотня крутых специалистов: офицеров и сержантов прилетела на двух транспортниках «Геркулес» в Могадишо, и, повторюсь, я тоже был среди пассажиров этих самолетов. Техника к этому времени прибыла автомобилевозом, морем, в порт Кисмайо: почти сотня «Хаммеров», джипов, грузовиков и два десятка бронетранспортеров. Руководители не забыли и про вооружение: в контейнерах доставили минометы, базуки, автоматы, пулеметы, винтовки, а к оружию и боеприпасы — тысячи ящиков. Для эффективной работы нашего отряда Эрик закупил также катера, легкие самолеты и вертолеты для воздушной и морской поддержки сухопутной операции и для борьбы с наземными целями.

Мы начали готовить местный сброд, набранный нам в помощь из бывших вояк и полицейских, а когда подготовка закончилась, Фергюссон отдал приказ захватить и зачистить все побережье провинции Пунтленд, где располагались основные базы пиратов. Задача непростая — население провинции более полумиллиона. Но вполне выполнимая — мы же профи!

— Неужели вы были способны захватить всю провинцию? — усомнился Олег в правдивости рассказа. — С отрядом бойцов численностью чуть больше тысячи?

— Смогли! По мере продвижения в провинцию из более-менее лояльных местных вооруженных формирований дополнительно был набернован и собран еще контингент. В результате длительного отсела, отбора и фильтрации из каждых четырех в строю оставили примерно одного, и после подготовки полицейский «батальон» и батальон береговой охраны приобрели вид боевых подразделений. Для легитимности эти формирования назвали полицией береговой охраны: Puntland Maritime Police Force.

Итак, в начале мая наш легион и тысяча слегка обученных бабуинов приступили к зачистке побережья. Местные бойцы — это фетиш, прикрытие, дымовая завеса, профессиональную боевую работу де-

лали наемники. Но именно этот батальон береговой обороны в основном делал грязные делишки, а заодно «бабуины» грабили, пытали и расстреливали. На войне как на войне...

Сидевшие за столом южноафриканские собутельники кивнули и потупились.

— Наш легион действовал без привлечения внимания и огласки: без шума и гама, без пыли. Конечно, на самом деле шум был и даже много шума. Но как воякам действовать без шума, когда ты проводишь проверку деревни, а в тебя пытаются стрелять? Естественно, тогда ты в ответ стреляешь еще больше и не оставляешь в живых ни одного свидетеля. Вот эта грязная работа по устранению свидетелей — уже для завербованных сомалийцев. И главная задача батальона была не только много стрелять, а сжечь всю малотоннажную, маломерную пиратскую флотилию. Но как на глаз определить, пират перед тобой или рыбак? Да никак! Банды пиратов в налоговой полиции или в береговой охране не регистрируются, и никто в открытую не называет себя «джентльменом удачи», а тем более что у всех местных рожи одинаково корявые и черненькие и все как один — обкурены и агрессивны. Наркоманы! Да и тупы пираты, как бревна, — в школе не учились.

Поэтому наш полковник отдал устный приказ: сжечь в Пунтленде все-все плавсредства! Все лодки, суденышки-матки, баркасы, катера, а малейшее сопротивление подавлять самым жесточайшим образом. Ну, прямо как в старые, добрые времена войны в Анголе или в Намибии!

Едва мы основательно взялись за дело — пираты «поджали хвост». Месяц работы — и побережье чистое! А недобитые остатки пиратских банд загрустили и постепенно перебрались в соседнюю провинцию Галмудуг.

За эту успешно проведенную операцию нам всем хорошо заплатили, но вскоре, по решению ООН, наш легион за наемничество — расформировали. Эх, а какие были славные денечки! И теперь в Пунтленде за порядком следят только местные — тот самый батальон «Puntland Maritime Police Force». Ну, до чего же хорошим был прошлый год, ребята: и денежным, и веселым...

Мы допили пиво и араку, обменялись с южноафриканцами электронными адресами, телефонами, тепло и вполне по-дружески расстались. Теперь мне стало окончательно ясно — наша интересная «туристическая» работа скоро закончится...

Возвращение домой было довольно забавным. Поначалу во время досмотра, в суете и спешке, мы забыли в досмотровых коробах вещи: я ноутбук в сумочке, а Олег часы и телефон.

Едва сделали несколько шагов в сторону выхода — за нами следом помчался ланкийский полицейский:

— Сэр! Пойдите! Вы забыли вещи!..

Бедный, малообеспеченный, малограмотный, но честный! Явно держится за достойную работу.

После двух пересадок прилетели в Домодедово. Прошли паспортный контроль, таможеню — поспешили на рейс до Питера.

Вновь пришлось раздеваться, разуваться, отправлять на просвечивание ручную кладь: сняли часы, ремни — сложили в досмотровые короба, добавили туда же мобилы и все, что имеет металл и звенит.

Прошли сквозь рамку, забрали обувь и вещи. Поругивая досмотровые порядки, хотя мы и признавали, что так надо для безопасности, торопливо обувались и одевались. Матвеев вдруг выругался и поспешил к стойке досмотра.

— Ты куда?

— Черт! Швейцарские часы забыл в корзине — подарок друга!

Наглого вида кавказец — оператор за монитором, отрицательно покачал головой:

— Не видел! Махмуд, ты не видел?

Второй служащий, уборщик, заявил нахально, развязным тоном, что не видел никаких часов.

— Русским пить нада меньше...

Рассвирепевший Олег, без лишних слов с правой врезал уборщику в челюсть, а тот в ответ ударил Матвеева.

— Сулейман! Наших бьют! — завопил уборщик, требуя защиты.

Досмотровый кавказец поспешил на помощь земляку:

— Ты зачем ударил Махмуда?

— Потому что он вор! Верните часы!

— Какой такой часы? Я не брал ничего! Сам вор! — проверещал Махмуд из-за спины Сулеймана.

Олег рассвирепел пуще прежнего и сунул уборщику через плечо товарища — достал горбатый нос. Хлынула кровь на форменную рубашку. Сулейман завопил, призывая на помощь милицию. Появился молодой тощий сотрудник в бушлате с погонами лейтенанта.

— Что за пьяный дебош? Немедленно прекратить!

Кавказцы метнулись к служителю закона, громко вереща на все лады и энергично жестикулируя:

— Хулиганит! Дерется! Оскорбляет.

Матвеев сунул под нос мента красную корочку:

— Почетный сотрудник ФСБ! Раз. Завтра ваш гадюшник раком поставят! Два. Вы в зубах и на карачках похищенные часы принесете! Пристроилась на работу шайка воров. Я вам хамства не прощу, эти часы — подарок погибшего друга!

Лейтенант мгновенно оценил ситуацию, буркнул, что у него смена закончилась, и бочком-бочком скрылся за ближайшей дверью.

С трудом, но мы уговорили Матвеева больше не драться:

— Олег, сейчас тебя и нас легко обвинят и привлекут, мы ведь все слегка с запахом. Если бы в воз-

духе не пили коньяк, тогда правда была бы на нашей стороне.

— Ладно, в принципе на сегодня я удовлетворен: горбатый шнобель этому жулику подрихтовал и фэйс подпортил! А завтра с ними разберутся мои приятели: тут всюду камеры — добьюсь правды!

...Чекисты действительно четко сработали: запугали абреков и через командира воздушного корабля Олегу с извинениями вернули часы — доставили бортом из Домодедово в Пулково...

Опять «Славянск»

Тот рейс выдался непростым — полным приключений, но не столько морских, сколько авиационных.

Никогда прежде не предполагал, что однажды попаду в Иорданию.

Что россияне обычно знают об этой стране? Информационная картинка в телевизоре, как правило, лагеря палестинских беженцев и их противостояние с сионистским Израилем, да, пожалуй, и все.

В Иордании нас дождалось на погрузке судно, и туда мы должны были попасть довольно долгим путем — три пересадки в разных аэропортах: Москва, Дубай, Амман. Багаж сдали в Питере, а получили в Акабе. Увы, не все сумки долетели. Кабыла еще в Пулково начал каркать, что опасается за целостность багажа, и тщательно обмотал свой баул скотчем.

Я насмешливо буркнул, что воровать у меня нечего и вещи нам доставляли без проблем, но Шура был все равно хмур и упрям. Второй член команды Зверлинг, выпив первый бокал виски со льдом на борту самолета, был как всегда в своем пофигистическом благодушном состоянии.

И вот стоим мы у ленты транспортера багажа в небольшом аэропорту Акаба, из чрева грузового окошка один за другим выползают массивные сумки, гигантские баулы и гигантские чемоданы, наши попутчики по рейсу темнокожие арабы шустро хватают вещички, обнимаются с встречающими и исчезают за дверями, спеша к такси. Зал маленький, но нам не тесно — самолет был небольшой и маломестный, пассажиров-попутчиков немного.

Одной из первых появилась на ленте сумка Зверлинга. Художник коротко хохотнул, подмигнув Шуре:

— Моя прибыла в целостности и сохранности.

Кабыла, и без того полный нехороших предчувствий, нахмурился, еще сильнее вспотел и принялся вытирать платком широкий сократовский лоб. Я был спокоен за свой малоценный багаж, ободряюще похлопал приятеля по плечу — не переживай.

После некоторой паузы появился баул Шурика. Приятель мгновенно повеселел, подхватил вещички и принялся проверять, не сперли ли чего грузчики россияне или арабы. На его радость, шмотки были на месте.

Пришел черед мне забеспокоиться. Зверлинг подмигнул и подленько хохотнул. Чтoб ему!

Прошла минута, и транспортер остановился. Я торопливо подошел к окошку, заглянул — пустота. В помещении погрузки не наблюдалось ни одной сумки или баула, да и рабочие исчезли.

Вот же досада! В пути какая-то из авиакомпаний потеряла мою сумку!

Пожилой хмурый агент Хасан нервничал, торопился — в порту нас дожидался катер, зафрахтованный на определенное время. Быстро заполнили бумаги с претензиями о потере и, громко ругаясь, поспешили на выход. Как жить две или три недели на судне даже без зубной щетки?

Мы должны были оплатить визы, но почему-то по прилету в столицу — Аман чиновник пояснил, что оплатим в Акабе. А тут нас даже и не спросили о визах. Пограничник улыбнулся агенту, шлепнул штампы в паспорт и поторопил на выход — аэропорт до утра закрывается на перерыв...

Удивительно, но факт, на визах мы сэкономили. Однако если бы багаж не потерялся, я бы порадовался, а так — никаких положительных эмоций. В порту сразу сели на буксир, помчались к нашему балкеру.

Второй раз наша фирма охраняла «Славянск», и капитан был старый знакомый Виталий.

Большая часть экипажа с прошлого контракта: третий штурман, старпом, дед, боцман, повариха и та же буфетчица, дальневосточная хохлушечка Оксана. Встретили нас как родных. Мастер передал сейф с оружием, естественно, без расписки — сам получал его в Сафаге под честное слово. Проверили номера автоматов, количество патронов — все бьет.

Пожаловался на потерю багажа в ходе перелетов и посадок.

— Как две недели жить без личных вещей? Кроме ноутбука и документов — ничего.

Круглолицый колобок Виталик хитро усмехнулся в усы, посочувствовал и пообещал решить проблему и помочь по мере возможности.

— Морскую робу, башмаки и тапочки даст стармех. Постельное белье уже в каюте, туалетные принадлежности я тебе подарю, а трусы, носки и майки можно купить в порту.

— В каком порту? В Шри-Ланке? До нее идти и идти — две недели...

Мастер вновь улыбнулся:

— Завтра снова будем в Акабе: возвращаемся на два дня, мы не догружены — нас зачем-то выгнали из порта на рейд. Вот и стоим уже неделю, ждем разрешения на догрузку. Сбегаете в город за вещами...

— Кто же нас туда пустит? Визы закрыты.

— Не проблема. Закажу вам шурпасы — погуляете по городу. Купите себе что-нибудь вкусенького...

Здорово! А может быть, успеем съездить и посмотреть древний город, великую, всемирно известную Петру?

Мастер от щедрот презентовал пакет, полный всякой всячины: щетка, паста, бритвенный станок, крем, расческа, одеколон. Вот и славно — не буду ходить на судне нечесаным и небритым пугалом огордным. Стармех дед Борис тоже заглянул в каюту — с торжественным видом вручил новенький рабочий комбез — нести вахту и трудиться, когда потребуются — оборудовать систему обороны. Все знакомые моряки тоже одарили кто чем: тапками, шлепками, майками, бейсболками...

Кабыла даже позавидовал, что пропала не его сумка, ведь мне теперь полагалась еще и страховая выплата от авиакомпании.

Утром пароход действительно поставили к «стенке», и мы сошли на берег. Однако до города было тридцать километров, а мы на самой границе с Саудовской Аравией. Далековато, однако.

За тридцать баксов все тот же заметный повеселевший (внезапный дополнительный заработок) агент Хасан пообещал доставить в город и вернуть обратно и заодно обрадовал — потерянный багаж нашелся в Москве и следующим утром его доставят в порт.

Счастье привалило! Иначе сумка скиталась бы туда-сюда по аэропортам и опять бы, уже окончательно, потерялась.

— Ты хитрец! — усмехнулся Кабыла. — И багаж вернут, и команду обобрать успел. Вещи морякам вернешь?

— Ладно тебе завидовать. Посмотрим. Да и сумка пока еще не доехала...

За полчаса примчались на машине к центру города. Агент разок промахнулся и на полном ходу едва не вывез нас к самой израильской границе — за колючей проволокой и за опущенным шлагбаумом был виден чистенький город Эйлат. Хорошо, израильтяне с перепуга не расстреляли наш потрепанный джип, больше похожий не на мирный автомобиль, а на колымагу террористов, начиненную взрывчаткой. Оказалось, что от центра Акабы до границы рукой подать, были бы визы — сходили бы в гости к евреям.

В северной части залива Акаба скучились в тесноте четыре государства: Египет, Израиль, Иордания и Саудовская Аравия. Видимо, здесь должно быть раздолье для контрабандистов разных стран без оглядки на нации и религии. Контрабандисты всех стран, объединяйтесь!

Городишко нам понравился: вполне чисто, не то что в бардачном Египте, не суетно, не шумно. Удивительная арабская страна Иордания — здесь даже легально продается спиртное! Купили «Колы», по банке пива, затем увидели во втором торговом зале ряды вина и прочих горячительных напитков. Спросили продавца, что надо, чтобы мы могли приобрести? Загранпаспорт?

Торговец хмыкнул, предложил показать. Предъявили.

— О! России!

Ага, русси-русси...

— Покупайте, что хотите. И приходите еще — магазин закрывается в полночь...

Прошлись по торговому центру, состоящему из мелких лавочек и магазинов, набрали сувениров, футболки, местной еды.

Без пяти полночь примчался пунктуальный Хасан и подобрал нас у винно-водочного магазина, как чувствовал, что далеко не отойдем. Завернули искупаться на городском пляже под присмотром бдительного агента. Сам Хасан купаться не захотел — грязновато. Действительно, арабский городской пляж был ужасен — мелко, вода мутная, но счастливые дети с визгом плюхались с пирса, а женщины купались, не снимая одежду.

Ну и ладно. Хоть такое развлечение и моцион — две недели до Галле не покупаешься: вокруг будет безбрежный чистейший океан, а мы будем только облизываться и вздыхать, мечтая даже о таком неужоженном пляже.

Утром снялись с якоря и пошли на выход из Акабского залива. За полчаса до отхода агент доставил мою сумку в целости и сохранности и даже ничуть не помятую.

Балкер неспешно и осторожно вышел в залив — вокруг мелководье. «Славянск» то и дело проплывал мимо ржавых, затонувших судов — радовались, что нас сия чаша скорби до сей поры миновала.

Вероятно, эти остовы судов — результат многочисленных арабо-израильских войн.

Зашли в Красное море, затем пошли Аденским заливом: ни одного нападения или даже попытки подхода пиратских лодок. Вот и замечательно!

Едва миновали Сокотру, как разразился сильнейший шторм. Мощные волны били в «морду» и в «скулы» балкера-пятидесятитысячника, скорость упала до трех узлов. Двигатель напряженно работал, перемалывая винтом бурные воды океана. А ветер все крепчал и крепчал и постепенно нагнал низкие, темные, густые, дождевые тучи. Начался ураган, сопровождаемый страшной грозой. Молнии ярко сверкали, прорезая черное небо, и каждую минуту десятки разрядов врзались в бескрайний океан, очевидно, поражая энергией тысячи рыб.

Внезапно на борющемся со стихией судне стихла надрывная работа двигателя, и жутко заверещала аварийная сигнализация — машина встала. Блэк-аут — полная остановка двигателя! Волны словно обрадовались беспомощности судна и принялись валять и раскачивать «Славянск». Мощные потоки воды лились отовсюду: снизу волны перехлестывали через леера, гуляли по палубе, перекачиваясь с борта на борт, от бака до кормы. И сверху словно разверзлись хляби небесные, ливень обрушивался на пеленгаторную палубу, крылья, а затем полноводными реками вода устремлялась вниз по трапам и с хрюкающим хлопаньем врвалась в

шпигаты. В итоге «цунами» обрушивалось на нижнюю палубу.

Ощущения довольно жутковатые, невольно хотелось нацепить на себя спасательный жилет, и только неунывающий Зверлинг тихо посмеивался и снимал свой документальный фильм: «Аравийский ураган в Индийском океане».

Механики засуетились — аврал! Два часа работы, и машина ожила, судно перестало резко крениться и, сильно раскачиваясь, дрейфовать и двинулось в сторону Лаккодивов.

Наш боевой поход подходил к завершению, поэтому мастер пригласил к себе в каюту на прощальный ужин. Помимо нас и тех же персонажей на ужине был и чиф Леня. Свои книги и журналы мы уже подарили ранее, а иных презентов радушному коллективу больше не было, поэтому Зверлинг, взяв карандаши и мелки, принялся ваять рисунки для сувениров.

Выпили первую бутылку рома. Юлий внимательно посмотрел на мастера и сделал набросок к портрету. Протянул — владей! Следом набросал портрет старпома, а затем так же быстро сделал эскиз борющегося со штормом «Славянска». Мастер и чиф зааплодировали. Торжествующий художник налил себе в стакан рому и в три глотка выпил. Кареглазая буфетчица Оксана, глядя на художества Зверлинга, вознамерилась тоже получить свой портрет, не выдержала и попросила:

— Нарисуй меня, пожалуйста, Юлий!

Зверлинг окинул женщину пристальным взглядом, хитро прищурился, нацепил на нос очки и одной линией, не прерывая движения руки, сделал овал лица, затем быстро набросал штрихами рот, глаза, брови.

— А вот! Владей!

Мы дружно заулыбались, глядя на этот набросок, а Оксана заметно переменялась в лице:

— Неужели я такая страшная? Вы действительно считаете меня столь ужасной кикиморой?

В четыре голоса мы принялись убеждать буфетчицу, что она вполне симпатичная, мол, это такой стиль рисунка, графика, однако Оксана была безутешна. Поджала губки, надула щеки, сердито засопела. Видя, что ее никто не поддерживает и не понимает, женщина налила полстакана рома, залпом выпила до дна, ничем не запивая и не заедая. В глазах Оксаны заблестели слезы, буфетчица готова была вот-вот разрыдаться.

— Милая, прекрати! — принялся успокаивать ее молчун-мастер. — Ты прекрасно знаешь, как ты хороша собой. Ну, не дуйся. Это ведь дружеский шарж! Графика! Это тоже искусство...

— Ничего я не понимаю в ваших дурацких дружеских шаржах, — пробурчала Оксана сердито и принялась освежать тарелки, добавляя салаты, мясную нарезку, прочие закуски. Буфетчица насупи-

лась, минут мять молчала, но затем натура взяла верх, желание быть в центре внимания пересилило обиду, не удержалась и вновь принялась трещать. Повела про морские путешествия по всему свету и увиденном за эти годы: о работе в разных африканских странах, о катании на верблюдах, о забавных австралийских кенгуру, о маленьких пингвинах в Новой Зеландии и тому подобном.

На прощание мастер Виталий, в качестве кавказского «аллаверды» за рисунки и портреты, в очередной раз подарил нам по литровой бутылке крепчайшего рома, произведенного в островной Республике Маврикий.

Доху я видел...

В завершение рейса в очередной раз посетили транзитом столицу арабского государства Катар — город Доху. Я не раз задавал сам себе вопрос, на какой из слогов в названии этого города правильнее ставить ударение? Дóха, или Дохá? Мне нравилось больше Дохá — родное слово, обозначающее старую, русскую, грубую, меховую, верхнюю одежду.

В этот раз наша компашка прилетела в новый аэропорт, построенный в Катаре к чемпионату мира по футболу, который должен был состояться в этом пекле через несколько лет. Предыдущий аэропорт был тоже хорош: светлый, чистый компактный, выглядел как большой кубик. Это только на первый взгляд он был мал, по крайней мере, даже тот «кубик» был гораздо больше, комфортабельнее и современнее нашего Пулково. И даже новый терминал питерского аэропорта выглядит большим сараем по сравнению со старым дохуйнским.

А уж тот, который выстроили сейчас к чемпионату, и подавно поражаел воображение: длина аэровокзала несколько километров, и по нему на втором этаже даже катались по монорельсу поезда, ведь пока дойдешь пешком от начала до конца — умаешься.

Билеты, как это было уже не раз, наши боссы купили с пересадкой, впритык — очевидно так дешево. Однако рейс из Коломбо задержали на полтора часа — причиной задержки была старая ланкийка в инвалидном кресле. Служащие авиакомпании долго что-то обсуждали, вероятно, загружать бабуся в салон или нет, потом ей вдруг стало совсем плохо — принялись обратно снимать старушку с борта и выгружать из багажного отсека вещи. В результате наш вылет сильно выбился из графика.

Весь перелет в Доху мы нервничали, боялись опоздать на транзитный рейс — поиздержались, и денег сотня баксов на всех. Поэтому, взлетев, крепко выпили для успокоения нервной системы — напитки на борту бесплатные.

Наш самолет приземлился в Дохе именно в тот момент, когда посадка на борт, следующий до Москвы по расписанию, уже должна была окончиться. Но шанс успеть, еще оставался — вдруг какую очеред-

ную больную старушку грузят в самолет на Россию. Решили, послать вперед гонца налегке:

— Шура, беги скорее вперед, задержи вылет! А мы следом за тобой со всей ручной кладью.

Едва переходной люк открыли, Кабыла, словно мустанг, рванул по проходу, расталкивая неповоротливых азиатов — продвигался мощным атомным ледоколом, и наши попутчики-ланкийцы, словно хрупкие льдинки, отлетали от его мощных бортов, расчищая «фарватер» для нас.

Вывавшись на более свободное пространство аэровокзала, Шура включил двойной «форсаж» и перешел на иноходь. Мы тоже мчали галопом, но все равно заметно отстали — наш «сайгак» умчался вдаль, только еле заметные частицы пыли и песка, тихо кружа, помечали следы его пробега.

— Это не Кабыла, а какой-то рысак! — просто-напыхавшийся Юлий.

— Скорее лось во время гона...

Запахавшись, добежали до искомого выхода. У стойки с надписью «Get» уныло и недружелюбно мигала надпись на английском: «Посадка окончена»... Возле переходного трапа даже силуэта самолета не было — пошел на взлетную полосу или уже улетел...

Кабыла громко, грязно и витиевато матерился:

— Опять нас босс подставил! И что теперь делать?

А действительно, что делать? Самолет улетел, чужая арабская страна с довольно строгими законами, у нас на троих осталась лишь сотня баксов да пакет с бутылками спиртного. Есть чем заглушить печаль и тоску страждущему и уставшему путнику.

С рейса из Коломбо в Россию летела лишь наша веселая троица, поэтому даже посоветоваться, как быть в такой ситуации, не с кем. В подобную передрягу с опозданием на транзит я попал уже вторично — опыт есть, однако в прошлый раз на Кипре у меня хватало денег на доплату билетов, а нынче — хрен с маком!

Кабыла перестал возмущаться и шуметь и, вытаращив на меня свои круглые большие глаза, прорычал:

— Звони Алексу! Пусть вытаскивает нас отсюда, как хочет!

Я и сам был на взводе, поэтому с ходу громко зашумел:

— Алекс, привет! Ты нас опять подставил! Я же говорил, что билеты взяты впритык — самолет опоздал и мы в Дохе зависли!

Полковник завелся с полоборота, психанул и открыл меня последними словами.

Наоравшись, я успокоился, и Алекс, хорошенько обругав нас за бестолковость, тоже сбросил пар.

— Идите к стойке авиакомпании и доказывайте, что виноваты они! Если это действительно так, как ты мне бубнишь, и опоздали на рейс по их вине, то арабы вас и накормят, и спать уложат, и завтра домой

бесплатно отправят. Результат доложишь, когда все прояснится.

Босс еще что-то рывкнул неласковое и отключился. Эх, зря наорал на него — только впустую разозлил шефа.

Уныло побрели к стойке авиакомпании «Amiga-tes», где с грехом пополам на ломаном английском и матерном русском попытались разъяснить возникшую проблему.

Девушка мат не разобрала, а мои английские слова с трудом, но поняла. Но чтобы убедиться в правильности перевода — вызвала русскоговорящую сотрудницу. Русскоговорящей оказалась хорошенькая болгарка. Худенькая брюнетка во всем форменном и красном: в пилотке, в пиджачке, с повязанным на шее платочком, пришла на вызов, выслушала нас, закивала аккуратно подстриженной симпатичной головкой, изящно «закрепленной» на тонкой шейке, и мило и широко заулыбалась нам, демонстрируя белоснежные зубки. Ах, какая хорошенькая! Так бы ее и...

Художник, словно прочел мои мысли, похотливо просипел мне в ухо:

— Какая сексуальная пилотка на этой «пилотке»! Я бы ее... всю ночь... рисовал ню...

— Да ладно, старичок, секс-террорист! Рисовал бы он ее всю ночь...

— Ну, если бы лет двадцать назад! — буркнул художник, затем чуть подумал, посчитал в уме и поправился: — Нет, если лет тридцать тому назад...

— Ах, развратник!

— Ага, рисовать ню, но обязательно с красной пилоткой на головке...

Вероятно, девушка не расслышала фантазии художника, поэтому, как могла, ласково нас успокаивала. Жаль, что имела право успокоить лишь словами и ничем больше. На службе!

— У нас на доплату транзитных билетов денег нет! — с ходу решительно заявил я.

Кабыла для убедительности состроил суровую гримасу на лице и авторитетно закивал выбритой башкой.

Болгарка в ответ весело подмигнула Шуре:

— Господа, не волнуйтесь, всё в полном порядке! Я посмотрела по компьютеру — ваше опоздание на рейс целиком и полностью вина нашей компании. Поэтому авиакомпания сделает все, чтобы русские друзья не были в обиде и в накладе.

— Все-все? — хищно насторожился Юлий, упер взгляд в широкий вырез блузки сотрудницы и облизнулся, почти как Серый Волк на Красную Шапочку: — Можно загадывать желания?

Девушка с бейджем, на котором было указано имя Софи, погрозила пальчиком, но сделала вид, что не поняла намека старого самца, нашего художника-авангардиста, и продолжила:

— Сейчас вам откроют суточную визу, и можно будет вечером погулять по Дохе, днем не советую —

слишком жарко. И постарайтесь не потеряться в городе и прибыть утром вовремя в аэропорт.

Зверлинг даже взвизгнул от восторга:

— Дохуя увижу?

— Увидите! Но, повторяю — не опаздывайте. За нарушение визового режима длительный тюремный срок!

— Срок большой?

— Большой! — вновь погрозила пальчиком болгарочка: — Поэтому не рекомендую экспериментировать!

Огорченный Зверлинг тяжело вздохнул.

— Дайте мне ваши паспорта для оформления виз! — попросила Софи. — Погуляйте пятнадцать минут или подождите, посидите вот там, рядом, на лавочке. Через час за вами придет микроавтобус и отвезет в отель. У вас что-либо не разрешенное на ввоз в страну есть?

Я поднял на уровень груди пакет с бутылками:

— Спиртное запрещено?

— Конечно! Вы что — практически смертная казнь! — Софи сделала страшные глаза и провела ребром ладони по горлу.

Я едва не выпал в осадок: пропали мои бутылки виски, джина и текилы. За пятнадцать минут нам это добро никак не истребить, а стоит содержимое пакета семьдесят кровно заработанных баксов! Угроздило же меня соблазниться на распродажу и уценку в Коломбо! Разбить? Да я бы их всех за это!..

— Нам столько не выпить даже за час! — запротестовал я. — С одной справимся, а с тремя никак! Вот если только, девушка, вы нам чуток поможете...

Софи оценила шутку, мило улыбнулась.

— Выпивать тоже не стоит — задержит охрана аэропорта. Но и за товар не переживайте, напрягаться и выпивать не придется. В левом крыле в комнате номер 2217 находится камера временного хранения спиртного. Сдадите и получите квитанцию, утром перед вылетом заберете.

Ух, ты! Даже так! Однако, сервис!

Но на всякий случай уточнил:

— Точно ничего не пропадет? Арабы не конфискуют?

— Уверю вас, получите в целости и сохранности утром, по прибытии из отеля. Поторопитесь в камеру хранения — машину скоро подадут к выходу номер четыре. И, я смотрю, сегодня вам повезло с отелем, на ужин, возможно, будут подавать вино...

Сунув свой рюкзак художнику, стремглав помчался по длинному коридору, позвякивая содержимым пакета — сдавать дорогое и милое сердцу простого россиянина имущество.

Успел! Застал!

Чернобородый араб в форме секьюрити, видимо, собирался отправлять намаз и был перехвачен на выходе с ковриком под мышкой. Араб безразлично поморщился, но задержался на минуту, пересчитал содержимое, опечатал скотчем пакет и выдал кви-

танцию. Оценив взглядом правоверного, я успокоился, что оставляю свой товар в надежных руках и эти волосатые арабские руки моего спиртного не тронут.

«Спасибо за услугу, дорогой непьющий катарчанин (катаржанин?), или, вернее сказать, катарец!» — поблагодарил я мысленно секьюрити за услугу и продолжил размышлять: «Непьющий-непьющий, а наверняка курит какую-нибудь дрянь типа гашиша или опиума. Знаем мы вас, праведников...».

Когда добрался до выхода из аэропорта, мои приятели уже изнемогали, обливаясь потом. Я помахал им, предъявил паспорт суровому пограничнику, тот полистал странички, внимательно осмотрел визу — едва не обнюхал, отметил штампом — сменил суровое выражение на крайне доброжелательное: сэр, плиззз!

Едва сделал пару шагов за автоматические двери и оказался на «свежем» воздухе, как этот уличный воздух меня мгновенно опалил, словно я стоял перед открытой топкой в гигантской котельной. Удушьящая жара обволокла, буквально проникла под кожу и подсушила мозг. Тело среагировало мгновенно, и намокшая рубашка-безрукавка прилипла к спине.

Микроавтобус заметно запаздывал, и мы с приятелями заволновались — вдруг за нами не приедут? Добираться самостоятельно в отель на такси — денег жалко, тем более что их маловато. И кто знает, какую цену местные нахалы заломят? Наверняка привыкли богатых туристов обдирать...

Но вот к нам подкатил микроавтобус, и вполне комфортабельный — с кондиционером. Едва примостили свои задницы по сиденьям — дверца автоматически закрылась, водитель-индус что-то приветливое громко пробубнил и помчал. Кондер заработал на полную мощь, жить стало гораздо легче и веселее. Художник то и дело делал снимки: вереница бредущих верблюдов, встречающие шикарные авто, стоящие вдали толпою небоскребы, берег моря...

Прибыли. Отель, по нашим российским меркам, шикарный — небоскреб! Задрав голову, я сосчитал: двадцать восемь этажей! У входа мордатый малаец-швейцар в ливрее. Шикарный холл, услужливый персонал. Девушка на ресепшен предложила до заселения в соседнем уютном зальчике попить чаю и перекусить. Заглянули: на столике большое блюдо с сэндвичами и поменьше с пирожными. Отведаем, почему нет, тем более вроде бы халява! А что любит русский человек больше всего? Конечно — халяву. Да и не только русский — я не раз наблюдал, служа в Германии, как напыщенные немцы обожают эту самую халяву, или, сказать литературнее — дармовшинку.

Заселились. Номера тоже оказались шикарными, каждый площадью с двухкомнатную квартиру. Авиакомпания знатно прогнулась перед нами, добросовестно замаливая грех.

Договорились встретиться в восемнадцать в моем номере, чтобы дружно потопать на ужин. Прилег на часок и проспал до условленного времени. Разбудил громкий стук — Кабыла выбивал призывную дробь в дверь мощным кулаком.

— Телефона в номере нет? Мог бы позвонить, а не выламывать дверь...

— Я звонил несколько раз, но ты не ответил. Спишь?

Видимо, я сильно притомился: два дня беспрепятственного купания в океане, напитки на пляже, а потом нервный длительный перелет и снова напитки. Вот силы и иссякли — сморило.

Прихватили Зверлинга и поспешили, весело галдя, в ресторан. Тощий официант непонятной национальности и расы с нетрадиционными повадками усадил за стол, принес обширное меню. Без всякого стеснения и скромности мы выбрали закуски, салаты, первое и второе блюда, безалкогольные напитки.

Кстати, а что там с вином? Вроде бы Софи угрожала.

— Возможно, джентльмены желают вина?

Мы переглянулись. Шура, соглашаясь, кивнул, Юлий тоже энергично закивал — похмелье в жару штука тяжелая.

— Йессс! Джентльмены желают!

Официант принес обширную винную карту. Я полистал странички — выбор был солидный, от тридцати и до пятисот долларов за бутылку. Пусть халява, но нельзя же быть столь наглыми и нескромными. Ткнул пальцем в список — год назад мы с Шурой побывали в ЮАР, но вина там так и не попробовали.

— О! Южноафриканское! Хороший выбор!

Гарсон разлил вино в бокалы и удалился. Я поднял бокал:

— Обожаю эту работу! За отдых! Вновь мы попали в настоящий коммунизм, о котором нам всю молодость пропагандисты в уши жужжали! И вот теперь все сбывается наяву. Угощайтесь, хлопцы! За полковника Алекса и мистера Сержа! Особенно за Алекса! И спасибо ему, как бы мы порой его ни ругали!..

Сдвинули бокалы — дзынь!

— Точно! За наших боссов! — громко и восторженно воскликнул художник. — Я ни разу не пил столь дорогого вина!

Я мысленно посчитал, переведя ценник на рубли, и честно признался себе, что и я такого дорогого вина не пивал.

Доели поданные блюда, допили вино — и на выход. Следом с воплем тощий в униформе:

— Стоп! Ред вайн! Плиз! Мани!

Темнокожий охранник и бармен перегородили своими тушами проход, и нам пришлось притормозить. Официант сунул мне в руки чек — счет на сорок два долларов. Неприятная ситуация!

— Вино не входит в счет авиакомпании?

Гарсон вновь принялся энергично жестикулировать и верещать.

— Но! Кэш!

Всё что я понял из его быстрой и длинной тирады, это — платить.

Хорошо, меня черт не дернул обнаглеть и я не выbral напиток в пять сотен долларов! К счастью, сорок два бакса у меня были, и даже чуть больше — поиздержался в пути. Мои приятели, отдававшие бесплатного вина, отвернули морды чуть в сторону, кося глазами на фрески, мозаику и картины на стенах. Делать нечего, достал последние купюры, «отслонявил», рассчитался.

Вот что значит плохо знать иностранные языки и не понимать тонкостей. Хотя мы с Софи говорили по-русски, но тоже не поняли смыслового подтекста в ее речи, а девушка имела в виду, что нам повезло и в этой жесткой к алкоголю стране — в отеле будет вино! Вино может *быть*! Но за него надо *заплатить*... Эх, досадная промашка вышла...

Вышли из ресторана, беззлобно переругиваясь, Кабыла меж тем философски заметил, что на вино я сам напросился, а художник подчеркнул, что у него от красного изжога и он всегда предпочитает вину — русскую водку. Вечно эти еврейские морды подчеркивают свою исконную русскость!

Тем временем, пока мы ужинали и разбирались со счетом, жгучее солнце упало далеко за горизонт и на город опустилась черная ночь. Отлично! Теперь можно прогуляться и увидеть Доху. А как иначе похвастаться перед народом: побывал в Катаре и Доху не увидел...

Ночь, вернее сказать — вечер был хоть и черен, но хорошо подсвечиваем: миллионы уличных ламп и фонарей струили свет со всех сторон и пробивали путь во мраке.

Вышли из отеля, огляделись. В какую сторону идти? Направо? Налево? Прямо через дорогу?

Вправо темнее, решили пойти влево, тем более что курящий вблизи шикарного автомобиля арабский «нам-не-товариш» подсказал, где находится ближайший торговый центр. Просто указал рукой.

Перебежали на зеленый свет загруженную транспортную дорогу, сразу завернули за угол и оказались на узкой торговой улочке, причем довольно грязной. Почему? Да потому что населена эта улочка оказалась пакистанцами, египтянами, индусами и прочими народами, прибывшими в Катар на заработки. Короче говоря, мы попали в район гастарбайтеров.

Я искал чехол для айфона — заказ дочери, Шурик солнечные очки, а художник набор красок и кистей. Все это находилось в разных магазинах и интересы не совпадали, но, чтобы не потеряться, бродили, как советские туристы — тесной бестолковой и суетливой группой. Бродили часа три, в итоге каждый купил то, что искал. Пора в отель, тем более что и последняя мелочь кончилась.

— А что будет, если вдруг утром, по выселению, от нас потребуют за что-нибудь заплатить? Денег-то нет! — задал наивный вопрос художник. — Отрубят руку или сразу голову?

— Зачем им твоя пустая голова? — ухмыльнулся Кабыла. — Старшему отрубят член и выставят напоказ для острастки, чтоб неповадно было ездить без денег!

— Вот это правильно, зачем арабам наши головы? На пики, что ли, их нанизывать вдоль дороги в пустыне? — обрадовался идее товарища Зверлинг. — Они ведь преодолели период дремучей дикости!

— А члены на пики, значит, не дикость? Почему только старшему? И кто тут старшой? У меня главенство на лбу написано?

Шуточки приятелей меня возмутили. Мало того, что дорогого вина испили на халяву, так еще и смеют издеваться.

— Ну, уж нет! Хренушки! Мы сейчас все наравне. Поэтому за свой х-х-х...член тоже переживайте!

Рассерженный, я побрел чуть впереди товарищей, мысленно поругивая этих старых пройдох.

Но, видимо, где-то я свернул не туда — потому что за очередным поворотом оказался не отель, а еще более узкая и пустынная улочка, а далеко впереди сверкало яркими фонарями длинное широкое шоссе, еще чуть дальше центр города — нагромождение взметнувшихся под небеса, ярко освещенных, гигантских небоскребов.

Небоскребы соревновались друг с другом в яркой рекламе, которая начиналась от основания и терялась где-то в сотнях метрах на самом верху.

Мимо, на бешеной скорости, пролетали дорогие лимузины — замечательная, ровная и прямая, дорога позволяла быстро мчаться.

Любопытно, а есть ли на просторах нашей необъятной страны хоть километр подобной, ровной и качественной, трассы?

Мимо куда-то спешили сотни и тысячи дорогих автомобилей, унося хозяев развлекаться, а мы стояли замороженные великолепием виднеющегося впереди района каменных мастодонтов.

Ух, ты!

Картина света и скорости завораживала и захватывала дух.

Машины машинами, но, как оказалось, и на цивилизованном арабском востоке, в этих «каменных джунглях», и иной транспорт присутствовал — гужевой. В стороне от скоростной автомагистрали, в проулке стояла арба, запряженная лошадей, а чуть поодаль от повозки к фонарному столбу был привязан мордатый двугорбый верблюд, лениво жующий какую-то жвачку и ритмично помахивающий хвостом.

— К верблюду подойдем? — спросил художник.

Не сговариваясь, приблизились. Зверлинг протянул руку в сторону «корабля пустыни» и что-то произнес, прищипывая губами, подманивая животное, словно собаку.

— Художник, одумайся! Хочешь повторить подвиг Косого? — предостерег я творческого товарища. — Не стоит гладить и будить в нем зверя! Может, лучше обычное групповое фото на фоне «горбатого».

Юлий с готовностью вынул из чехла фотоаппарат.

— Фото так фото...

— Как же вы любите фотографироваться! — поморщился Шурик, но тоже встал с нами в ряд и напряженно замер, оскалив крупные зубы в широкой улыбке.

Яркая вспышка ослепила верблюда, и тот громко заорал, закрутил мордой, пытаясь вырвать столб, — хорошо, не поддал кому-то из нас копытом под зад и не плюнул в спину.

Мирно дремлющую лошадь мы пугать не стали, а ну как понесет повозку по городу и расшибет спящего возницу-араба — будем без вины виноватые.

Немного поблуждав по закоулкам типовых, прилипших друг к другу многоэтажек, вышли к отелю.

— Сходим направо? — предложил неугомонный художник. — Там какой-то дворец виден...

— А почему не налево? — пошутил я. — Точно денег не припрятал?

Шура поморщился и вытер крупную лысину большим платком.

Художник ухмыльнулся, вывернул карманы шорт, демонстрируя пустоту.

— Ногу натер, да и спать пора.

Я взглянул на часы — двадцать два тридцать — время детское.

— Выспимся в самолете!

— Как хотите, можете шараться по этой Дохуе, пока вас охрана какая-нибудь у дворца не скрутит, — пробурчал как всегда благоразумный и осторожный Шура.

— А что такого мы сделаем? — недоумевал художник. — Фото на фоне дворца — криминал?

— Зверлинг, ты спроси у Кости, как нас в Кувейте америкосы за фото на фоне артиллерийской самоходки чуть не упекли в каталажку. С теми мы хоть сумели договориться — англоязычные и цивилизованные, а как вы с арабами договоритесь? На каком языке? Нет, я в отель! Водички попью, переоденусь — и к бассейну. Присоединяйтесь...

По пути к дворцу Юлий то и дело оглядывался в поисках ларька, надеялся найти пива, в чем я глубоко сомневался: какое может быть пиво в жестко исламском Катаре?

— Хотя бы безалкогольное! — возразил художник. — Оно ведь как квас и вряд ли запрещено.

Пива не нашли, даже такого. Зато сделали селфи вблизи дворца, который оказался Музеем современного искусства. У входа стоял сурового вида стражник — солдат с карабином и саблей. Однако, когда мы приблизились, стрелять не стал, наоборот, улыбнулся и предупредил, что объект закрыт до утра:

— Клоуз.

Юлий искренне расстроился — надеялся, что в этой раскаленной стране музеи работают по ночам. Очень хотел посмотреть, что рисуют местные живописцы и как. Увы, не срослось. Фото на фоне солдата, фото на фоне дворца, фото на фоне силуэтов гигантских небоскребов и т.д.

— О! теперь я могу смело заявлять: Доху я видел! — громко воскликнул Зверлинг.

Изрядно пропотев, поспешили в прохладный респектабельный отель. Быстро разделись, захватили полотенца и поспешили на крышу небоскреба — купаться.

Лифт со свистом взметнул нас на сороковой этаж.

Черное небо, миллиарды звезд над головой, яркая и полная луна подсвечивала бассейн. Огляделись — шикарный вид открывался перед ними: огромный город в огнях как на ладони! Вроде бы жарко, но легкий ветерок на высоте бодрит. Вау, красота!

Кабыла подремывал на лежаке, прищурил глаза, пробурчал:

— Поторопитесь! Скоро нас отсюда выгонят — служитель приходил и сказал, купаться можно лишь до часа ночи. Потом будет чистить и воду менять...

Мы поспешно прыгнули в небольшой бассейн четыре на пять метров — поплескались.

Освежились, выбрались, легли нежиться на теплый кафель.

— А жаль, что нет холодного пива для полноты счастья! — проворчал я.

Художник кивнул, соглашаясь:

— Но лучше бы холодной водки!

Я невольно содрогнулся, представив употребление даже ледяной водки в такую жару. Нет, спасибо.

— Фото на память? — предложил Зверлинг.

— Достали уже! — проскрипел Шурик. — Заядлые попарации, блин!

Художник пристроил тяжелый зад на краю парапета — под ним зияла черная пропасть примерно метров в сто. На этой высоте ощутимо гулял ветер, казалось, здание слегка покачивалось.

— Снимай для истории!

Я тщательно прицелился:

— Юлий, ты, главное дело, от вспышки не дернись и не улети вниз! Ты ведь бескрылый — не Икар, не воспарить!

Зверлинг с опаской оглянулся и благоразумно сдвинул зад чуть подальше от края парапета.

Обсохший Шурик сполз с лежака:

— Хватит уже фотографироваться, деятели культуры. Пора спать! До завтрака осталось всего пять часов! Проспите — второй раз билеты не продлят!..

Пять утра. За окном черным-черно. Эх, жаль не подали завтрак в постель.

Компанию нашей троице составила мило беседующая англоязычная семья. Сотрапезники какие-то

странные: лохматый, рыжий и обильно конопатый здоровяк папа и четверо детишек, сделанные под копиру, совсем не похожие на папашу, словно они не родные, а приемные. Детишки, вылитые кавказцы: горбоносые, чернявые, тощие.

— Сравстуйте, товарищи! — поздоровался рыжий. — Руссо туристо?

— Ага, и облик морале. Мы уже не товарищи, — отшутился я, несколько опешив, что англосакс с нами поздоровался на ломаном русском. — Мы теперь, как и вы — господа!

Рыжий мужик громко заржал, запрокинув голову и широко разинув рот. Отсмеявшись, лохматый протянул руку для рукопожатия:

— Билл!

— И тоже Клинтон?

— Нет — Джонсон! — вновь рассмеялся мужик.

— Линдон Джонсон?

— Ба! Всех-то наших президентов он знает! Молодец, мужик! Наш человек! — произнес рыжий, подмигивая детям и от души хлопнул меня по плечу.

Старший по возрасту мальчик, на вполне приличном русском предостерег нас:

— Вы не обижайтесь на папины манеры, он часто ведет себя так с посторонними — дурачки и не принужденно.

— У нас многие так себя ведут, — подмигнул ему Юлий. — Тагил-рулит!

Мальчишка и девочка рассмеялись, им явно доводилось видеть «Нашу Рашу».

— А в Штатах неприлично приставать к незнакомцам и хлопать их по плечу, папа часто конфликтует с посторонними, — продолжил парнишка. — Он крайне эмоционален и общителен, у него так выражен посттравматический синдром — последствия войны.

Я с интересом посмотрел на америкашку: синдром от последствий какой войны? Вьетнам? Ирак? Афганистан?

— Билл, ты ветеран войны?

— Я не военный ветеран, я — «Врач без границ». Кавказ! И это мои черножопые Джонсонс-бэби, детки: Артур, Арсен, Карина и Мадина. Удивлены, вероятно, что мы все такие разные и не похожие? Просто их мама армяно-осетинка. Черножопая чурка, как у вас, русских, говорят!

Билл вновь громко заржал, радуясь собственной грубоватой шутке.

— Билл! Вслух так говорить неприлично! — Мне стало неловко перед его детьми. — Нетолерантно!

— Говорить неприлично, а думать прилично? — опять засмеялся рыжий. — Насколько я знаю, в России всех кавказцев и азиатов русские в общении между собой ведь так называют?!

— Милейший янки, да мало ли кто кого и как называет. Я тебе не советую так выражаться, особенно на Кавказе! — вспыхнул Шура. — Ты бы еще матом по матушке покрывл...

— Он может, — подтвердил старший сын, Артурчик. — Любит вставить крепкое словечко в разговор, благо англоязычные соседи наших выражений не понимают. Хотя коллеги-врачи уже многие крепкие словечки выучили...

— Люблю материться! Обама чмо! И ваш президент говно! — выдал тираду рыжеволосый папаша. — Да и Медведев, и мадам Клинтон тоже какашки. Короче говоря, все правители козлы и мудачки!

Дети укоризненно покачали головами, а нигилист Зверлинг радостно засмеялся и поддержал американского оппозиционера:

— Правильно, все политики дерьмо! Анархия — мать порядка! А врачи, художники и прочие нормальные люди от их дурной политики страдают. Хорошие люди всех стран, объединяйтесь! Кстати, Билл, мы с Костей не простые путешественники, мы еще художники и писатели. — Юлий многозначительно подмигнул рыжему и протянул визитку.

Билл прочитал, сунул в карман и, сделав круглые глаза, восхитился:

— О! Юлий — живописец! И оба пишете книги? Как здорово! А ваш третий товарищ?

— Наш третий товарищ читатель... Слышишь, американец, а ты кокаин нюхал? — внезапно сменил тему анархист Зверлинг. — Пробовал в своей Америке наркоту? В Штатах ведь чистейший колумбийский продается прямо на улицах...

Американец покраснел, скосил глаза на детей, приложил указательный палец к губам и укоризненно зашипел:

— Тс-с-с! Кокаин — плохо! Голова-мозг размякнет, сосуды утончаются и кровь нос пойдет! Травка — хорошо! Успокаивает. Но тс-с-с, это некароший разговор. Дети подслушают, а их мама потом опять скажет про мое дурное влияние.

Под разговор набрали еды в тарелки, сели за общий стол, неспешно пережевывая пищу, я продолжил диалог с американцем.

— А где именно был на Кавказе?

— Карабах, Южная Осетия, Грузия, Ингушетия, Чечня... Везде, где стреляли. Моя жена тоже врач, в госпитале познакомились в девяносто третьем, а в девяносто пятом поженились. Украдь из Россия! Кавказская плэнница американца! Потом мы пачи-му-то начали плодиться. Видишь, как нас тэперь многа!

Билл вновь рассмеялся, а дети в очередной раз осуждающе посмотрели на отца. Карина даже погрозила маленьким кулачком:

— Цыц, черножопые! Дайте папе немного пошутить! — Америкашка показал дочери язык.

Да уж! Веселая, однако, семейка!

— Костья! Жуй быстрее — на автобус нэ успе-ем! А я не собираюсс из-за вам опаздывать на рэйсс! Я и так уже задержался в Дохе и прогулял одын рабочий дэн.

Я кивнул, соглашаясь, и стал ускоренно жевать.

Поспешили в микроавтобус. Гастарбайтер-индус домчал нас с ветерком за пятнадцать минут — утреннее шоссе через пески было уныло и пустынно. До вылета нам оставалось три часа, американско-кавказской семье — час. Сфотографировались на память на телефоны и американскую фотокамеру, крепко обнялись, обменялись визитками, пообещали выслать друг другу фото. Забавными и вполне хорошими людьми оказались эти Джонсоны!

...Позднее я выслал из дома Джонсону совместные фото, но Билл почему-то промолчал. Возможно, обиделся в очередной раз на Медведева или Путина?..

Хроника:

Два лидера сомалийских пиратов были задержаны в Бельгии после того, как их пригласили туда в качестве консультантов для съемок фильма о морских разбойниках. Как рассказал Федеральный прокурор Бельгии Йохан Делмуль, одному из пиратских главарей — Абди Хассану по прозвищу Афвейн — сообщили ложную информацию, что его пригласили принять участие в работе над фильмом как консультанта. Одного из персонажей фильма объявили его прототипом. Хассан поверил и прилетел в Бельгию со своим помощником и правой рукой Мохаммедом Аденом по кличке Тиисеей. Они оба были задержаны сотрудниками полиции 12 октября в Международном аэропорту Брюсселя. Абди Хассан является одним из самых известных и влиятельных сомалийских пиратов. Он подозревается в организации захвата в 2009 году бельгийского судна «Помпей». Его экипаж удерживался в заложниках в течение более 70 дней. За их освобождение был уплачен выкуп в два миллиона евро. В Бельгии Афвейну грозит тюремное заключение сроком до 10 лет. В январе он объявил, что отказывается от преступного бизнеса и намерен попробовать себя в политике. По оценке ООН, Хассан в 2005–2013 годах зарабатывал на пиратстве миллионы долларов, организовав захваты десятков торговых судов в Аденском заливе...

Новогодний привет от Оксаны

Вряд ли кому нравится проводить Новый год на работе. Действительно, этот праздник, хочется отметить хорошо и в кругу семьи. Однако сотни тысяч ответственных людей почти каждый год проводят его либо на работе, либо на службе: пограничники, пожарные, врачи, милиционеры, машинисты поездов...

И конечно же моряки! Примерно каждый второй новогодний праздник морякам приходится встречать в рейсе, бороздя моря-океаны. Вот и я второй раз попал в рейс как раз под иностранное Рождество. В команде Остроногин и Суворов — оба напарника заслуженные ветераны боевых действий, ныне отставники. Новый год в России праздник особенный — семейный, непривычно встречать его мне,

сухопутному, в центре океана, в отрыве от жены и детей — на судне, в кругу моряков.

Высадились на балкер с катера в Суэзе, без проблем, а вооружились через день в Сафаге. Снова «Брянск». Мастер, старый знакомый — Николай Третьяк. Капитан, как мог, успокаивал, мол, не грустите по испорченному семейному празднику — для него это уже седьмой Новый год на судне. Заверил, что праздник понравится — экипаж подготовился.

Следом вдогонку за нами на стареньком небольшом танкере отправился экипаж Олега Матвеева с командой секьюрити экс-милиционеров Козловского, Баранова. Видимо, те тоже, как могут, скрашивают предновогоднее уныние.

В Красном море за восемнадцатой широтой вновь стало жарко, однако солнышко круглый год стало уже привычным — загар с тела почти не сходит. Стоя на вахте, день за днем наблюдаем стаи дельфинов, резвящихся в теплых водах, гоняющих косяки рыб и часами соревнующихся с судовой подводной бульбой.

Едва вышли в Аденский залив, установился полный штиль — самая пиратская погода. В такую погоду сотни летучих рыбок стремглав вылетают от борта судна и порхают над зеркалом воды, на десятки метров, словно доказывая друг другу, кто может дальше улететь. А какой воздух, не передать словами! Сколько хожу через океан, а все не перестаю восхищаться...

Третьяк объявил приказом 31 декабря выходным днем — все кроме вахты смогли постираться, привести себя в порядок и подготовиться к торжеству.

Ужин отменили — в двадцать один час команду пригласили к праздничному столу. Мастер вспомнил профсоюзное прошлое и толкнул речь, а также зачитал поздравительные телеграммы от руководства компании. Попросил и меня сказать что-нибудь душевное, теплое.

Потом моряки дружным залпом пробками шампанского устроили салют, буфетчица и повариха искренне ойкнули.

Николай подмигнул и поинтересовался:

— Костя, а нельзя ли произвести иной залп?

Отчего нет? Можно! Народ высыпал на палубу — я дал с крыла в воздух трассирующую автоматную очередь, а старпом запустил в небо списанную сигнальную ракету. Ну вот, получилось все как у людей, с фейерверком и салютом! Почти как дома...

Мастер отправил экипаж в кают-компанию допивать шампанское, газировку и доедать салаты, а нас пригласил к себе в каюту — уничтожать джин, виски, те же салаты и прочие деликатесы.

Замечательно отметили Новый год!

Две наши команды встретились на Цейлоне в отеле на отдыхе после новогоднего океанского пере-

хода. Полковник Алекс вышел на связь и сообщил, что билеты ужасно дорогие, народ возвращается после каникул через Дубай, Доху и Абу-Даби, ценник просто зашкаливает — один билет дороже шестидесяти тысяч вместо двадцати пяти!

— Вы ведь сильно не торопитесь? Семьи не голодают? Купайтесь, загорайте, пейте коктейли и пиво, а я поищу варианты...

Так нарисовался незапланированный, почти недельный отпуск на курорте — бесплатно для нас.

Мы спешили и были в предвкушении возвращения домой, к любимым женам, у кого они, конечно, имелись, холостяки, в свою очередь, мечтали о свободных женщинах, но ради экономии фирмы немного «потерпим», особенно если руководство просит.

В промежутках между купанием в океане я регулярно общался по скайпу с супругой.

В очередной сеанс связи тон ее крайне не понравился.

— Что случилось? Почему хмурая?

— Это ты у своей Оксаны спроси!

Я в шоке — что за дела? Какая Оксана? О чем это она говорит?

— Ты о чем, дорогая?

Тяжелая пауза. Потом взрыв:

— Письмо пришло с судна, капитан пишет, что вышли из Новороссийска, и передает привет от экипажа и привет от Оксаны.

Гора с плеч!

— А-а-ах. Эта... Это судовая баба капитана, он с ней плавает уже пятнадцать лет, они вместе спят. Это Зверлинг, Остроногин и Кабыла могут подтвердить, мы с ними шли на судне вместе.

— Не знаю, кто у вас там с кем спит, но привет не им, а тебе.

— Правильно, почта ведь моя, и с мастером общаюсь я, потому и привет мне...

— Общительный ты наш. Ну-ну, продолжай общаться...

Я в ступоре, что делать? Незапланированный скандал и ревность на ровном месте, самое обидное — беспричинно!

Что делать, что предпринять?

— А пойдем пивка попьем для успокоения нервов! — предложил Суворов. — Переживай, не переживай, ничего уже не изменишь. Вернемся домой, приголубишь — простит. Тем более друг Сережка подтвердит твою легенду об Оксане!

— Какую легенду? Это так и есть на самом деле!

— Ты не меня убеждай — жену, — ухмыльнулся Денис.

Остроногин ехидно засмеялся, наполнил холодным пивом высокий бокал и пододвинул мне.

— Какая легенда! О чем ты? Сережка, ты же помнишь все!

Остроногин заржал уже откровенно:

— Я каюту с тобой не делил, мы с Кабылой в том рейсе спали в госпитале на первой палубе...

Сволочь, еще и насмехается. Однако Серега тут же сделал серьезное лицо:

— Да ладно, шучу. Конечно, подтвердим твою версию про Виталика и Оксану.

И вновь громко заржал. Мерзавец!

Наутро супруга вновь была хмурой.

— Что опять случилось?

— Тебе новое письмо от капитана. Пишет, вышли из порта, в Суэце будут через девять-десять дней и тебе отдельный привет от Оксаны!

Сурово взглянула и отключила скайп.

Вот влип! Ну, Виталий! Как говорится, доказывай, что не верблюд...

Домой через Южную Корею

Алекс дал нам вволю накупаться, а затем обрадовал новым маршрутом — через Южную Корею.

Летим двумя командами — вшестером. Выяснилось, билеты до Инчона корейская компания предоставляет нам всем бесплатно, а из Кореи по двадцать пять тысяч. Станный бизнес, вроде авиакомпании борт надо было хоть кем-то заполнить. Но раз так делают — значит выгодно.

В дьюти-фри аэропорта Коломбо заметил продающий по скидке коньяк «Courvoisier». Дешевле — на целую десятку! Особо не раздумывая, купил. А надо было подумать...

Группа из шести откормленных, загорелых мордovorотов уселась в одном ряду на борту огромного «Боинг-777». После взлета первым делом все россияне мягко, но настойчиво потребовали напитков. Корейки-стюардессы, летающие на азиатской линии, заметно удивились, видимо привыкли к умеренным в питье пассажирам-мусульманам и индусам, однако с готовностью удовлетворили просьбу, а мы заказали каждый на свой вкус. Я попросил коньяк, но стюардесса огорчила — коньяка нет, есть арманьяк. Да и ладно, различие невелико и понятно только гурманам. Остроногин тоже пожелал отведать арманьяк, следом за ним Матвеев и Суворов. Раз арманьяк, два арманьяк, три арманьяк. Порции маленькие, а мы регулярно просим повторить. В конце концов, стюардесса принесла всю бутылку, разлила остаток в стаканы и заверила, что арманьяк закончился. На нет и суда нет, зато есть старый добрый джин — лететь ведь много часов.

Воздушный завтрак, затем обед и каждый раз напитки. На полете к Инчону мои попутчики были уже довольно подогреты кто чем смог и сильно расслаблены.

Мягко сели на взлетно-посадочную полосу аэродрома, поспешили на таможенный контроль. Меланхолический кореец работал неторопливо, словно автомат: после прохода через рамку рассматривал паспорта прибывших пассажиров и пропускал в зал

аэропорта. Заметив у меня пакет с коньяком, потребовал сдать.

— Почему?

— Не разрешено к транзиту!

— Дьюти фри! — попробовал я было возражать и потянул пакет на себя. — Из Коломбо!

— Должен быть транзитный пакет! Запечатанный...

— И что из того?

— Конфискация!

Что? Забрать у меня бутылку коньяка! Хотелось воскликнуть как в кинокомедии: «Бутылку, да я тебя!» А не пошел бы ты, южнокорейский «нам не товарищ»!

Я перехватил пакет, вырвал из корейских рук свой паспорт:

— Стоп! Я передумали! Возвращаюсь!

Корейский чиновник опешил:

— Куда возвращаешься?

— В нейтральную зону! Вернусь через час!

Кореец не знал, что сказать в ответ и что предпринять, а я тем временем нахально проследовал мимо — обратно в зону прилета.

Скомандовал растерявшимся товарищам:

— Кто хочет бесплатный коньяк — за мной!

Дружной вереницей все пятеро сотоварищей проследовали по кругу мимо растерявшейся досмотровой команды.

Завернули за угол, встали возле недавно пройденной тумбы с надписью Immigration. Ну, ушел от конфискации, а что дальше?

В глазах приятелей тот же немой вопрос.

— Давайте подоведем баланс: что у нас есть? — опросил я попутчиков.

Два стаканчика я загодя случайно прихватил из самолета для воды, плюс — крохотную шоколадку.

Запасливый Суворов вынул из кармана два пакетика орешков, Остроногин маленькую пачку галет. И всё? Товарищи кивнули — всё!

— И нечем запить? — подсадовал Баранов. — В горле пересохло...

Остроногин осуждающе посмотрел на экс-милиционера:

— Кто же коньяк запивает? Коньяком и смочишь...

Действительно, зачем коньяку вода? Коньяк надо смаковать маленькими глотками!

Разлил по пятьдесят граммов — желающих пить не появилось. Все хорошо набрались в полете?

— Почему тормозим?

— Не особо хочется — ответил за всех тощий второй экс-милиционер Хамхура.

— Вы чо?! Не выливать же?!

Вроде согласились, но никто не спешит помогать. А мне бутылку жалко отдавать корейцам. В конце длинного коридора появилась толпа с очередного прибывшего рейса.

— Россияне есть?

— Ну?

— Угощаю! Коньяк! Курвуазье! Кто желает?

В толпе заметил несколько земляков. Народ смеялся и скромно спешил мимо на контроль. Вот черт!

Выпил самостоятельно, ведь на свои купил, честно заработанные. Жалко — пропадет!

Вот еще один рейс прибыл, но и эти россияне не откликнулись на призыв бесплатно угоститься.

Удивительно, в любой рюмочной выстроилась бы очередь. Какие зажавшиеся россияне! Да и черт с ними. Вновь выпил в одиночку и закусил шоколадкой.

— Э-э! Да так закуски на всех не хватит! — запротестовал любитель вкусно покусать Остроногин.

«Сослуживцы» протянули руки к стаканчикам. Выпили за мое здоровье и за здоровье корейской таможни. Невольно подумал: «Еще и издеваются, мерзавцы!»

Мимо нас обратно от паспортного контроля побежала причитающая женщина, на мое предложение ругнулась, затем следом за ней мужик.

— Что случилось, товарищ?

— Пентбольные ружья не пропускают! — махнул рукой мужчина и тоже выругался. — Надо срочно оформлять...

Умчался. Появились пассажиры следующего рейса, но лишь один откликнулся, и тот отмазлся:

— Не могу мужики, я с женой. Спасибо и извините...

Я даже разозлился — придется все пить самому?

Рассудительный экс-разведчик Матвеев, выслушав мое возмущение, прояснил эту коллизию с выпивкой:

— Нормальный россиянин всего за границей опасается! И правильно делают, что проходят мимо — я бы тоже отказался. Сам подумай: шесть опухших мордovorотов в переходе предлагают выпить! Какой у нас вид: подранные шорты, мятые футболки, в шлепанцах. А ну как подсыпят чего в рюмку или затеют драку?

Так под разговор, в течение часа, литр пригубили, и без всякой закуски, и сотоварищи с ехидными улыбками посетовали, что я не купил в Коломбо вторую бутылку...

Хроника:

NATO Shipping Center сообщил о трех происшествиях 30 марта, связанных с пиратством, названия судов не сообщаются. В 08.05 Гринвич с торговым судном сблизилась почти вплотную (2 метра) две лодки, в точке 24 52N 060 59E, 37 миль почти строго на запад от пограничной береговой точки Иран-Пакистан. Судно начало маневрировать, и через 25 минут лодки ушли. Судно в безопасности. В 10.15 Гринвич две лодки зеленого цвета с 3–4 людьми в каждой, в военной одежде с автоматами, сблизилась на расстоянии около 150 метров с торговым судном в точке 26 22.6 N 056 07.8E, Ормузский пролив. Через некоторое время лодки

ушли в сторону побережья Ирана. Судно в безопасности. В 11.45 Гринвич торговое судно было атаковано одной лодкой с 6 людьми на борту, вооруженными автоматами, в точке 26 24N 056 41E, Ормузский пролив. Лодка сблизилась с судном на расстояние около 5 метров, было произведено два выстрела по мостику и по надстройке. На судне сыграли тревогу и активировали водяную защиту, лодка ушла. Судно в безопасности.

Поход на паруснике «Любовь»

Повезло — иду во внеочередной поход, хотя и не со своим экипажем проверенных бойцов. Побывать на бригантине, клипере или шлюпе была моя давняя юношеская мечта. А идти под парусами, да не один день... Фантастика! Прежде настоящий современный парусник — видел их лишь в кинофильмах и думал, что они предназначены именно для съемок. А оказалось, это учебные суда при высших морских училищах и на них проходят практику курсанты, будущие штурманы. Времена парусного флота — перевернутая страница истории. Но случается — мечты сбываются.

Парусник «Любовь» достался нашей охранной фирме случайно. За сопровождение этого красавца шла долгая борьба. Повезло нашей: выиграли тендер, понизив ценник. Алекс меня спросил, не желаю ли попутешествовать на парусной шхуне. Как не желать? Желаю!

Предстояло работать не со своей командой, а пойти рядовым бойцом к Денису Суворову, у него заболел один из подчиненных. И ладно...

— Алекс! Я годов пойти даже пассажиром! Я написал три приключенческих книги о временах парусного флота: пираты, путешественники, моряки, а сам в реальности и парусов не видал.

Полковник обрадовался:

— Вот и замечательно! Срочно собирайся, завтра в путь...

Высадились в Сафаге на борт корабля без проблем и приключений. Когда на горизонте появился силуэт белоснежного парусника — даже сердце ёкнуло от восторга.

Едва ступили на борт судна и затащили на мостик сейф с оружием, к нам подошел какой-то рыхлый толстячок, назвавший себя:

— Второй штурман, Вадим Ботолов! Цель вашего прибытия на мостик?

Мы с Суворовым даже опешили, какой-то странный нахальный тип.

— Вас охранять! — усмехнувшийся Денис: — Я — старший команды секьюрити в этом рейсе. А ты?

Вадик снисходительно оглядел нас.

— И кто из вас служил на Холуае?

Мы с бывалым десантником и офицером-разведчиком Суворовым переглянулись, оба ничего не поняли. Пожали плечами.

— С вами все понятно, какой вы спецназ...

Толстячок пренебрежительно хмыкнул, скривил физиономию и покинул мостик. Денис покрутил пальцем у виска:

— Какой-то новенький. Прежде я его здесь не видел...

Суворов здесь был почти своим: в прошлый поход, три месяца назад, он уже шел на этом паруснике.

Денис обнялся с высоким, бритоголовым, загорелым моряком — типичный морской волк из старого кинофильма про пиратов.

— Константин, знакомься: старпом Михаил Степаныч!

Затем Суворов крепко пожал руку моложавому, лет сорока пяти, капитану — тепло пообщались как старые приятели. Представил капитану и нас.

Тем временем мы с Максимом Ушаковым осмотрелись на борту, поздоровались с матросами — сплошь молодые ребята, курсанты Академии.

Я заглянул в рубку, пробежал глазами по кровлюсту, прикрепленному кнопкой к переборке: ого, на паруснике постоянный экипаж сорок человек. Да плюс переменный — почти сотня: курсанты и преподаватели дальневосточной мореходки.

В каютах теснота и скученность — ужас! Кондиционер работал, но его дуновение чувствовалось лишь в каюте капитана и судовладельца — на корме.

Нам с Ушаковым досталась тесная четырехместная каюта с параллельными двухъярусными шконками. Есть иллюминатор, но он задраен. Прочая обстановка вполне спартанская: низкая тумбочка да узкий шкафчик. Вполне комфортно, ведь в остальных кубриках курсанты обитали словно селедки в банке — по десять-двенадцать человек, лишь девичья каюта полупустая, морячек всего четыре. Да и преподаватели не барствуют, размещены по трое-четверо.

В первую же ночь мы едва выжили — в каюте теплый спертый воздух, вентиляция даже не пыталась справиться с духотой. Промучились несколько часов и выползли на палубу подышать морским воздухом и посмотреть на звезды.

Следующим утром старший по воспитательной работе капитан третьего ранга запаса Сан Саныч выделил на время похода большой вентилятор, тем и спас наши бранные жизни. Днем часа четыре подремали с разинутыми ртами, жадно вдыхая теплый воздух — словно рыбы, выброшенные стихией на берег.

Ближе к вечеру началась сильная пыльная буря, не поймешь, с какой стороны дуло: с Аравийского ли полуострова, с Африки ли, или сразу с обеих сторон. Белоснежные влажные паруса вскоре покрылись рыжей пылью, а палуба под ногами хрустела песком. И пища на зубах в кают-компании тоже захрустела.

Питание на паруснике — отдельная тема. Офицерский салон размещался на корме: резная мебель — стилизация под дорогую старину, на стенах бутафорские канделябры и дешевенькие картины на морские темы, на полках и под стеклом призы и кубки. Красота!

А кормили хоть и за хорошо сервированным столом, словно в ресторане, но крайне плохо, хотя по штату на паруснике четыре повара! Народ во всем винил кандея — завхоза. Этот пятидесятилетний матрос был отъявленной шельмой и почему-то, хоть по судовому расписанию числился рядовым составом, питался за командирским столом. На все жалобы экипажа постоянно сетовал, что продукты гниют, портятся из-за беспорядка в провизионке. А кто виновен в этом? Корабельные крысы? Вот бездельник!

После ужина опытный и бывалый Суворов позвал фотографироваться. Пошли на бушприт — горизонтальное наклонное рангоутное дерево, брус, выступающий впереди носа парусника. Продвигались осторожно, цепляясь за такелаж. Вид открылся шикарный, словно летишь над водой! Долго вдыхали морской воздух, повиснув над бурными волнами, болтая босыми ногами. После часовой фотосессии и обзора морского простора вернулись на палубу.

— Понравилось лететь над волнами, пехота? — усмехнулся загоравший на палубе бака старпом.

Еще бы не понравилось!

— Бушприт предназначен для вынесения вперед центра парусности и улучшения маневренности судна! — пояснил Степаныч. — Могу рассказать немного об управлении парусами.

Загорелый старпом провел довольно пространную, почти часовую лекцию, по парусному управлению судном. Оказалось Михаил Степанович на паруснике с самого первого дня, за пятнадцать лет сделал служебную карьеру от матроса и до старпома.

— Хотите, сходить завтра на паруса? — предложил старпом. — Дам вам в помощь сына.

Старпом с гордостью поведал, что сын служит на паруснике боцманом грот-мачты, он заочник той же мореходки, будущий судоводитель.

Утром явился Матвей, тот самый боцман, и вручил нам страховочные пояса, как у верхолазов.

Я с восторгом и трепетом уставился на высоченные мачты — до клотика примерно двадцать пять — тридцать метров! Живот слегка крутило еще с утра, что-то не то съел. А ну как не успею спуститься? Да еще накануне супруге звонил и похвастался планируемым восхождением. Обругала: упадешь, костей не соберешь, дурную башку расшибешь, кто будет детей кормить? Поэтому на клотик я не полез, ограничился верхними парусами. Какой обзор! Какой вольный морской воздух!

Сделали десятка три коллективных и персональных фото и спустились вниз.

С утра сыграли аврал — появился хороший ветер, и курсанты под руководством старпома и старшего парусного мастера начали ставить паруса.

— Поднять фор-стен-стаксель! — гаркнул старпом.

Боцмана засвистели в дудки и продублировали команду, а старший боцман ревел словно медведь.

— Поднять фор- и грот-марсели!

Курсанты метались по мачтам со скоростью белок, мне невольно стало боязно наблюдать за ними, балансирующими в вышине, — голова едва не закружилась.

Когда паруса заработали, капитан дал отбой машине и велел ставить парус — грот и марселя бизани. В последнюю очередь поставили фок, и суета немного утихла.

Легли на нужный курс и поставили брамсели и бом-брамсели, а также и бом-брам-стаксели. Капитан дал авралу отбой — курсанты вернулись отдыхать в каюты, а нам парусный старпом Юра принялся травить морские байки.

За рейс я узнал много новых слов: брасопить, обстениваются паруса, фока-брасы, фордевинт, шпингель-вант-перт, передвижение по пертам и прочая, прочая...

Странный Вадик...

На восемнадцатом градусе широты, во вполне еще спокойных водах Судана чуть прежде обычного заступили на боевое дежурство. Суворов не стал спорить с суровым капитаном парусника, ведь его можно понять, на нем большая ответственность за будущих флотоводцев. Что ж, будем бдить и защищаться от пиратов заранее — во вполне спокойных водах. Свобода и жизни десятков юных курсантов, будущих судоводителей, дороги и нам!

Моя первая вахта начиналась со склянок к обеду, и нес я ее со старшим парусным штурманом (есть еще на паруснике и такой, помимо старшего помощника — старпома), и с матросом, курсантом-заочником.

Надо сказать, что помимо должности старший парусный штурман, были и иные необычные должности для современного флота: парусный мастер, главный боцман, боцмана мачт (грот, бизань, фок).

Поднимаясь на мостик, я услышал сбивчивое объявление по радиотрансляции вахтенного — второго помощника: время, координаты нахождения, температура воздуха и воды, пожелание экипажу приятного аппетита. Каждая фраза начиналась с заикания и сбивчивым заиканием завершалась. Ох, и мямля этот Вадик!

Старший парусный штурман Юрий оказался хорошим и приятным собеседником, да и матрос Петя — компанейский парнем. Парусный старпом ругал второго штурмана за незаполненные журналы, неверно поставленную точку на карте, тот в ответ

что-то несвязное бормотал в оправдание и спешил прочь — обедать.

Раздосадованный, Юра покачал головой вслед и беззлобно пошутил над Вадиком.

Но, как позже оказалось, странности второго штурмана, на потеху нам, только начинались. Кто бы мог подумать, что второй помощник даст нам пищу для разговоров на весь переход через Индийский океан и повеселит немало!

Так сложилось, что все штурманы Вадики, что попадались мне в рейсах, были со странностями: сначала Вадик с рудовоза «Мадрас» прибабахнутый, потом Вадик на «Бразиле», а затем Вадик-с-приветом на паруснике. Что ни Вадик, то бесценный кадр!

На смене с первой ночной вахты Вадик повторно поставил меня в тупик все тем же дурацким вопросом, где я служил прежде в спецназе и есть ли кто-то из нашей команды с Холулая?

Я в недоумении пожал плечами, мол, не ведаю:

— В спецназе я никогда не служил.

— Говоришь, бывалый офицер? Очень странно, что не знаешь! — полным пренебрежения тоном произнес Вадик и с чувством превосходства, потеряв ко мне всяческий интерес, отвернулся. — Кто же не знает о месте базирования морского спецназа?..

— Повторяю, я не спецназовец — простой офицер-пехотинец. Да и отрядов спецназа в вооруженных силах было много, а еще спецназами себя называла спецсвязь. Я не обязан был во время службы все знать, тем более места их размещения — государственная тайна!

— Для кого-то тайна, а для кого-то жизнь! — многозначительно изрек Вадик.

Поняв, что я не принадлежу к немногочисленной и закрытой касте спецподразделений, штурман выскомерно хмыкнул, мол, с тобой все понятно — пыли дальше, пехота...

Вадик ушел отдыхать, думая, что оставил меня посрамленным и оплеванным нести вахту, мучаясь собственной неполноценностью и некомпетентностью, однако на самом деле мне было самому наплевать на его слова и мысли: да что из того, что пережил я на войне, видел в жизни этот штурман?!

Ночь прошла спокойно. Крепкий ветер дул в паруса и позволял паруснику развивать скорость в десять узлов.

Песчаная буря завершилась, но пыль по-прежнему висела в небе, закрывая солнце и создавая марево и дрожащую дымку, нависающую над морем. Вадик по судовой радиотрансляции вновь промямлил что-то сбивчивое о широте и долготе, а на замечание старшего штурмана лишь огрызнулся: мол, и так, без сопливых, все в этой жизни знаю.

— Да что там знаешь?

— Я посвящен в такие государственные тайны, что вам о них рассказать и поныне будет преступле-

нием с моей стороны! Расскажу — и меня и вас могут посадить!

— Ой, ой! — ухмыльнулся Юра. — Какие мы секретные.

Вадик чуть насупился и вымолвил:

— Да если хочешь знать, я во время срочной службы Гондурас взрывал!

Мы с Юрой громко засмеялись, даже вахтенный матрос откровенно заржал.

— Ну, блин, ты даешь! Он и в Гондурасе отметил-ся! — хохотнул старший парусный штурман, подмигнул мне чуть заметно и покрутил пальцем у виска. — Как ты в Гондурас попал? Ты хоть знаешь, где этот Гондурас находится? В Африке?

— Что ржете? Можно подумать вы знаете, где Гондурас и что там происходило?

Все закивали, потому как даже матрос Петр был с высшим образованием, хоть и не морским — юридическим.

— И не надо умничать и выпендриваться, я знаю географию — учил. Гондурас в Центральной Америке! — обиделся Вадик. — Вы слушать меня будете или продолжите перебивать на каждом слове?

— Продолжай! — подмигнул нам старший парусный штурман, словно бывалый заговорщик. — Молчим как рыбы!

Вадик сердито посопел и продолжил:

— Так вот, нас активно готовили к операции месяца, потом однажды ночью привезли на базу к подводной лодке и той же ночью, в полной секретности, лодка ушла в океан. Так что я выполнял секретное задание правительства по уничтожению базы никарагуанских контраст и американского разведывательного центра в Гондурасе!

— В каком году это было? — искренне усомнился я в рассказе явно полусумасшедшего штурмана, версия взрыва в Гондурасе мне показалась откровенным враньем.

Штурман поморщился:

— Все-то тебе в деталях расскажи... Год, месяц, день... В девяностых годах это было. Могу рассказать лишь чуть подробнее...

Вадика явно распирало желание блеснуть перед нами своим боевым, героическим прошлым.

— Валяй, — разрешил старший штурман.

Штурман напустил на лицо таинственности и приступил к долгому повествованию:

— Дело было так. Призвали меня на службу в морскую пехоту в отряд боевых пловцов. После окончания учебки как отличника боевой и политической подготовки направили в специальный секретный отряд боевых пловцов. В отряде готовили почти полгода: прыжки с парашютом, плавание с аквалангами, глубоководное погружение, стрельбы, гранатометание, обучение метанию ножей и саперных лопаток и много еще чему другому...

А потом снова отобрали самых лучших и подготовленных, я попал в их число. Поздно ночью груп-

пу из двенадцати человек привезли на подводную лодку — доставили в глубокой секретности, чтобы экипаж наших лиц не видел, и отправились мы в дальний поход. На подводной лодке, не буду вам говорить, какой бортовой номер — тоже секретно, мы жили и питались отдельно от экипажа. Поход был долгий, шли через весь Тихий океан. Не стану вдаваться в подробности — это ведь военная тайна и поныне!

При этих словах Вадика мы с Юрой едва заметно перемигнулись.

— Короче, мы вовремя подошли в назначенный квадрат, нам выдали оружие, каждому по мине, и спустили через торпедные аппараты в море. Естественно, в аквалангах и с прочим боевым снаряжением...

— Спустили или вы вышли через торпедные аппараты? — ухватился за режущую ухо фразу Юра. — Спускают, знаешь, что и куда?

— Не надо цепляться за слова — пусть будет, вышли через торпедные аппараты! — огрызнулся Вадик. — Старший над всей группой, суровый такой товарищ, сказал, что времени на выполнение задания шесть часов — если не уложимся и вовремя не вернемся, лодка уйдет из квадрата и возвратится домой на базу без нас.

В какой мы стране будем действовать, старший не говорил, но намекал, мол, в плен лучше живым не сдаваться — попытают до смерти!

Документы перед выходом на задание сдали особисту, если вдруг захватят чей-то труп — неизвестное и неопознанное тело. Добрались до берега, разделили груз по группам и отправились минировать: корабли у причала, здание порта, маяк, радиостанцию и склады. Я с напарником должен был взорвать маяк, это задание мы успешно выполнили. Не буду вдаваться в детали, что и как — секретно.

Мы понимающе кивнули, еще бы — с нами говорит носитель страшной военной тайны. Больше не перебивали, было забавно слушать пустую болтовню, а Вадика явно несло, и он никак не мог уговориться. Пусть себе поговорит...

— Несколько часов мы плыли к берегу, а потом с ходу вступили в бой с охраной. Заложил мину, растянул провода на пятьдесят метров, точно в указанное командиром время замкнул от батарейки. Взорвали объект и бежать! В порту началась такая паника! Гондурасы бегают, стреляют...

— Кто бежит? — Я едва удержался, чтобы не рассмеяться.

— Гондурасы! Эти, значит... как их... гондурасцы носятся, сирены воют, вокруг пожары, взрывы от детонации боеприпасов. Короче говоря, порт мы уничтожили. Другие группы заминировали причал, станцию радиоэлектронного слежения и нефтяной терминал, и всё взлетело на воздух, к чертовой матери. Кучу бойцов американского отряда «Дельта» и «морских котиков» перебили, а сами ушли без потерь. Отступили к берегу — радуемся, все живы,

только одного осколками зацепило и одного контузило. Поплыли в открытое море, вышли в указанный квадрат — нас не встречают. Сцепились руками в звездочку, придерживаем пострадавших, ждем. Долго дрейфовали и уже подумали, что лодка обнаружена эсминцами и ушла от бомбометания домой, тогда нам остается одно — всем застрелиться, однако подводная лодка с часовым опозданием всплыла, выслали за нами надувной бот, подобрали.

— И что было дальше? — не удержался Юрий и наигранно восхитился. — Тебя наградили орденом?

— Орден дали старшему, а мне именные часы от Главкома ВМФ! — гордо заявил Вадик.

— Покажи! — потребовал Юра.

Вадик замялся:

— Честно говоря, часы у меня дома, в сейфе. Даже если б взял с собой, и то не показал бы. Секретно...

Юра театрально вздохнул:

— Эх! Жалко не увижу я часы от Главкома! Извини, продолжай...

Вадик вновь приободрился:

— А потом был поход в Анголу. В это время я уже взводом морской пехоты командовал...

Я не выдержал и прервал пустобреха:

— Ты служил офицером? А какое училище окончил?

— Почему офицером? Я же говорил, служил срочную — солдатом!

— Вадим! Ты же вроде был матросом? Насколько я помню, в морпехах матросы...

— Солдатом, матросом — какая разница! Не придирайтесь к словам, слушайте меня!

— Молчим, молчим! — успокаивающе замахал руками Юра.

— Ну, ладно, старшим матросом. После той диверсионной операции я почти год командовал взводом...

И опять я не удержался, ухмыльнулся, подмигнул матросу Пете и ехидным тоном поинтересовался:

— Постой, Вадик! Как же ты командовал взводом? Не было лейтенанта взводного? Так не бывает, чтобы на боевые действия в далекую страну и без командира. Где был офицер? Ранили? Заболел? — дал я штурману шанс подкорректировать правдоподобность рассказа.

— Почему не было, был, но я его послал куда подальше. Он был тупой, чмо, слюняк. Одним словом, мо-ло-дой! — произнес штурман презрительно. — Хотел ему морду набить, но ротный удержал — не пачкай, Вадим, руки о тупого взводного! Ротный так и сказал: Вадим, я тебе доверяю, ты настоящий командир, у тебя хорошо получается... Так вот, продолжу, когда я командовал взводом морской пехоты...

— Ротный прямо так и сказал, вместо тупого взводного? — Как офицер запаса, я не долгие не мог сдержаться: — обычному бойцу доверил командование?

— А почему нет? У меня за плечами уже был серьезный поход в Гондурас!

— Ах, да! Но поход ведь был секретный! Ты ротному рассказал? Он про Гондурас знал?

— Не важно, не перебивай! Война в Анголе была тяжелая, много потерь. Едва мы прибыли в Африку, как вахтенный штурман крейсера прозевал диверсантов на рейде Луанды...

— Точно на рейде Луанды? Уверен, что не Лобито?

Вадим сделал вид, что не заметил моей шутки, и продолжил:

— Стоим на рейде, зажигаем, пьем с друзьями ром, глазеем на город, на пальмы, а вахтенный штурман в этот момент прошляпил боевых пловцов — подорвали наш Краснознаменный крейсер!

Я в недоумении вытаращился на болтуна — слышал звон, да не знает, где он. Диверсанты подорвали не крейсер — торговые транспорты! И, насколько я помню, вовсе не в Луанде...

— Короче говоря, высадились мы батальоном на берег с подорванного крейсера...

— Не с БДК? Точно с крейсера?

— Да не перебивай — научись слушать людей! — рассердился Вадик. — Совершили мы трехдневный марш-бросок в джунгли Анголы, на постоянную базу и оттуда начали мочить местных повстанцев, а потом в пустыне Намибии юаровцев били...

— Стоп! Кого-кого вы били? — вновь я не смог удержаться.

— Южноафриканцев.

— Батальон «Буффало»?

— Почему батальон? Их было гораздо больше. Да одна только наша рота завалила больше батальона!

Я тяжело вздохнул, покачал головой, и мы с Юрой понимающе переглянулись — совсем заврался парень.

— А после боев, пойдешь, бывало в город...

— В какой город? — уточнил матрос Петя, прежде долго молчавший.

— Матрос, не перебивай! В какой-какой, в Луанду, например! Расслабиться: попить местного пивка, негрityнчочку жгучую снять на ночь...

Я едва не засмеялся: матрос — и на ночь в увольнение в чужой в город? Ну и ну...

— А как ты с африканками общался? — заинтересовался Юра. — На каком языке объяснял, что от них хочешь? Знаками?

— Как на каком? На ангольском! Я за год его быстро освоил. Чего там учить, примитивный язык — слов мало.

— Может, все же на португальском? — не удержался Петя от иронического замечания.

— Почему на португальском? Ангольцы говорят по-ангольски. Португальцы давно оттуда ушли...

— В Анголе португальский официальный язык, это даже школьники знают, — продолжил упираться Петя и посмотрел на меня, ища поддержки.

Я кивнул.

— Матрос! Ты изучал в школе, а я на своей шкуре испытал войну в джунглях! Салага...

— Вадик! Я могу тоже подтвердить, в Анголе — португальский! — заявил авторитетно старший парусный штурман Юрий. — Давай поспорим на коньяк!

— И поспорим!

Я не выдержал этой бесконечной пустой, хвастливой болтовни штурмана:

— Вадик, тебе тридцать семь? И срочную службу ты проходил в середине девяностых? Так?

— Ну и что?

— Да то, что наши и кубинцы из Анголы ушли в конце восьмидесятых, а война еще при Горбачеве закончилась. А ты служил уже в Вооруженных силах России и несешь всякую чушь, предназначенную для наивных девчонок: Гондурас он взорвал, блин, взводом морпехов в Анголе командовал...

— Да ну вас! Умники!

Вадик вспылil и, нахмурившись, покинул мостик, оставив нам тему для разговора о фантастическом вранье и фанфаронстве второго штурмана на всю ночную вахту.

Полдень. Заступаем на очередную вахту. Напарник Миша быстренько хлопнул в знак приветствия меня по ладони и помчался в душ освежиться.

— Привет, «Плавали — знаем»! — шутиливо поприветствовал я хвастливого штурмана.

— Чего? — не понял Вадим и насупился. — Чего плавали-знаем?

Любопытно, читал ли Вадик повесть Коржикова с колоритным отрицательным героем капитаном «Плавали — знаем»?

— Есть такая детская книжка: «Приключения мореплавателя Солнышкина»...

Рыхлый штурман лишь презрительно хмыкнул, явно в детстве книжек он вообще не читал.

— Лучше бы охрана поменьше болтала, а внимательнее наблюдала за морем! А то, по вашему разгильдяйству, того и гляди, нас захватят пираты...

Я решил поставить нахала и выскочку на место, накануне не получилось, он успел ретироваться.

— Вадим, а напомним точнее, какие годы были, когда ты воевал в Анголе? Какой год призыва в армию?

— Осенью девяносто первого призвали, а воевал с девяносто третьего. Призвали меня чуть позже срока после ветеринарного техникума. Хорошая была и денежная работа ветеринаром. А что?

Блин! Он вдобавок ко всему и ветеринар. Несостоявшийся ветеринар второй раз мне попадает в должности штурмана и опять с именем Вадик!

— Ладно, про то, что ты ветеринар — промолчу. А та история с подрывом судов, о которой ты вчера болтал, была не с крейсером, а с торговыми транс-

портами, и произошла в восемьдесят шестом или восьмидесят седьмом... Я в это время в Афгане воевал... Мы воевали всюду, потому что была холодная война — противостояние двух систем. А когда в девяносто первом СССР распался — прекратились это противоборство и войны в Африке.

— Что вы об этом можете знать, дилетанты...

Вадик строил на круглом лице презрительную и высокомерную гримасу, расписался в судовом журнале и удалился с гордым видом победителя.

Старший штурман хмыкнул:

— Чего только не услышишь от фантазера: и морпех, и боевой пловец, и ветеринар... Яйцerez, блин!..

Я начал объяснять старшему штурману, что Вадик явно привирает, но Юрий лишь отмахнулся, мол, ему надо работать с документами, а не обсуждать пустого болтуна. Зато Петя горячо поддержал меня:

— Этот Вадик появился на судне за неделю до нашего прибытия, в Порт-Саиде. Прибыл вместе с мамашей, она судовой врач. Видимо, сделала протекцию сыночку — предыдущего ревизора списали на берег, а Вадика взяли. После первого общения сразу становится понятно, что он неуч-заочник. Я уверен, что он попал к нам на парусник исключительно по блату, благодаря мамаше...

Примерно через сутки, перед ночной вахтой штурман вновь начал чудить. Разговор на мостике зашел о преступности в стране, Вадик услышал и не смог удержаться:

— Помню, когда я работал участковым, то раскрываемость у меня на участке была почти стопроцентная! Спросите, как это у меня получалось? Надо хорошо знать соответствующий контингент зоны риска: наркоманы, вышедшие из тюрем и лагерей, психи, алкоголики, проститутки...

Тут я вновь не выдержал и перебил болтуна:

— Вадик, как ты попал в милицию? Ты же моряк...

— В участковые я пошел для получения квартиры — после армии.

— После службы на флоте морпехом?

— Ну, да, после войны в Анголе и секретной миссии в Гондурасе. Обещали дать быстро, как ветерану боевых действий.

— Вадик, не отклоняйся от темы... итак, что насчет милиции... — Старший штурман остановил намечавшуюся вторую серию фантазий про Анголу и Гондурас. — К чему ты про участкового сейчас заговорил?

Вадик сбился на полуслове намечавшегося вторичного дежурного рассказа о пальмах Гондураса и замер с разинутым ртом.

— А что я говорил про милицию?

— Что у тебя был порядок на участке, — терпеливо напомнил Юра.

— Ну да. Был порядок! Не то, что сейчас менты бардак устроили, распустились! Работать честно не желают, коррупция всюду.

— А зачем ты после службы пошел в менты? Как попал в милицию?

— Школу милиции закончил. Вообще-то я с детства мечтал стоять на страже закона и помогать людям. По окончании школы дали мне мотоцикл, пистолет, дубинку — весь преступный мир района был у меня вот здесь! — Вадик сотряс воздух крепко сжатым кулаком. — Все гопники боялись!

Петя не выдержал и прыснул коротким смешком, а второй штурман сделал вид, что не заметил нашей иронии, и продолжил:

— Пять лет честно отработал, заслужил две медали за добросовестную службу, получил жилье, и в отставку! Начальник краевой милиции умолял не увольняться, но я к этому времени закончил заочно мореходку — мечтал о морской романтике...

— Ты же говорил, что окончил очное отделение, — сразу насторожился старший парусный штурман.

Вадик слегка стушевался, но поправился:

— Начинал на заочном отделении, а потом перешел на очное. Мне пора...

На этой фразе Вадик скомкал свой рассказ, торпливо покинул мостик и поспешил в каюту. Жаль, не порадовал нас подробностями милицейской службы...

Очередная вахта — мы в предвкушении самодеятельного театра одного актера. И действительно, Вадик вновь чудит:

— Эх, а самые славные были денечки, когда я пять лет работал в спецслужбах: в ФСО и в наркоконтроле...

Мы переглянулись, второй помощник действительно оправдывал наши ожидания. Замерли.

— Вадик! И что ты делал? — уточнил Юрий. — Сам ловил наркоманов?

— Приходилось! — многозначительно подтвердил штурман.

— Теперь понятно, почему наше Приморье завалено наркотой! — хмыкнул Юра. — Благодаря таким, как ты, контролерам.

Второй помощник поморщился:

— Наркотиков много, потому что таких, как я, честных сотрудников, выдавили из органов! Ведь я лично сотни наркоторговцев вычислил и посадил!

Петя прыснул в кулак, а я громко рассмеялся.

Вадик психанул, торпливо заполнил журнал и поспешил прочь.

Я уже не знал, что и сказать — кем только, по рассказам, этот Вадим не работал. Прямо не моряк, а Джеймс Бонд!

Следующая байка Вадика была о том, как он три года героически служил в ФСБ и ловил в Приморском крае и на Курилах шпионов. Выслушали. По-

сле того как штурман завершил рассказ и гордо ушел, мы вновь, почти всю вахту, посмеиваясь, смаковали бредни.

— Мне кажется, что он не просто фантазирует, а живет в своем придуманном мире супермена! — предположил я. — Такое ощущение, Вадик после вахты смотрит сериалы: посмотрит «Участок», приходит и вещает нам о сложной работе участкового, посмотрит про чекистов — и болтает о ФСБ. Большой ребенок с неудавшейся жизнью, с отсутствием подвигов и острых ощущений...

Никогда прежде я не слышал от других моряков столько несусального вранья.

Однажды Юра оборвал фантазии Вадика самым грубым способом, произведя некоторые подсчеты на бумаге.

— Слушай, Вадим, у нашего коллектива создается впечатление, что ты прожил две жизни.

— Почему это? — нахмурился штурман.

— Я буду складывать, а ты поправляй меня. Ветеринаром был с восемнадцати лет?

— Был, — кивнул Вадик соглашаясь.

— Итак, учеба, работа — три года. Служба на флоте, еще три года. Участковым: учеба и работа — семь лет. Так?

— Угу.

— Наркоконтроль — пять лет? Пять. ФСБ — плюс три года. По морским документам, ты штурманом уже семь лет. Диплом ведь и морской стаж не липовые? Верно?

— Верно, все документы настоящие.

— Получается, при твоих тридцати семи годах, у тебя взрослой трудовой деятельности двадцать три года. Нестыковка! Разъясни нам, как так.

— Ничего я вам объяснять не буду! — вновь вспылил Вадик, и на этом его байки и общение с нами прекратилось.

Ближе к Шри-Ланке Вадик окончательно с нами рассорился и замолчал. Однако за месяц научился без запинки доводить до экипажа наше местонахождение, прогноз погоды и желать приятного аппетита. Натренировался благодаря нашим насмешкам! Смог читать хотя бы по бумажке...

Голод на «Золотой пароме»

Очередной переход через океан начался с забавной и нелепой телеграммы, а текст ее был примерно таким: «Прошу команду секьюрити, прибывающую на борт танкера, привезти питание! Голод...»

Полковник Алекс с еле сдерживаемым смехом довел до меня содержание пришедшего в компанию мэйла.

— Сейчас поедешь и купишь питание...

— Алекс, ты офигел? Я ничего не понял: как мы втроем можем привезти питание на целый экипаж,

да еще на две недели? Это же несколько тонн! Что-то тут не так...

— Ах, да, я не уточнил, какое питание. Не переживай, тащить надо не еду для экипажа — спортивное питание. Фамилия капитана — Голод. Это для него...

— Забавно! Экипаж оголодал без допинга?

— Да кто их знает, что у моряков на уме — странный народ. Мне прислали адрес и список товаров: шоколад, таблетки, пилюли и прочая дрянь... Всего на тридцать тысяч рублей!

— Алекс! Но у меня нет с собой таких денег — я сейчас в городе, в пути. А вылет завтра. Когда я смогу купить все это «добро»?

Босс на минуту задумался.

— Как ты без денег живешь? Как без денег ходишь?

— Живу почти как вся страна — от зарплаты до зарплаты! И кто нормальный носит с собой просто так в кармане тридцать тысяч?

— Ладно! Встречаемся через час на «Новочеркасской»! Будут тебе деньги...

В условленном месте получив денежки и список товаров, я помчался в магазин на улицу Восстания.

Улыбчивые продавцы устремились навстречу запоздалому клиенту, вероятно с выполнением плана было плохо:

— Что желаете, товарищ?

А желал много, но совсем не я. Меня спрашивали, что предпочитаю, а я ничего не предпочитал и честно объяснил сложившуюся глупейшую ситуацию.

— Продавайте на свой вкус!

Началась продажная суeta: двадцать наименований, весом двадцать пять килограммов! А до закрытия магазина всего час. Продавцы забегали как угорелые: склад, подсобка, стеллажи в зале. Искали, подбিরали, пробивали по кассе — набрали. Уфф!

— На вашу столь большую покупку полагается подарок, и даже подарки. Хотите цененные майки и футболки?

— Хочу!

— Шесть штук! Выбирайте размеры...

Размеры оказались в основном гигантские, для высоченных и широченных в плечах качков. Однако удалось набрать шесть маек и футболок — подарки друзьям!

Нагрузился в полдюжины пакетов и сумку, рассчитался — вложил в требуемую сумму. Поташился по улице и еле-еле добрал до метро.

Утром — в дорогу и надо как-то доставить это «питание» до аэропорта, а у меня еще своих вещей куча. Хорошо, Серж Остроногин с утра ко мне заскочил и разделили груз пополам, а уже аэропорту, чтобы не было перевеса, отделили часть Кабыле.

Сели, взлетели, приземлились и помчали в Порт-Суэц. Очередная посадка на полном ходу на борт на выходе из канала — уже привычная. И вполне благополучная.

Генеральный**директор**

Евгений Шишкин

Художественный**редактор**

Татьяна Погудина

Цветоделение**и компьютерная****верстка**

Александр Муравенко

Заведующая**распространением**

Ирина Бродянская

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 125284, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Подписано в печать:

29.10.2019

Тираж 1 500 экз.

Уч.-изд. л. 12,0.

Заказ № 4921-2019

Адрес редакции:

Россия,

107078, Москва,

Новая Басманная, д. 19

Телефоны

редакции:

8(499) 261-84-61

8(499) 261-49-29

отдела распространения:

8(499) 261-95-87

E-mail:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

Вновь взобрались на борт танкера комбинированным способом: вначале по штурмтрапу, потом по парадному — налегке. Тем временем матросы подняли с катера на палубу сумки с нашими вещами и сейф с оружием.

Капитан машет с крыла руками и что-то кричит. Высоко — не слышу. Поднимаюсь, представляюсь, а в ответ и мастер называет себя, он действительно капитан Голод! Имя Юрий.

— А мы поначалу подумали, на борту судна начался голод, — пошутил я.

— Голода нет! С провизией порядок, хорошо затарились перед проходом Босфора.

— А почему в Новороссийске не купили этого спортивного питания? Зачем мы все это добро тащили через три границы?

Мастер ухмыльнулся:

— Почему не покупали — купили, но уже съели. Мы с молодым матросом усиленно качаемся...

Да уж! У этого капитана Голода действительно настоящий голод... Спортивный голод!

— Зачем так напряженно?

— Сгоняю животик — у меня новая молодая жена. Качаю все мышцы...

Голод — забавная фамилия! Да каких только фамилий не бывает на Руси.

Хроника:

В водах Сомали в 2017 году было зарегистрировано 9 инцидентов с участием пиратов, тогда как в 2016 году таких случаев было всего два. В ноябре пираты напали на контейнеровоз примерно в 280 морских милях от Могадишо. В результате маневрирования высадки пиратов на борт удалось избежать, тогда те выпустили по судну две гранаты, но, по счастью, не попали. Шестеро сомалийских пиратов было в связи с этим инцидентом задержано Объединенными военно-морскими силами ЕС и передано правосудию на Сейшелы, где им было предъявлено обвинение и светит до 30 лет заключения.

* * *

...Выходит империю сомалийских пиратов окончательно уничтожили и наша работа закончена? От таких новостей поневоле задумаешься о перемене трудовой деятельности. Финиш?

И тут позвонил босс. Полковник Алекс предложил пойти в длительный рейс на танкере с символическим названием «Герои Сталинграда» — на три месяца.

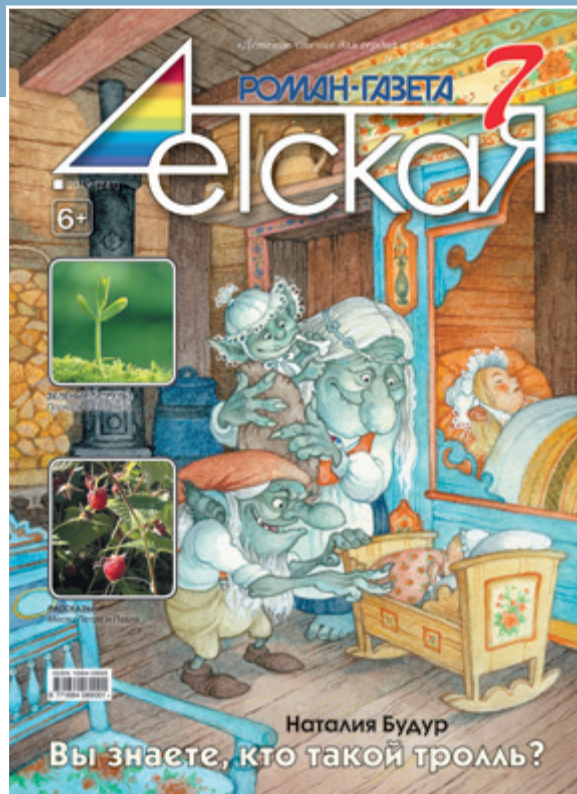
Итак, тяжелая, но интересная морская работа продолжается!..

Детское чтение для сердца и разума

РОМАН-ГАЗЕТА

етская

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге «Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге «Почта России»

П1654 на полугодие

Адрес редакции: Россия, 107078, Москва, Новая Басманная, д. 19
Телефоны редакции: 8 (499) 261-84-61, 8 (499) 261-49-29
Телефон отдела распространения: 8 (499) 261-95-87
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru Сайт: www.roman-gazeta-1927.ru

